

КУДИС

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Элеонора Бостан

18+

Элеонора Бостан

Кудис 2

<https://litres.ru/74377943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую пятницу Семён продолжает посещать загадочный Клуб, где неизменно повторяется ритуал, и судьба выбирает рассказчика. Но привычный ход вещей нарушается, когда Ангел Смерти является ему самому. Понимая, что его дни сочтены, Семён решается на самое отчаянное приключение в своей жизни, нарушив все Правила и забыв о пророчестве девочки Леры: «Не ходи туда, куда пойдёт она. Не ищи то, что будет искать она». Удастся ли ему спастись от смерти? И какой ценой?

Элеонора Бостан

Кудис 2

Глава 1

Наверное, в жизни не бывает ничего просто так, нет ничего бессмысленного, и то, что нам кажется волей случая, или пустым совпадением, или ничего не значащей мелочью, на самом деле лишь часть большого Узора Судьбы, не видного нам в силу нашей ничтожности. Теперь, оглядываясь назад, в тот невероятный год, изменивший мою жизнь, я понимаю, что каждый камешек на моём пути был тем составляющим критической массы, которая потом вызывает сход лавины или обвал скалы.

В понедельник ещё один камешек запрыгал по склонам моей жизни, задевая по пути соседние камешки, чтобы потом превратиться в каменный вал, похоронивший под собой мою привычную жизнь навсегда. Я перебивал в отличном настроении, насвистывал мелодии и подпевал песням по радио, заполняя истории болезни. А почему нет? Весна вышла на пик своей красоты, за окном сияло солнце, я был ещё молод, здоров, у меня была работа, которую я умел делать хорошо... и где-то под этим небом прямо сейчас происходили чудеса, да-да, самые настоящие. История Артёма имела такой сильный позитивный флёр, что спустя 2 выходных я всё

ещё пребывал в какой-то эйфории, в каком-то теплом энергетическом коконе. Да, мир был полон дерьма, уж простите, полон жестокости, подлости, тупости и равнодушия, но вместе с тем параллельно существовал мир, в котором хорошие парни получали второй шанс и даже третий, в котором существовала настоящая дружба, и сама Судьба иногда вставала на сторону добра. Это стоило того, чтобы улыбаться, правда?

Коллеги многозначительно подмигивали мне, поднимали одну бровь и понимающе кивали, как будто могли хоть отдалённо предположить, что являлось истинной причиной моего приподнятого настроения. Я не спорил, в тот понедельник я вдруг подумал, что понимаю смысл буддийской мудрости: знающий истину не спорит. И я имел счастье убедиться в правоте ещё одной мудрости: чем человек наполнен, то из него и выплёскивается — я шутил, я подбадривал своих пациентов с бОльшим энтузиазмом, чем обычно, я даже не ворчал и не препирался, когда в ординаторской переключили радиостанцию на какой-то шансон, и я с подозрительной для коллег лёгкостью соглашался выполнить их мелкие просьбы. Я подменил Сергея, такого же терапевта, как я, на пару часов — он поехал на утренник к дочке. Я помог Кэт, нашей королеве буфета, поднять тяжеленный ящик с газировкой (она ослепительно улыбнулась мне коричневыми зубами и процедила с пошлой ухмылочкой, держа сигарету уголком губ: «Че, знатно на выходных потрахался, а? Добренький-то какой, как сытый кот», это у неё было вместо благодарности),

я даже не стал спорить с Зодиаксом, нашим заведующим, когда он сказал, что моя очередь дежурить на праздники. Более того, я сам вызвался отнести на станцию скорой общий отчёт для подписи – наш Зодиакс его уже подписал, как и все главы отделений, а так как скорая была в отдельном здании, они подписывали последними. Обычно это делала какая-нибудь попавшаяся под руку медсестра, врачи никогда не бегали с поручениями, я столкнулся с ней в коридоре нашего отделения, я выходил из палаты (выслушивал в 10-й, наверное, раз жалобы старушки на вздутие), а она шла от шефа с папкой в руках и недовольным выражением на лице.

- Что, Лида, опять послали подальше? – Улыбнулся я.

- Не успела в туалет метнуться, - покачала головой молоденькая медсестра, - Зодиакс ваш... то есть, Дмитрий Егорович, поймал прямо у двери и вот, послал. – Она закатила глаза и вздохнула. – Только мы с девчонками решили кофе попить, пока затишье...

И тут мой внутренний «рыцарь дня» совершил ещё один подвиг.

- Хочешь, я схожу? – Она замерла и недоверчиво посмотрела на меня. - Ты ничего мне не будешь должна. Просто хочу выйти на воздух, погода такая классная, а я тут сижу в 4-х стенах и слушаю жалобы на бесконечный пердёж... я бы рад вырваться.

- Правда? – Она всё ещё недоверчиво хмурила густо накрашенные брови, - а мне за это ничего не будет?

- Ну, ты ведь выполнила поручение врача, и отчёт будет подписан. Это не архи какое дело, поверь мне, так что можешь бежать к подругам, а я прогуляюсь до скорой.

- Спасибо, Семён Сергеевич! – Она робко улыбнулась, похоже, не до конца веря своему счастью, - а вам точно не сложно? Я вам проблем не создам?

- Мне, детка, можно всё, - величественно улыбнулся я, и она засмеялась, – я в этой больнице уже как «дед» в армии, так что пользуйся моей одноразовой добротой.

Она снова засмеялась и протянула мне папку.

- Мы вам оставим торт, там Динара вафельный принесла к чаю.

Я кивнул, думаю, мы оба понимали, что я никогда не приду на чай в медсестринскую комнату, а они никогда не принесут мне торт в ординаторскую, но это был ритуал вежливости, из них ведь и состоит общество, разве нет?

С довольной улыбкой на лице я начал спускаться на первый этаж, специально не пользуясь лифтом – не хотел никого встречать. Мне правда представлялась отличной возможностью выйти на это солнце, вдохнуть весенний воздух, в нашем больничном парке он был свежим, несмотря на широкую улицу рядом, отвлечься от работы, перекинуться парой слов с ребятами. Я выпорхнул из больницы из входа для неотложки, здание скорой было совсем рядом, перед ним стояли две машины, и курили водители, шурясь на ярком солнце, широкие ворота слева от меня были распахнуты.

- Парни, ваш шеф на месте? – Прикрывая глаза от яркого света, спросил я, поднимая папку, чтобы избежать лишних вопросов.

- На месте, - выдохнул один из них со струёй дыма, - только через главный вход сейчас не пройдёшь, там коробки с расходниками привезли. Иди через боковушку.

- Понял, - кивнул я и направился по дуге к боковому входу.

Здание скорой было небольшим двухэтажным строением прямо напротив экстренного входа, то есть у боковой части больницы, ворота выходили не на широкую улицу Свободы, а на улицу Гоголя, специально, чтобы скорая могла свободно заезжать и выезжать. Главный вход одновременно был и широким въездом в гараж, где стояли машины, он всегда был открыт, проходя мимо, я бросил быстрый взгляд туда – сквозь приоткрытые створки я действительно увидел нагромождение коробок, похоже, никто не торопился их разносить. А если вызов, подумал я, сбивать будут? Эта мысль показалась мне забавной, и я улыбнулся, с радостью заходя в ажурную от молодых листочков тень раскидистых деревьев нашего парка – они росли совсем близко к боковому входу, он находился с противоположной от ворот стороны. И вдруг моя улыбка сначала застыла, а потом медленно поплыла вниз. Я отчётливо услышал тихие всхлипывания.

Я замер, в больнице слезы не редкость, люди теряют близких и друзей и реагируют естественным образом, но перед

моими глазами не было ни лавочек, ни людей. Налетел порыв ветра, зашумел в ещё не до конца оформившихся кронах, и даже сквозь этот шелест я услышал новое всхлипывание, а потом этот кто-то шмыгнул носом. Пациент? Я отнёс эту мысль сразу, звук шёл откуда-то из-за здания скорой, посетители и пациенты сюда не ходят. Ну вот, теперь моему «рыцарю дня» предстояло совершить очередной подвиг и утешить даму – это однозначно плакала женщина. И ещё я подумал, что не взял телефон, не рассчитывал застрять тут надолго, а ведь я был на работе, и меня никто с неё не отпускал. Но проигнорировать плачущего человека я тоже не мог, тем более, что это коллега, в этом я не сомневался. Вздохнув, я решительно направился к боковому входу.

Железная дверь под козырьком была прикрыта, из тёмного коридора тянуло сыростью, но я прошёл мимо, направляясь к забору и углу здания – звуки шли оттуда. Преодолевая это небольшое расстояние, я мысленно прикидывал, кого могу там обнаружить: какую-нибудь медсестру, или работницу бухгалтерии, или санитарку, или...? Но вот о ней я даже не подумал, потому что меньше всего на свете ожидал увидеть там её.

Я заглянул за угол, в узком пространстве между забором больницы и серым зданием скорой на корточках, привалившись спиной к стене, сидела Маришка и горько плакала, закрыв лицо руками. Я так оторопел от этой картины, что даже не смог ничего сказать, только пялился на неё, пытаюсь

сообразить, не обманывает ли меня зрение. Она не замечала меня, рыдания сотрясали ее накаченное тело, и хотя она старалась не шуметь, всхлипывания всё равно просачивались сквозь прижатые к лицу ладони. Наконец первый шок прошёл, и я неуверенно выдал:

- Эй..., Маришка..., - я едва не сказал первое что было на уме: «ты умеешь плакать??», но вовремя прикусил язык, - что с тобой?

Она резко вскинула голову. На лице была злость от того, что ее обнаружили, стыд, что обнаружили в таком состоянии, но ещё больше на этом лице было боли и отчаяния.

- Что тебе надо? – Хриплым голосом воскликнула она, яростно вытирая глаза и делая глубокие вдохи, - нигде в покое не оставят!

- Ничего, - ошарашено ответил я, пожирая глазами эту невероятную картину, наша железная дева, наша королева воинов, умеющая усмирять даже крутых мужиков поставленным ударом правой, плакала, как самая обычная беззащитная женщина. – Я услышал...

- Вот и иди, куда шёл, - ее грудь прерывисто поднималась и опадала, - оставь меня!

- Не могу, - тихо и искренне ответил я и сделал маленький шаг за угол здания, она тут же пронзила меня таким взглядом, что я умер бы на месте, если бы она смотрела на меня чуть дольше. – Это трусы бегут от женских слез, а я никогда трусом не был, ты и сама это знаешь.

Она не нашлась с ответом и угрюмо молчала, растирая красные глаза кулаками и всхлипывая.

- Я не истеричка, - бросила она, не глядя на меня, - и да, я всё-таки женщина, чёрт побери!

- **Ты** точно не истеричка, - усмехнулся я, - и оставь в покое глаза, а то такое ощущение, что ты их сейчас выдавишь.

Я сделал ещё один решительный шаг и сел рядом с ней, жалея, что у меня, в отличие от киношных джентльменов, нет с собой ни платка, ни салфетки. Под ногами был пышный слой опавших осенью листьев, здесь их никто не убирал, пережив зиму, они стали серыми и источали какой-то запах уныния.

- Сегодня годовщина, - хриплым голосом сказал Маришка после нескольких минут общего молчания. – Его не стало 3 года назад. Всего 3 года...

Она снова всхлипнула, но на этот раз удержала слёзы, сила возвращалась к ней, и я невольно испытал восхищение – молодая женщина потеряла любимого человека и осталась одна во всём мире. Работает на скорой, где по ночам пьяные выродки пытаются пощупать ее или вообще избить. И она отрастила броню, она стала сильной, чтобы не дать этому безжалостному и грязному миру ее сломать. Много ли таких людей я знал? Хороший вопрос. Люди в 90% случаев – трусливые приспособленцы, готовые ползать на брюхе и целовать ботинки того, кто сильнее. Они всегда что-то мямлят про «судьбу», «мир таков» и «а что я могу поделать?», и

лишь единицы имеют столько достоинства и отваги, что говорят злу: «НЕТ». Зная, что будет трудно, больно, что они, возможно, лишатся всего и даже жизни... но другого пути они для себя не видят и не признают. И вот это для меня ЛИЧНОСТИ, остальное – человеческая популяция.

- Так что, я тут разнылась не из-за поломанного ногтя или очередного мудака, решившего мне нахамить.

- Если мудак решит тебе нахамить – плакать придётся ему, - усмехнулся я.

Я глубоко вдохнул, стараясь подобрать нужные слова, в такие моменты это особенно сложно.

- Я соболезнаю. – Просто сказал я, - и я не представляю, что ты пережила. Я просто хотел сказать, что восхищаюсь тобой, твоей силой... ты не жертва, ты не сломалась. И да, ты – женщина, женщина-воин, и все эти смешки и наши тупые шутки – они от неуверенности. И ты не должна оправдываться за то, что любила и была любима. И ты имеешь полное право на боль, потому что жизнь отняла у тебя всё это.

Она молчала, внимательно слушая и глядя себе на руки. А я продолжил:

- Ты человек, и чувства – то, что отличает тебя от неодушевлённого предмета. А если у человека есть сердце – оно неизбежно болит. Люди без сердца – омерзительные уродцы. И ты не стала в моих глазах глупой или слабой. Ты стала ещё более достойной уважения.

- А почему ты прячешь свою человечность под всеми эти-

ми грубыми шуточками и невидимой стеной, которой ты себя окружил?

Вопрос ударил меня в самое сердце, а Маришка просто смотрела мне в глаза умным и спокойным взглядом. Это была совсем другая женщина, мудрая и глубоко знающая человеческую природу.

- Ха, что ж..., - я подумал, что если сейчас начну отшучиваться и прятаться за той самой стеной – потеряю ее уважение навсегда, а мне почему-то стало важно, чтобы она, заглянув за эту неприступную стену, продолжала думать, что за ней живёт человек, а не ходячий фекалий. В такие моменты люди либо очаровываются твоим внутренним светом, либо он гаснет навсегда. – Наверное, по той же причине, по которой ты плачешь за зданием скорой, сидя по колено в прошлогодних листьях. Мы отрастили броню, потому что жизнь была нас слишком часто и слишком сильно. И теперь нам страшно обнаружить хоть маленькую щёлочку в этих доспехах.

Она молчала, прерывисто дыша и глядя куда-то в пустоту, а я продолжил.

- Мы вечные дети, Марина, - вздохнул я, в этот особый момент я называл ее по имени, не Маришка, как все ее называли, не Зена-Королева-Скорой, не Маришка-Рэмбо. Нет, я называл ее настоящим именем, потому что передо мной была настоящая она, а не ее образ. – Мы закрываем глаза и думаем, что мир исчез, раз мы его перестали видеть, а если никто

не видит наши грехи – значит, их не было.

- Знаешь, Лёша всегда говорил, что люди делятся на 2 типа, - задумчиво сказала она, - первый может сделать гадость, потому что никто не видит, второй – не делает гадость, потому что это видит *он сам*.

- Да, - кивнул я, думая о Мадам, Азалиахе, о том огромном куске мироздания, который мы, не видя, считали несуществующим, глупые люди, находящиеся на уровне развития маленьких детей по меркам всех этих существ. – Как минимум один свидетель есть всегда.

Она повернулась и посмотрела на меня, взгляд был таким глубоким, на губах появилась холодная улыбка.

- И это и есть главный и определяющий вопрос: чьё осуждение для тебя важнее – чужое или твоё собственное?

Глава 2

В 2.15 я стоял на балконе и курил свою ночную сигарету, не такую горькую, какими они бывали на дежурстве, но и не такую приятную как после завтрака в выходной день или после хорошего секса. Возле дома цвели вишни и сливы, и хоть на 7 этаже я не мог их видеть, но аромат долетал, поверьте. В многоэтажке напротив погасли уже почти все окна, мне тоже следовало бы спать, а не травиться сигаретным дымом, тем более, что мне завтра заступать на сутки... но я не мог выкинуть из головы Маришку. От кого на самом деле она прятала свои слёзы, от нас, болванов. Или от себя?

А от кого прятался я?

История Патрика, слёзы Маришки и ее неожиданная глубина и мудрость, моё желание показать ей, что за моей стеной живёт человек, настоящий, имеющий сердце – всё это пробивало бреши в моей обороне от мира. А мне было так уютно все эти годы за той самой стеной. Как я буду жить, если эта стена рухнет, и в мою стерильную обитель ворвётся шумный и бесцеремонный мир?

Мама всегда повторяла, что с моим характером я не умру своей смертью, и я спрятал себя от жизни, выпуская за эту стену свой полупрозрачный аватар. Мы, глупые создания, подсознательно понимая, что от смерти спастись нельзя, спасаемся от жизни, как будто хоть кто-то избежал участи быть вышвырнутым из этого удивительного мира. Да, я сказал, что не умею впускать людей, потому что люди были не те. А что, если за всеми этими стенами, которые нас учат выстраивать, мы не можем разглядеть друг друга и понять, кто для нас тот самый, а кто просто прохожий? Патрик жил без стены, без аватара и без брони, он нёс в руках своё горящее сердце, и оно растопило ледяную стену отчуждения и равнодушия, за которой, как и все мы, прятался Артём. Я же слышал его рассказ, если бы не искренность Патрика, этой чудесной истории не было бы, наверное... Что-то бы было, но не такое светлое и вдохновляющее. И Артём рискнул выйти, рискнул обрушить свою стену, и вот что он приобрёл.

Сегодня мы с Маришкой оказались в похожей ситуации, каждый из нас мог послать на контакт упакованного в бро-

ню аватара, но вместо этого мы оба начали с осторожным любопытством расковыривать щели в своих доспехах и показывать друг другу то, что пряталось за ними.

Что будет со мной, если стена рухнет, и я выйду к миру, держа в руках своё беззащитное сердце, которое так легко ранить или уничтожить?

И самое удивительное и пугающее, то, что не давало мне уснуть – я был не в ужасе от намечающегося падения «великой стены безразличия», скорее, я был в возбуждённом предвкушении.

Глава 3

В этот вечер в нашей ординаторской было не накурено и даже не гремела музыка. Всё из-за пожилого травматолога, Михаил Валентинович не курил, Маришка тоже, а я не дымил, так как остался в меньшинстве, да ещё после почти бессонной прошлой ночи чувствовал себя как недоваренный кусок мяса. Маришка заглянула часов в 8 вечера, оказалось, она тоже дежурила, в кардиологии сегодня не было никого из нашего круга общения, так что мы пили чай вдвоём, оба умышленно не вспоминая о той ситуации за зданием скорой. И, как ни странно, этот общий секрет ещё больше сплотил нас. Я думал, она выдаст что-то типа: «Если скажешь кому-нибудь – урою», но она не произнесла ни слова, как и не стала меня избегать, чего я тоже ждал.

Она принесла булочки из нашего буфета, пластмассовые и ничем не пахнущие, но в такие вечера съедобным кажется

даже кусок пенопласта, если его сверху посыпать сахарной пудрой, кто работал сутки - меня поймёт. Я усомнился вслух, успеет ли она их съесть, она ответила, что очередь Андрюхи первым ехать на вызов. Мы пили чай и болтали о работе, обсуждали начальство и коллег, даже как-то странно – ни слова о произошедшем, когда ручка повернулась, и в нашу очень скромную обитель заглянул пожилой травматолог.

- Надеюсь, у вас не свидание, - улыбнулся он, мы с Маришкой так энергично и так молниеносно замотали головами, что он засмеялся, - тогда я, пожалуй, стану «третьим лишним».

Честно говоря, я испытал облегчение, непонятное мне самому. Михаил Валентинович был на редкость обаятельным пожилым джентльменом. Внешне он напоминал мне какое-то муляжное насекомое, может, муравья; он всегда был абсолютно спокоен и невозмутим, говорил медленно и чётко, и при минимальной мимике это смотрелось немного комично и добавляло ему шарма.

- Сегодня тихо, тьфу-тьфу, - он положил на стол пакетики с растворимым кофе, ещё одним видом валюты в нашей «больничной экономической зоне», - вот, решил навестить молодёжь, о ваших посиделках тут уже ходят легенды. Вы в курсе вообще, что терапевтическая ординаторская – общеизвестное злочное место в этом маленьком государстве?

- Сегодня вы не попали на главное шоу, - улыбнулся я, - это надо застать меня с Юрой, мы обычно устраиваем знат-

ные бои интеллектуальных гладиаторов...

- Или сумоистов, - вставила Маришка, - заплывших жиром самодовольных хмырей.

- Кто нас не обожает – тот ссылается в свои отделения, - наставил на неё палец я, мы вошли в привычную колею общения, и меня это радовало. Знакомая роль всегда даётся легче. – Здесь диктатура и сигаретный дым, а не благоговейный аромат демократии, дорогая.

В ответ она тоже вполне предсказуемо показала мне средний палец с приторной улыбочкой.

- Думаю, вы погорячились насчёт шоу, – заметил пожилой травматолог с усмешкой, - я уже не жалею, что проделал длинный путь в 3 этажа.

Мы налили чаю нашему гостю, беседа так же пошла о работе, потом, как это обычно бывает, плавно переместилась сначала на личные истории и забавные случаи на работе, а потом и в жизни. Михаил Валентинович рассказал, как познакомился с женой, он тогда был молодым ординатором, только закончившим институт, по дороге на дежурство стал свидетелем аварии: на перекрёстке столкнулись две машины, зацепили третью, Михаил Валентинович, конечно же, побежал оказывать помощь... Я почувствовал какой-то укол тревожности – почти то же самое произошло со мной в тот февральский вечер, и это стало причиной всех последующих событий. Из-за этого я получил приглашение в Клуб... А дальше каждое событие становилось камешком, образу-

щим огромный оползень, который и похоронил мою прежнюю жизнь под собой.

- Машины не горели, ничего такого, - рассказывал пожилой травматолог, - хотя я опасался, было лето, жара стояла страшная – это было в Абхазии, я не сказал – так вот, асфальт аж как будто мягкий стал от жара, и воздух над машинами как будто танцевал. Я первым делом посмотрел на дорогу – луж от бензина не было, и я приблизился. Столкнулись «горбатый» Запорожец, вы, наверное, уже и не знаете, что это такое, - усмехнулся он, - и Москвич 403й... как я о нём мечтал! А сбылась другая моя мечта.

Он нежно улыбнулся и отпил чай, я подумал, что атмосфера Клуба просто стала вездесущей, даже на дежурстве мы опять пьём чай и рассказываем истории... немного другого толка.

- Из Москвича вышел какой-то седой мужчина, видимых повреждений у него не было, я на бегу спросил, всё ли с ним в порядке, он ответил, что ушиб руку, но не сильно. А вот из «горбатого» никто не выходил. Испытав короткий приступ студенческой паники, я взял себя в руки и подбежал к машине, дверца водителя была помята, стекла разбились, за рулём сидел молодой мужчина, из раны на лбу у него текла кровь, заливая лицо, он вцепился в руль, медленно моргая и глядя в одну точку. А рядом с ним...

Михаил Валентинович смущённо улыбнулся и опустил глаза, и я в то мгновение как будто перенёсся во времени

и увидел его молодым, увидел того юного специалиста, ещё сомневающегося, но готового доказывать миру своё мастерство.

- Первое, что я увидел – огромные голубые глаза. – С бесконечной нежностью произнёс он, - они были такого редкого цвета, как зимнее небо, очень светлыми и такими яркими. Они оставались такими всю ее жизнь, даже когда она смотрела на меня с больничной койки за день до смерти, я видел ту девчонку в ярком летнем платье. Она сидела рядом с водителем, на коленях валялись осколки стекла, на руке был порез. Светлые волосы растрепались, а то самое лёгкое платьице задралось... ничего такого, ремень безопасности не позволил мне увидеть лишнее, но я невольно отметил, какая белая у неё кожа. Да, понимаю, момент был не самый подходящий, но мы ведь не роботы, иной раз думаем и чувствуем совсем невпопад.

- Она растеряно моргала, а потом проследила за моим взглядом и возмущённо так спрашивает: «Куда это вы смотрите?». Женщина остаётся женщиной даже в разбитой машине, - засмеялся Михаил Валентинович, - я, конечно, растерялся ещё больше, но лишь на доли секунды, а потом эти глаза вдохнули в меня уверенность и неожиданную силу. «Оцениваю возможные повреждения, - уверенно заявил я, - я врач. Не двигайтесь, я должен выяснить, насколько серьёзны ваши травмы».

- И вот с того момента и 43 года мы были неразлучны. Я

сначала дико приревновал ее к тому мужчине, с которым она ехала, хотя, понимаю, никакого права не имел – я-то знал ее от силы 10 минут! – Он снова засмеялся, - но быстро выяснил, что это ее брат, Володька, хороший был мужик, мы с ним всегда ладили, царство ему небесное. У него на лбу так и остался шрам – стеклом порезало, а моя Люся очень переживала, как бы и у неё шрам на руке не остался, но нет, всё зажило без следа. Я иногда во время застолий целовал Володьку в лоб, прямо в тот шрам, и говорил, что благодаря этому мы и познакомились, всех это очень веселило, а Люся всегда говорила, что брат, как настоящий мужчина, взял памятные следы того дня на себя. Он был старше неё на 8 лет.

Мы помолчали. Тишину нарушила Маришка.

- Классная история, - сказал она, задумчиво глядя в свою чашку, уже почти пустую, - а я с Лёшей в морге познакомилась.

Снова повисла тишина, мы с Михаилом Валентиновичем не смели ее нарушить, все знали, что она стала вдовой в совсем молодом возрасте.

- Я не верю в приметы, но..., - она пожала широкими плечами, - есть в этом какой-то жуткий символизм.

Мы промолчали, да и что мы могли сказать? А Маришка неожиданно продолжила:

- Я студенткой подрабатывала в морге по ночам. Да, я знаю, как это звучит, - криво улыбнулась она, - это был какой-то особый период моей жизни, я там разного навида-

лась... и одним вечером встретила его.

- Это было, как у вас – с первого взгляда. – Она опустила глаза и как-то засмушалась, отчего стала выглядеть по-новому, и мне она нравилась такой, без всей этой жёсткости. – Я сидела в приёмнике, ждала труп, нам сказали, привезут какую-то бабушку. Я всё подготовила и села у входа с пачкой бумажек, которые должны были подписать ребята со скорой и менты. Была зима, январь, холод стоял лютый, и снег шёл такой густой, но не пушистый, как в кино показывают, а какая-то мелкая колючая крупа. Скорая приехала, но за ней следом пришла ещё машина, там был внук этой бабушки, его мать и мой будущий муж. Женщина всё время плакала, тихо, без истерик, как-то скромно и так горько, что мне хотелось тоже ее обнять. С ней зашли ее сын, который, кстати, обнимал ее и поддерживал, и его друг... Один взгляд на него - и у меня внутри что-то как будто завибрировало, мне вдруг стало трудно дышать, а кровь ударила в голову. Я боялась, что буду стоять перед ним с красной рожей, но даже если это и было так, его это не оттолкнуло.

- Боже, каким он был красавцем! – Ее глаза заблестели, она глубоко вдохнула, стараясь совладать с эмоциями. Напрасно, подумал я, это делает тебя прекраснее, это делает тебя *тобой*. – Высокий, под 2 метра, плечи широченные, и глаза, яркие и лучистые, добрые глаза. И ещё прямой нос, я так люблю прямые носы. У него была такая осанка, я почему-то сразу подумала, что он либо спортсмен, либо военный.

Оказалось, и первое, и второе.

- Я до мелочей помню, в чём он был одет и как выглядел в тот вечер. Широкие джинсы, темно-зелёный пуховик, на коротких волосах крупинки снега. Его друг ушёл с мамой к патологоанатому подписывать бумаги, а он остался в приёмнике со мной и ребятами со скорой. Я дала им подписать всё, что от них требовалось, мент тоже пошёл к дежурному анатому, и мы остались наедине. Я так смущалась, что едва помню, что говорила, а вот каждое его слово помню очень хорошо.

- «Ну и вечерок», - сказал он, стряхивая с волос снежную крупу, я не могла удержаться, пялилась на него, пожирала глазами, понимала, что веду себя странно, но ничего не могла поделать. «Вы родственник?», - что ещё я могла спросить? А мне очень хотелось поговорить с ним. «Нет, - ответил он и улыбнулся... и это был выстрел из долбаной базуки мне прямо в сердце! – Я просто поддержать друга и его мать». Он провёл рукой по волосам и снова улыбнулся, открыто и как-то по-мальчишески, и пожал плечами: «Приехал в увольнение на 1 день, и вот так...».

- Потом, когда мы уже пошли на первое свидание, он сказал, что в тот день думал, что ему не везёт, пока не увидел меня, тогда он понял, что с ним случилось что-то, что изменит его жизнь. Он сказал, что не знал, к лучшему будут эти перемены или нет, но точно был уверен, чувствовал, что его жизнь больше не будет прежней. Именно так и сказал: «Не

знаю: разобьёшь ты мне сердце, и я никогда больше не будут любить, или сделаешь меня самым счастливым на свете... но ты особенная, я понял это, как только увидел тебя». А я так засмушалась и говорю: «Да ну, я была уставшая, и ещё холост же был зверский, и я поверх синей пижамы, которую все медики там носили, напялила старую мамину стёганую жилетку», - короче, на мой взгляд, трудно было найти девушку уродливее. А он мне: «Я этого даже не заметил, я смотрел на *тебя*... И лихорадочно соображал, что предпринять, чтобы ты меня не отшила».

- Мы встречались нечасто, только когда его отпускали, но я не видела больше никого вокруг, все мужчины вдруг стали манекенами, бесполоыми существами. Для меня был только он. Мы поженились, когда я была на 5-ом курсе, женатым разрешали покидать часть. Но он часто ездил в командировки, спецназ. Я знала, на что шла, мне было всё равно, будь он хоть Фредди Крюгером, я бы не отказалась от него. И я не спала ночами, когда его не было, молилась всем богам, сама не знала кому, чтобы не услышать то, что мне всё равно пришлось однажды услышать.

Мы с Михаилом Валентиновичем молчали, таких откровений от неё не слышал никто. Наверное, дело было в недавней годовщине, в том, что произошло между нами за зданием скорой и в истории самого пожилого травматолога.

- С ним мне не надо было сражаться одной против мира, он был как ангел-хранитель, он верил в меня больше, чем я

сама в себя верила. Он любил меня такую, какая я есть, и я знала, что с такой причёской, в мешковатой майке или с черными кругами под глазами после очередного дежурства я красивая, красивая для него. А больше ни для кого мне это и не было нужно.

- Таким был мой Лёша. – Маришка закусил губу, одинокая слезинка всё-таки предательски скатилась по щеке. – Романтик, воин, и как мальчишка весёлый. Иногда он был философом, иногда упрямым сукиным сыном... но я так его любила. Как никого и уже никогда больше.

- Сколько ты одна? – Тихо спросил Михаил Валентинович.

- 3 года, - просто ответила Маришка, - иногда мне кажется, что целую вечность, а иногда, что всё это случилось пару дней назад.

- Но не было ни дня, когда бы я не чувствовала себе одинокой, не было ни дня, чтоб я не тосковала. – Тихо добавила она.

- А я 4 года вдовец, - после недолгого молчания проговорил Михаил Валентинович. – Знаете, могу поручиться за свои слова: я не ханжа и не занудный старый пердун, - мы с Маришкой захихикали, как дети, - но я просто трезво смотрю на мир... стараюсь, по крайней мере. Я буду жить свои дни с призраком моей Люси, сколько бы этих дней ни осталось. Потому что я стар. Знаю-знаю, вы скажете, что любить можно в любом возрасте... можно и нужно, я сам первый

пускаю слезу умиления, глядя на свадьбы пожилых. Но это моё решение, потому что время – самая тяжёлая гиря на чаше весов. Я прожил с любимым человеком больше, чем без неё, и мой век подходит к концу. Я сам скоро стану призраком – те, кто выходит на пенсию, становятся такими призраками из плоти: они есть, но в каком-то параллельном мире, который мир молодых и активных не видит и не признаёт. А вот тебе надо жить с живыми.

Маришка вскинула голову, хотела, видимо, возразить, но пожилой травматолог поднял руку, призывая ее помолчать. Маришка была дерзкой, грубоватой, но невоспитанной не была, поэтому дала ему закончить.

- Ты молода. У тебя ещё есть самое ценное – время. Знаю, это прозвучит как очередная банальщина, но ты ещё будешь любить. Да, сейчас тебе кажется, что твоё горе вечно... но это тебе решать. Жить с призраком или вернуться в мир живых. Мы сами это решаем, Марина, не наше горе. Горе – это эмоция, а эмоции не принимают решений, решения принимают люди, спихивая ответственность на эмоции.

Она снова хотела что-то сказать, но Михаил Валентинович снова спокойно поднял руку.

- Никто не знает, возможно, ты больше не встретишь такую же сильную любовь и проживёшь одна, заведёшь 40 кошек и что там ещё по списку, - Маришка не смогла сдержать улыбку, хотя лицо было каменным, - я просто хочу сказать, что ты не должна быть женой призрака, дай себе и другим

живым шанс.

- Не знаю, может, вы и правы, - начала Маришка, едва он замолчал, - и человек любит не один раз за жизнь. Но я верю в вечную любовь, странно, наверное, это слышать от меня, я знаю, как ко мне относятся, знаю, какая я. Именно поэтому мне никогда не заполнить ту пустоту, что осталась. Я не глуповатая и покорная дуручка с внешностью Барби, я не кухарка и о роли мамочки тоже не мечтаю... но я такая, какая есть, я женщина, не такая, как нравится обычному большинству. И я встретила человека, полюбившего именно меня, такую, не «идеальную тёлочку» и не «бесплатную прислугу». И я уверена на все 100, что ни для кого больше не буду той самой, идеальной, любимой и самой лучшей. Как и для меня не будет ни одного, кто смог бы вытеснить из сердца Лёшу.

- Что ж, - загадочно и по-доброму улыбнулся Михаил Валентинович, - одно великое дело твой супруг уже совершил: он тебя расколдовал, показал тебе, что ты можешь быть любимой и любить. Не знаю, кто внушил тебе обратное. А теперь, когда его не стало, ты опять поддерживаешь этот дурацкий, миф, который он разрушил.

Маришка удивлённо захлопала глазами, не зная, возмущаться или растрогаться.

- Не всем мужчинам нужны глупые Барби и бесплатные домработницы. Это всё равно что сказать: все женщины – меркантильные шлюхи. Ты тоже такая, ты ведь женщина? Нет. Значит, и не все мужчины одинаковы. Каждый человек

ищет в другом что-то своё, и если у абсолютного большинства потребности скудны и примитивны, как их натура, это не значит, что ты должна подгонять себя под них и пароваться с ними. Тебе ведь тоже не нужен пузан, посасывающий пивко перед телевизором, а им не нужна такая, как ты. Всё гармонично. Ищи *своих*, у тебя для этого есть целый мир и полно времени. Вот и всё, что я хотел сказать.

В ординаторской повисла тишина, каждый погрузился в свои мысли, Маришка рассеяно водила пальцем по столу, глядя куда-то невидящим взглядом. Я тоже молчал, сказать мне было нечего, но на душе стало как-то тепло. Мудрость пожилого джентльмена покорила не только меня, судя по тихой задумчивости нашей Зены -Королевы-Скорой.

- Как думаете, где они сейчас? – Спокойным и даже мягким голосом спросила вдруг Маришка. – Я имею в виду души наших супругов?

- Ты про переселение душ, рай и ад? Хмм..., - пожилой травматолог улыбнулся, пожал плечами и задумчиво погладил подбородок, - понятное дело, что никто не знает, но я лично верю, что Люся ждёт меня там, где-то в прекрасном мире. Он похож на райский сад, ей там хорошо, и она знает, что однажды мы там встретимся, а пока она наслаждается красотами этого потустороннего мира, наверное, встретила там своих умерших близких и друзей. А потом, когда мы немного отдохнём вместе от земных тягот, наверное, махнём обратно. Так мне это видится. Мне нравится в это верить.

- Вам проще, - хмыкнула Маришка, - я бы тоже хотела думать так, мне стало бы легче... но я не знаю. Иногда мне кажется, что там, за гранью смерти, нет ничего, просто гаснет свет, и ты исчезаешь. А иногда мне кажется, что ты просто забываешь себя и всё, что с тобой было, и потом тебя опять швыряют в эту клоаку с промытыми мозгами, так сказать, и ты опять заново проходишь одни и те же круги.

- Ух ты, вы только что ступили на нашу с Юрой «святую землю», - улыбнулся я, - именно об этом у нас всегда самые жаркие споры.

- Ну тогда, как ветеран, просветите начинающих. – Изображая поклон, сказал Михаил Валентинович, и мы все засмеялись.

Только мой смешок был немного натянутым, уж я-то действительно мог многое рассказать... чего стоила одна история Патрика, парень как раз побывал там, за гранью смерти. Так что, Маришка была права – души уходят в свет и перед возвращением на землю забывают всё пережитое, но иногда находится непокорный дух, «прыгунчик», которому дают второй шанс. Был ее муж таким? Кто мог знать?

- Я как раз думаю, что истина где-то посередине, - начал я, - в ад и рай я не очень верю, но уверен, что мы не исчезаем после смерти. Это просто невозможно даже по законам физики! Мы – энергия, а энергия никуда не исчезает и не появляется. Она только меняет формы...

- Очень здравая мысль! – Закивал пожилой травматолог.

- А вот насчёт памяти, да, думаю, мы ее лишаемся, отдаём накопленный багаж знаний в огромное вселенское хранилище и снова приходим сюда стерильными... или не сюда.

- Ты думаешь, мы можем родиться на других планетах? – Спросила Маришка без тени вызова, - или в каких-то параллельных мирах?

Я это знал, теперь знал от одного из обитателей потустороннего мира, и маленький высокомерный гномик внутри меня торжественно улыбался и задира л нос. Но вслух я сказал:

- Да, я так думаю. В бесконечной Вселенной всё сделано примерно по одним лекалам: звезды сделаны из тех же молекул и веществ, что и мы на земле, солнечная система — это копия атома!

- Модель Резерфорда, - вставил Михаил Валентинович, согласно кивая.

- Где-то идут дожди из алмазов, где-то вместо морей из воды, моря из нефти, где-то атмосфера из серной кислоты... но всё это есть и на Земле, все эти вещества! И я уж никак не могу допустить, что на всех этих бесконечных просторах нет больше ни одной формы жизни, не может так быть. А значит, мы тоже можем жить на какой-нибудь альфе-Центавра в следующей жизни. Даже учёные из Церн (а эти люди к магическому мышлению не склонны и конспирологией головного мозга не страдают) заявляют, что с помощью коллайдера открывают порталы в другие измерения. Не колдовством и

не заклинательством, а наукой. Так что...

- Ладно, убедил, - ухмыльнулась Маришка. – Тогда...

Но тут внезапно зазвонил телефон, Михаил Валентинович вытащил его из кармана, с явным сожалением взглянул на экран и нажал на зелёную кнопку.

- Да, Светочка? - Он закатил глаза, показывая нам, как ему это надоело, - понял... сколько везут? Один тяжёлый... да, через минуту буду.

- В такие моменты я мечтаю о пенсии, - вздохнул он, убиравая телефон обратно в карман зелёной пижамы, - хотя, зачем мечтать о том, что итак неизбежно случится, да? Пойду, мотоциклист въехал в такси. Зато теперь могу свидетельствовать: о ваших посиделках не зря ходят слухи, вам надо билеты продавать.

- Так ведь проблема в том, - усмехнулся я, - что артисты и зрители – одни и те же люди.

Михаил Валентинович показал мне оттопыренные большие пальцы на обеих руках и отбыл, а мы остались с Маришкой, она уходить не торопилась.

- Так ты правда считаешь, что есть другие миры, параллельные измерения? – Спросила Маришка, когда дверь за травматологом закрылась. Ей явно был интересен этот разговор, и я прекрасно ее понимал.

- С наукой не поспоришь, - пожал плечами я, - факт, как говорится, вещь упрямая. Может, скоро мы научимся путешествовать в прошлое или будущее, кто знает? Я не физик,

но они так складно рассказывают про все эти искривления пространства и эксперименты с частицами, которые движутся назад во времени. Наверное, вся фантастика из фильмов – это послание из будущего, и однажды мы будем жить именно в таком мире.

- Тогда я бы отправилась в прошлое и вернула Лёшу, - задумчиво проговорила Маришка, - всё бы отдала за эту возможность.

- Безбашенные добровольцы учёным всегда нужны, - кивнул я с улыбкой, а она показал мне язык.

- А что бы ты изменил? – Спросила она, глядя на меня в упор, - если бы нашёл лазейку в прошлое?

Я задумался. Говорят, первое, что приходит на ум при вопросе – и есть самый честный ответ. Также говорят, что люди, которые не жалеют ни о чём – самые счастливые люди. В мыслях всплыли сразу 2 ярких события – тот февральский вечер и парень, лежащий на мокром асфальте в ярком пуховике; и Шкет, лыбящийся и нарочито громко заявляющий при всей больнице, что примет меня и таким, если вдруг я совершу каминг-аут... И вдруг я ясно понял, что первое событие ни за что бы не изменил.

- Я бы спас Шкета, - ответил я.

Она одарила меня задумчивым и каким-то тёплым взглядом, и я снова поразился, какой разной она может быть... как и все мы, наверное. Под непробиваемой броней жила женщина с большим и горячим сердцем, весёлая, смелая, умная.

Что-то изменилось после того случая за зданием скорой, и я впервые подумал, что мы могли бы стать друзьями.... Да! Могли бы смеяться вместе и думать вместе, возможно, я стал бы гостем на ее свадьбе, если она всё же решится отпустить призрак мужа и позволить миру увидеть себя настоящую. И, возможно, я тоже теперь не казался ей бездушным говнюком, у которого свербит в заднице от ее неординарности.

- Глаза слипаются, - я плюхнулся на диван, сжимая двумя пальцами переносицу. – Хоть бы всё тихо...

- Слушай, ты можешь не строить из себя лорда и без намёков сказать, что мне пора валить, - она взяла свой стаканчик и понесла в мусорник.

- Могу, - усмехнулся я, - и успешно практикую. Так что не строй из себя обидчивую леди и сиди, где сидишь... если охота, конечно. Где что взять – знаешь, а я подремлю.

Я сбросил шлёпанцы, в которых ходил на работе, и залез на наш потрёпанный жизнью диван, хотел накрыться пледом, но от него так несло табачным дымом, что я передумал и укрыл только ноги.

- Я умею быть тихой, - со зловещей улыбочкой подмигнула она, усаживаясь возле окна, - не бойся, приставать не буду. Просто неохота сидеть в скорой, а тут вид такой красивый...

- Вот и отлично, - зевнул я, - выключи свет и... не мажь мне лицо пастой, окей?

- Можно подумать, она у тебя есть, - фыркнула Маришка с ухмылкой, но встала и выключила свет. За окном тут же

засияли тысячи разноцветных огней.

Прошлая почти бессонная ночь и убаюкивающая атмосфера нашего внезапного чаепития окончательно свалили меня. Бросив взгляд на ночной город, я отметил, как органично смотрится на его фоне Маришкин силуэт, она выглядела как ночной страж, охраняющий покой спящих. Налив себе ещё порцию чая, она села на подоконник, так же она сидела в ту ночь, когда рассказала нам с Юрой о загадочном прахе, который доставили в морг в ее дежурство. О приходе Пожирателей... только она даже не представляла, какая опасность прошла стороной.

Я улыбнулся и закрыл глаза. Хорошо, что она здесь, подумал я, как ни странно, но я рад, что она рядом.

Глава 4

Странно, но во сне я осознавал, что это сон, и я его уже видел. Я снова бежал по коридорам больницы, вокруг был туман и бесконечное число дверей, опять же, во сне я подумал, что образ этого коридора навеян рассказом Патрика об особняке. Надеюсь, я не умер, подумал я, вглядываясь в молочный туман впереди меня, надеюсь, я каким-то образом не заслужил попадание в эти бесконечные коридоры ада. Наконец впереди я заметил свет, пробивающийся сквозь туман, я уже знал, что там – окно, за которым ещё более густая пелена... и он, Ангел Смерти, стоящий ко мне спиной. Нельзя смотреть ему в лицо, со страхом подумал я, пока ноги сами несли меня навстречу жуткому посланнику загробного ми-

ра, он позволяет себя увидеть только тем, кого собирается забрать.

Туман вокруг начал рассеиваться, я увидел знакомое пальто песочного цвета, высокую фигуру и блестящие черные волосы... Я знал, кто это, и это узнавание отозвалось в душе настоящим взрывом ликования. Это был не Ангел Смерти, это был:

- Азалиах!

Я замер, чувствовал даже во сне, как улыбка расползается по лицу, шириной она могла соперничать с улыбкой Джокера, я уверен.

- Азалиах!

Мой потусторонний знакомый начал медленно поворачиваться, и тут откуда-то позади меня из тумана раздался низкий зловещий голос. Он сказал всего одно слово:

- Нет...

Глава 5

Я проснулся от собственного не то всхлипа, не то стона, резко вскочил, шея занемела и отозвалась болью. В ординаторской было темно, Маришка ушла, только старый холодильник привычно ворчал, и за окном шумел ночной город. Мне казалось, я проспал не больше 5-ти минут, оказалось, почти 3 часа – шурясь от яркого света экрана, я разглядел цифры 01:42. Если Маришку и вызвали, я не услышал ни телефонного звонка, ни ее ухода.

А вот она, как выяснилось позже, слышала то, что не

должна была слышать. Она слышала имя Азалиах, и эта случайность (если такое явление вообще существует), определила ее судьбу. Оглядываясь назад, я прямо вижу, как она сидит в темноте, похожая на демоницу, за спиной горят ночные огни, а в ее глазах — любопытство. Она внимательно вглядывается в моё лицо, лёгкая улыбка удивления трогает губы — она знает это имя, откуда-то знает.

Убедившись, что больше я ничего не говорю, она тихонько встаёт и уходит. Она не хочет, чтобы, проснувшись, я увидел ее здесь, потому что ей надо подумать... о чём? Этого я так и не узнал.

Глава 6

Принято считать, что жизнь течёт волнообразно, но мне больше кажется, что это не волны, а пульсирующая струя — вот ничего не происходит, ты сухой и твёрдо стоишь на ногах, а в следующую секунду струя событий сбивает тебя с ног и заливает дыхательные пути. Об этом я думал, пробираясь по забитому людьми холлу в полдень четверга. Со вчерашнего вечера события как будто усиливали напор, чтобы точно не оставить мне шанса подняться и вдохнуть: придя домой, я достал телефон, чтобы написать Рине, и обнаружил пропущенный вызов и сообщение от неё, видимо, оно пришло, пока я был в дороге. Она писала, что неожиданно нашла билеты за смешную цену, какие-то скидки часа или что-то такое, так что она прилетит в пятницу, всего на пару дней, просто чтобы увидеть меня и провести время вместе. Нор-

мально, да?? В пятницу! И что мне было делать?? В Клуб я не мог не пойти, а как быть с Риной?

На работу я собирался уже мрачнее тучи, что делать человеку, когда к виску приставили пистолет, а к сердцу – нож, что выбрать?

Я не мог рассказать ей о Клубе, не мог не пойти и не мог просто взять и бросить Рину в тот вечер, когда она прилетела ради меня. И если вы думаете, что на этом камнепад на мою голову прекратился, то вы недооцениваете жизнь – ей надо окончательно похоронить тебя под завалами того, что она на тебя скидывает. Чаше это бывают проблемы и несчастья, не зря же говорят: пришла беда – отворяй ворота, мои «ворота» в тот день стояли нараспашку, ха-ха. Где-то в 10 утра, когда я закончил обход и собирался принимать поступивших, ко мне, немного смущённый, подошёл Илюха, терапевт, как и я, мы звали его Илюха-Два-Уха, не оригинально, я знаю. В общем, он попросил меня завтра отдежурить за него, ему надо было в соседний город, умер какой-то его родственник. Зодиак скомандовал, чтобы его заменил я.

Иногда быть человеком так трудно, что поневоле начинаешь обращаться за указаниями к высшим силам, я не мог найти выход из этого тупика навалившихся проблем, оставалось передать мою свободу воли во временное пользование тем, кто умнее и развитее – я собирался мысленно позвать Азалиаха и спросить, как мне поступить.

Хотя, не буду лукавить, обязанность быть вечером на ра-

боте освобождала меня хотя бы от вины перед Риной. Поэтому, когда первый шок и раздражение схлынули, я даже не стал сильно возмущаться, смекнул, что могу поступить как все взрослые – буду прятаться от личных проблем на работе.

Вот такие неприятные мысли заполнили голову, отражаясь на лице, пока я проталкивался сквозь проводящих и ожидающих вердикта к кафетерию – стресс требовал сладкого. Может, не маяться дурью и поесть уже нормально, размышлял я, какой-нибудь салат с безвкусной курицей всё равно лучше, чем кормить себя батончиками из сахара и пальмового масла... а после еды, уж так и быть, можно позволить себе небольшой кусочек чего-нибудь сладкого и бесполезного...

- Господин Симеон!

Я не услышал, внутренняя напряжённая борьба переключилась с поиска вариантов, что мне делать завтра, на отчаянное противостояние внутреннего ребёнка с внутренним же взрослым: один требовал шоколадку и плевать хотел на правильное питание, второй пытался его дисциплинировать.

- Господин Симеон! Подождите!

Кто-то легонько тронул меня за плечо, я резко повернулся, даже не пытаясь спрятать недовольство на лице, я был уверен, что очередной горожанин спросит, как найти какое-нибудь отделение или где узнать о состоянии родственника. Мне сейчас было не до чужих проблем, тем более, что в холле огромными буквами горела надпись: «Справочная»

над стеклянным окошком. За годы в больнице я уже привык, что они всё равно, стоя под самой надписью, смотрят на тебя стеклянными глазами, хватают за халат и что-то требуют объяснить или узнать, иногда, когда они ведут себя вежливо, а я никуда не спешу, я помогаю... но не сегодня, подумал я, не сегодня.

- Справочная вон..., - начал было я, не скрывая раздражения, и вдруг понял, что знаю этого человека, хотя без белого фартука и окошка для приёма заказов, обычно обрамляющего его фигуру, я узнал его не сразу. – Бакари??

Мой уличный знакомый, не один год кормивший меня фаст-фудом и обещаниями скидки в своём будущем ресторане, ослепительно улыбнулся, хотя я сразу отметил, что лицо у него осунувшееся, а улыбка, несмотря на старания, получилась грустной.

- Здраваться вам, господин Симеон! – Он слегка поклонился, продолжая лучезарно улыбаться, - лучшее нам не здесь встречается.

Я на секунду завис, иногда мне было трудно понять, что он говорит, из-за слишком сильного акцента и не очень хорошего знания языка. Я понятия не имел, сколько Бакари прожил в России, но с языком так и не совладал, хотя, по моему мнению, в этом была его неповторимая изюминка.

- Табит! – Громко позвал он, совсем как в своём ларьке, когда передавал ему заказы, - поздороваться с доктор Симеона!

- Бакари, - я вышел из ступора и пожал руку пожилого египтянина, - сказал бы, что рад тебя видеть, но только не здесь.

Я не волновался, поймёт ли он мой юмор – с пониманием языка у него было намного лучше, чем с разговором.

- Мой мама, - покачал головой он, а вокруг нас шумели и толкались люди, - сердце плохо, он уже старенькая. Здесь сейчас, мы ждала, что доктора скажите.

- Здравсте, - Табит говорил по-русски почти идеально. Его черные, как смоль, волосы были, как обычно, сильно намазаны гелем, но сегодня причёска выглядела растрёпанной. – Бабушка в кардиологии, нас не пускают. Ждём. Мама с братом пошли в вашу кафешку.

Едва он успел договорить, как к нам сквозь толпу протиснулась пожилая женщина с красивым лицом и мужчина лет 40 с лицом Бакари, я даже невольно улыбнулся – как будто видел молодую копию Бакари, материализовавшуюся из прошлого.

- Здравствовать, - кивнул «молодой Бакари», я никогда не видел его старшего сына, а эта дама, должно быть, его жена, предположил я.

Бакари обернулся на голос, улыбнулся и вывел сына вперёд.

- Это моя старший сын, - с гордостью сообщил он, - Садики.

Мужчина протянул руку, я ее пожал. Женщина без всяко-

го стеснения разглядывала меня, ее тронутые сединой волосы были убраны в объёмный пучок на затылке, отчего лицо казалось каким-то властным.

- Санура, мой драгоценные супруга. – Я замялся, не зная, как приветствовать ее, но она сама протянула руку, я с улыбкой ее пожал. – Это доктор Симеон, - сообщил он новопривышшим, - много лета покупае еду в нашей кафе.

- И надеюсь ещё много лет это делать. – Улыбнулся я, отмечая, как Табит похож на мать, я ведь до этого ее тоже не видел.

- Вы кардиолога? – Спросил Садики, он говорил по-русски примерно так же, как его отец.

- Нет, я терапевт. – По его лицу я понял, что это слово ему ничего не говорило. - Сколько лет вашей маме? – спросил я у Бакари.

- Ей 93, - ответил Табит, - она не говорит по-русски, вот мы и переживаем, вдруг ей что-нибудь понадобится, а ее не поймут.

- Санура говорили доктора, что она не понимаэ, нам сказать ждите всё равно, - пожал плечами Бакари, а его жена согласно закивала.

Внезапно я понял, что должен сделать, они не просили, по крайней мере, не прямо, но совесть – самый безжалостный погонщик. Мне нравился Бакари, и я понимал, что он приехал сюда в поисках лучшей жизни, он старался, как мог, вписаться в окружающий его мир, а вот его старая мать на-

верняка не мечтала умереть на чужой земле, где ей даже поговорить не с кем.

- Я вас проведу, - сказал я, чувствуя знакомое тепло в груди, так бывает, когда знаешь, что поступаешь правильно. – Ненадолго, потому что правила строгие, но несколько минут у вас будет.

Бакари растеряно заморгал, остальные члены его семейства начали переглядываться, на лицах появлялись робкие улыбки.

- Я ваше должник, - сказал Бакари, прижимая руку к груди, я видел, что он растроган, и от этого мне стало ещё приятнее. – Я...

- Ничего ты мне не должен, - я улыбнулся, - это всего несколько минут. И потом, если бы там была моя мать, я бы тоже места себе не находил. Наденьте бахилы.

Я указал на большой ящик, стоящий прямо на полу посреди холла, там все желающие попасть дальше справочной должны были надеть пакеты на обувь. Табит без промедления протолкался сквозь толпу и принёс всем синие свёрточки, через минуту все были обуты как надо.

Под нестройный хор благодарностей, я развернулся и пошёл обратно к лифтам, два охранники, дежурившие возле справочной, вопросительно посмотрели на меня, я молча кивнул, один из них кивнул в ответ, и оба вернулись к созерцанию телефонов. Мы втиснулись в кабину пассажирского лифта, ещё у нас был специальный лифт для каталок и ко-

лясок, им тоже пользовались чаще всего не по назначению, несмотря на объявления, висящие на каждом этаже.

- Вещи придётся оставить на посту медсестры, - предупредил я, возьмите только бумажники и то, что хотите передать.

- Мы как раз вода и йогурта покупали, - закивал старший сын Бакари, - хотели медсестра просить отдать.

Лифт остановился и звякнул, оповещая об открытии дверей. Родной 6-й этаж, подумал я и не смог сдержать улыбку, мы вышли в небольшой холл, от него в обе стороны расходился широкий коридор, с обеих сторон ограниченный дверьми – над одной горела табличка Терапия, над противоположной – Кардиология.

- Нам налево, - сообщил я, ведя за собой своих подопечных, - а вон там моя вотчина.

Они испугано озирались, больницы пугают, это нормально, от одного неизменного запаха спирта и дезинфекторов у многих начинаются панические атаки, а вот мы, живущие здесь, становились мутантами, особой формой жизни, приспособленной к этому запаху, к белому свету, делающему всех похожими на тяжелобольных, мы привыкли к болезням и страданиям, к слезам и даже к смерти. Мы бродили сутками по этому стонущему мрачному царству и пытались навести в нем порядок и вернуть всех, кого получится, в нормальный мир.

- Лена, это со мной, - я открыл широкие двери, на всю ширину коридора, прямо за ними был пост медсестры, там си-

дела молоденькая девушка, пару лет назад окончившая училище. При виде меня в сопровождении четверых посторонних она аж встала и растеряно захлопала глазами. – На пару минут. В какой палате...

Я повернулся к сбившимся в кучку за мной посетителям.
- Как зовут вашу бабушку?

Бакари быстро назвал имя Мандиса Салама, медсестра удивлённо подняла брови, но полезла в компьютер и через несколько секунд назвала номер палаты.

- У меня будут проблемы? – Шепнула она, когда мои гости, оставив вещи, поспешили по коридору к палате.

- Ни у кого их не будет, - заверил я, - они на пару минут, и потом, здесь не концлагерь, а больница. Они иностранцы, а их бабушка вообще не говорит по-русски. Им просто необходимо быть здесь.

Я спросил, кто ее врач, и пошёл догонять Бакари и его семью. Они замерли перед дверью с номером 613, похоже, не решаясь войти, я снова выступил проводником и решительно нажал на ручку. В небольшой палате было 4 койки, все они были заняты. Я быстро пробежал глазами, ища мать Бакари, все леди были очень пожилыми, но на 93 тянула только одна – на кровати у окна. Она не то спала, не то была без сознания, Бакари рванул к ней, забыв про свою робость, что-то бормоча на арабском, остальные поспешили за ним. Я посторонился, давая им пройти, у них было всего несколько минут, и я не собирался мешать им использовать их по

полной.

- Вы врач? – Спросила одна пожилая леди, возле кровати которой я остановился, - вы на обход?

- Я из другого отделения, - негромко ответил я, - привёл друзей повидаться с бабушкой.

- Она не говорит по-русски, - сообщила мне дама, - я хотела с ней поговорить, но она не понимает, хотя видно, что она всё осознаёт.

Семья Бакари окружила кровать, я отметил, что они все говорят шёпотом, меня это очень тронуло, двое пациенток спали, а моя собеседница следила за происходящим с живейшим интересом. Я услышал, как Бакари воскликнул что-то вроде «альуму», а потом хриплый голос, довольно громкий, заполнил палату – его мать очнулась и что-то говорила на арабском. Так странно было слышать здесь арабскую речь, как будто это был сон, и я вздрогнул, вспоминая свои сны про больницу и того, на кого нельзя смотреть.

- доктора Симеон, - выхватил я знакомые слова из потока речи, а потом Бакари слегка отстранился, давая ей возможность меня увидеть.

Старушка уставилась на меня живыми черными как смоль глазами, я кивнул и поздоровался на русском. Она внимательно изучала меня несколько секунд, выглядит неплохо, успел подумать я, крепенькая старушка, надеюсь, всё обойдётся... а потом она наставила на меня палец и начала что-то быстро говорить.

- Что..., - растеряно тряхнул головой я, - что она говорит?

- Говорит, видела джина, - перевёл Табит, он с недоумением смотрел на свою бабушку, на лице смешались грусть и неверие. — Джина Смерти, говорит, он там же стоял.

Бакари и его жена что-то с жаром зашептали, но старушка отмахнулась и, глядя на меня, продолжила.

- Вы - не он, - продолжал переводить Табит, смещая взгляд с бабушки на меня и обратно, - но она видела его на том же месте перед тем, как уснула.

Я едва не лишился чувств. Опять, всё повторялось, и мне вдруг нестерпимо захотелось выбежать из палаты, из больницы, из города, сбежать с этой планеты... дыхание остановилось, а в груди начало давить, как будто меня кто-то ударил.

- Как он..., - я сказал это беззвучно, потом собрался с силами, кашлянул и смог прошептать. — Как он выглядел?

- Это же несерьёзно, - неуверенно улыбнулся Табит, - ей просто приснилось...

А вот по лицу Бакари и его жены никак нельзя было сказать, что для них это несерьёзно.

- Мне интересно, - настаивал я, - скажи, что она говорит?

Табит что-то спросил на арабском, старушка живо ответила, показывая руками до ужаса знакомые жесты: волосы до плеч, длинные кисти рук...

- Говорит, он высокий, тёмные волосы до плеч, красивое лицо, - было видно, что парень в замешательстве, - и руки

красивые, она сказала, что он стоял там и смотрел на неё, придерживая пиджак рукой.

Никто не представляет, каких усилий мне стоило не соскочить с того места, на котором я стоял, у меня буквально начался внутренний зуд, так мне хотелось не стоять там, где стоял *он*. В конце концов, понимая, что просто не в силах удержать себя, я сделал маленький и, как мне казалось, незаметный шаг в сторону ее кровати.

- Почему она думает, что это был джин Смерти? – Спросил я.

Табит перевёл мой вопрос.

- Она говорит, он сам сказал, - молодой сын Бакари выглядел растерянным и удивлённым, - он сказал ей, что пришло ее время, и что ей не надо бояться.

Старушка что-то добавила, и Табит опять перевёл:

- Сказал, что позаботится о ней...

Нашу странную и пугающую беседу прервала жена Бакари, она закрыла глаза и начала что-то быстро шептать на арабском, я предположил, что она молилась. Кто услышит ее молитвы, подумал я, чувствуя, как сердце холодеет от страха – я всё это уже слышал, в точности до каждого слова. Одна на всех галлюцинация у людей разного происхождения и вероисповедания? Юра потерпел бы сокрушительное поражение, если бы я рассказал ему об этом. Но я не мог, тайные знания возвышают тебя над толпой, но, как я уже и говорил, делают одиноким, потому что жизнь – это пирамида, и на

вершине всегда слишком мало места для всех. И чем выше, тем меньше места, и тем ближе к небесам.

- И что у нас тут за собрание? – Дверь в палату открылась, на пороге стоял Владимир Васильевич, пожилой кардиолог, мы не общались близко, но относились друг к другу с симпатией. Я обрадовался, увидев его, а не, скажем, Валентину Львовну, которую все называли Мегера Львовна.

- Моя диверсия, - улыбнулся я и направился к нему, черные глаза старушки внимательно разглядывали нас обоих, жена Бакари замолчала, и теперь всё семейство испуганно смотрело на вошедшего врача. – Эта бабушка не говорит по-русски, а родственников не пускали. Кто-то должен быть с ней постоянно, она же ни слова не понимает и сказать не может.

- Согласен, - кивнул он, - только давайте решим этот вопрос в коридоре, а то...

И он кивнул на остальных пациенток, двое всё ещё спали, а моя недавняя собеседница с живейшим интересом наблюдала за происходящим. Я отметил, что ни тени страха в ее глазах не было, она не верила в историю своей очень пожилой соседки, и сама ничего подобного не видела. На ее счастье.

- Ещё один минутэ! – Попросил Бакари, и я твёрдо кивнул, не дожидаясь реакции хозяина этой территории. Иногда надо нарушать правила, бывает, что именно это позволяет нам оставаться людьми.

- Мы ждём вас в коридоре. – Я многозначительно посмотрел на Бакари и вышел вместе с Владимиром Васильевичем.

- А это не тот араб из маленькой лавочки с фаст-фудом? – Кардиолог нахмурился, пытаясь вспомнить, где мог видеть явно знакомое лицо Бакари.

- Он самый, - кивнул я, - его зовут Бакари. А это его мать, ей 93, и она ни слова не понимает по-нашему.

Я выдержал паузу и задал тот самый вопрос, ответ на который уже знал лучше, чем ее лечащий врач.

- Какие у неё шансы?

Владимир Васильевич пожал плечами и скривил рот, можно было бы и не продолжать, но он добавил:

- У неё ишемическая болезнь сердца плюс возраст. Сами понимаете, оптимистичных прогнозов дать не могу. – Он вздохнул и бросил взгляд на дверь, за которой Бакари и его близкие прощались с членом семьи. – Я им, конечно, такого не скажу, но вам-то могу: по моим оценкам, будет чудо, если она проживёт ещё хоть месяц.

Меньше, подумал я, гораздо меньше.

- Всего блага ваше. – Дверь открылась, и на пороге появился Табит, за ним шли остальные, последним Бакари, он шёпотом прощался с неспящей соседкой его матери, - храни вас Аллах, добрый женщинэ!

Кивнув напоследок и улыбнувшись, Бакари спиной вышел в коридор, закрывая за собой дверь, через секунду вся семья окружила нас, с надеждой и тревогой глядя на моего

коллегу.

- Скажите, что мы надо делать? Может, покупать что-то? – Спросил старший сын Бакари.

- Вы может вылечить моя мать? – С такой горячей надеждой спросил Бакари, что у меня защемило в груди, я видел такие сцены очень много раз, но к этому не наступает привыкание, если ты человек и у тебя есть сердце. С этим просто учишься жить, как с собственной уязвимостью – когда у тебя есть тело, ты неизбежно будешь получать травмы разной степени тяжести от царапины до перелома; точно так и с сердцем, если оно есть, оно неизбежно будет болеть, иногда сильнее, иногда меньше.

- Обо всём по порядку, - улыбнулся Владимир Васильевич, - сначала решим вопрос с посещением: надо будет подойти на пост медсестры, вот там, в конце коридора, где вы оставили вещи, она выдаст пропуск на круглосуточное посещение. Он на одного человека, но без указания имени, так что вы сможете сменять друг...

У меня зазвонил телефон, обычно я ношу его с собой, потому что пейджеров, как в американских фильмах про врачей, у нас нет. Да и не люблю оставлять его в ординаторской, я ведь россиянин – своё надо держать поближе к себе от греха подальше. Я отошёл от них и ответил на звонок, меня вызывал Зодиак, наверное, по поводу завтрашнего дежурства.

- Мне надо идти, - сказал я, показывая на дверь в конце коридора, - Бакари, здоровья твоей маме. Приятно было по-

знакомиться со всеми вами.

Они заговорили нестройным хором, благодаря и желая мне всех благ, сам Бакари как-то пристально смотрел на меня, но в его черных глазах было слишком много эмоций, чтобы я смог выделить хоть одну.

Глава 7

Мне бы сейчас очень не помешал совет кого-то поумнее, подумал я, сопровождая эту мысль вздохом. Было около 8 вечера, я доедал свой холостяцкий ужин (жареная картошка и люля из баранины) и вёл непростую переписку с Риной. Понятное дело, ее очень не обрадовала новость о том, что в день ее приезда я буду сидеть, как узник, в больнице, меня это тоже не радовало... точнее, меня не радовало, что всё это вообще должно было случиться именно в пятницу. Я видел, как она пытается сдержать злость и не поругаться, я тоже не хотел ссориться, только этого для полного говённого джек-пота мне и не хватало.

Может, встретиться с ней прямо в больнице, размышляя я, поглядывая на телефон, как ребёнок на огромного паука, посидим хоть часок, если повезёт, в нашей кафешке, поболтаем? Но как быть с Клубом? Вот этот вопрос беспокоил меня гораздо больше, и счастье, что люди не читают мысли, Рина ведь считала, что моё напряжение вызвано тем, что я вынужден дежурить в день ее приезда.

Всю дорогу домой я мысленно звал Азалиаха, кого-нибудь из Куба, кто подсказал бы мне, что делать, но никто пока

не явился на мой зов. А ведь они слышат, подумал я, машинально жуя довольно вкусную, кстати, люляшку, они знают, что мне нужен совет, но молчат... в лучших традициях мира людей – все постоянно вмешиваются, когда не просят, и раздают советы, которые тебе даром не сдались, а вот когда тебе действительно нужна помощь, то «это твой выбор» и ты «сам хозяин своей судьбы», что в переводе с языка говнюков значит: расхлёбывай сам.

Я объяснил ей, что у коллеги умер родственник, это не его прихоть, так что у меня нет выбора, начальство сказала дежурить, я ответил: «Есть!». Она, разумеется, это понимала, просто эмоции у нас, у людей, не выключаются никакой волшебной кнопкой, иначе мы бы уже были кем-то более развитым, но не людьми. Мы научились засовывать их глубоко в душу и выпускать не сразу... но вот выключать так и не научились. Поэтому я искренне сказал ей, что понимаю ее чувства, я и сам очень и очень недоволен, и я постараюсь компенсировать нам обоим этот пропащий вечер... а в голове хохотал и аплодировал мой внутренний наблюдатель, называя меня лицемером года.

К 10-ти вечера мы сошлись на том, что она приедет, отдохнёт, не спеша приведёт себя в порядок и подумает, как бы она хотела максимально хорошо провести оставшуюся нам субботу и половину воскресенья. Нам, вроде, удалось подавить «цунами грандиозного скандала», и я снова подумал, что у отношений на расстоянии нет будущего, никому такое

не удавалось, потому что это, как правильно заметил Михаил Валентинович, тоже своего рода жизнь с призраком. А я не хотел жить с призраком, потустороннего мне уже было более чем достаточно.

И, кстати, о потустороннем. Если проблему с Риной мне кое-как удалось решить, то, что делать с Клубом – я и представить не мог. Просто не пойти? И что тогда? Какие последствия меня ждут? Возможно, мне просто сотрут память, чтобы снять тот самый злополучный След, и больше я никогда не увижу фиолетовое пламя в камине, не вдохну божественный аромат благовоний, не выпью самого вкусного чая на земле, не услышу ни одной истории, от которых мир переворачивается... я не увижу Мадам и Азалиах.

- Азалиах. – Шёпотом проговорил я, не то зовя своего странного знакомого, не то просто повторяя свою мысль.

Я не хотел это терять! Ох, как не хотел! Я понимал, что всё равно рано или поздно забуду Клуб и всё, что пережил с того рокового вечера февраля... но ведь когда-то я точно так же всё равно постарею и умру, когда-то, но не сейчас. Думаю, ход мысли вы поняли.

- А если сбежать? – Тихонько, как будто боясь гнева какого-то невидимого судьи, спросил я, сам не знаю, кого. – Всего на пару часов... хотя, пары часов не получится.

Я вздохнул, самообман никогда ещё и никому не приносил пользы, этот как наркотик – заменяет реальность грёзами, от которых тебе хорошо, а в это время твоя жизнь летит

под откос. Я при всём желании не мог представить, как врываюсь в Клуб и заявляю Мадам: «Так, быстрее тяните шарики и быстрее рассказывайте, мне на работу надо». Глупо, конечно. Тогда какой выход?

- Азалиах, - позвал я уже громче, - мне нужна помощь. Нужен совет, я не знаю, что делать. Кто-нибудь, пожалуйста, откликнитесь... Вы же слышите меня...! – Я хотел сказать, «чёрт возьми», но в последнюю долю секунды прикусил язык. И кто после этого скажет, что люди необучаемы? Ха-ха.

Я посидел в тишине несколько минут, напряжённо прислушиваясь, но в квартире, кроме меня, никого не было. Может, он появится позже, с надеждой подумал я, неожиданно, как он это любит, и напугает меня до... до чёртиков, хотел сказать я. Погруженный в тяжёлые мысли о завтрашнем дне, я занялся мытьём посуды, никак не в силах преодолеть потребность оглядываться каждые пару минут – мне всё казалось, что Азалиах появится у меня за спиной. Потом пошёл в душ, и вот там на меня по-настоящему накатило, как говорят подростки: я буквально ощущал, что вот сейчас он появится, вот уже появился и стоит возле двери, скрытый паром. Я со страхом и надеждой выглядывал из-за шторы, но никого опять не увидел. Он не пришёл.

- Ладно, пробормотал я, - расстилая постель, - у тебя ещё есть время до завтрашнего вечера... а дальше я уже сам приму решение. И мне всё равно, понравится оно вам или нет.

Я выключил свет, оставив прикроватную лампу, и писал Рине, то и дело поглядывая на тени в углах. Может, он здесь, но я его не вижу, вдруг подумал я, но тут же себя одёрнул: а зачем ему это? Помучить меня? Это, опять-таки, природа человека, но явно не этих существ. Ещё некоторое время я просто тянул и не хотел выключать свет, напряжение росло, хотя я устал и понимал, что мне надо отдохнуть – завтра я заступал на сутки. Я улёгся уже за полночь, в голове вертелись всё те же неприятные мысли, но темнота добавила к ним ещё одну: я думал о том, что прямо сейчас в нашей больнице орудует Ангел Смерти, возможно, он уже пришёл за матерью Бакари и стоит молчаливой тенью у ее кровати. Потому что ночь – его излюбленное время.

Глава 8

Пятница началась для меня раньше положенного срока из-за кошмарного сна. Мне приснилось, что я собираюсь в Клуб, и вдруг звонок в дверь, я крайне недоволен и даже зол, мне надо уже выходить. Наверное, опять Мария Геннадиевна, думаю я во сне, представляете, эта особь уже вызывает у меня кошмары, ха-ха. Я открываю... а там всё гораздо хуже – на пороге стоит Рина, почему-то в темных очках. Волна самых неприятных эмоций накрывает меня с головой, там и страх, и стыд, и злость, и даже отчаяние. Я не представляю, как мне быть, как разрешить эту ситуацию. И тут она ослепительно улыбается своей фирменной ледяной улыбочкой, которую я так ненавижу, и произносит одно слово: «Попал-

ся».

Я проснулся с гулко бьющимся сердцем и непередаваемым облегчением, ещё никогда я не был так рад, что это сон, и он закончился. На часах было 5:53, я чувствовал себя разбитым и усталым, я плохо спал, тревожный поверхностный сон под утро перешёл в этот кошмар, так что отдохнувшим я себя не чувствовал.

Я заставил себя проглотить кашу быстрого приготовления и бутерброд с ветчиной, хотя даже не осознавал, что ем – все мои мысли были о предстоящем вечере. Я даже не стал включать радио или наслаждаться лишними минутами на балконе с сигаретой, мне не хотелось ничего, кроме правильного решения.

- Они издеваются надо мной, - прошипел я, застыв на мгновение возле тумбочки в прихожей, там лежали ключи от машины. Я никогда не брал машину на дежурство, но взял бы ее, если бы собирался в Клуб... а я собирался?

Я так и не знал, что мне делать, и это разъедало меня изнутри, как кислота. Время поджимало, я чертыхнулся (да, в этот раз мне было всё равно) и вышел из квартиры, ключи так и остались на тумбочке. Как бы там ни было, с работы я сбежать не мог - от меня зависели жизни людей, если даже плюнуть на репутацию и административные последствия моей самоволки.

Я машинально здоровался с соседями, машинально, буквально на автопилоте, дошёл до остановки и сел в маршрут-

ку, а когда мы уже отъехали, на мгновение испытал ужас: а на свой ли номер я сел или так же машинально залез в первую пришедшую? Зато сквозь эту пелену стресса лучиком прорвалась моя любимая песня по радио, водитель слушал поп-станцию, и я почему-то подумал, сам устыдившись своих мыслей, что это хороший знак. Я тоже прихожу в дикое раздражение от всех этих современных шизиков, которые нахватались модных словечек из всевозможных философий и религий и при каждом незначительном случае пускаются в туманные и убогие рассуждения о карме, тайных знаках и родовых программах. Знали бы эти идиоты, что на самом деле правит миром, что *есть* мир... хотя, таким лучше не продвигаться выше сетевых «гуру» с их марафонами желаний и курсами проработки кармы.

И если бы я был таким, то аварию, которая преградила нам путь, счёл бы дурным знаком. Уже на широкой улице Свободы мы встали в совершенно мёртвую пробку – впереди, как сообщил нам водитель, столкнулись 3 машины. В больнице сейчас весело, подумал я, хоть на некоторое время отвлекаясь от своих давящих размышлений. Пассажиры зафыркали, забормотали возмущения, а я ухмыльнулся – вот они, «одухотворённые» жители самых цивилизованных мест, гордость нашего вида, плевать они хотели на серьёзность аварии и возможные жертвы, им надо было на работу, чтобы покупать все те вещи, на которые они лупились пустыми глазами, сидя вечером перед мониторами.

Я посмотрел на часы и принял решение (и какой же это был кайф – возможность принять какое-то решение, ха-ха), до больницы было уже не далеко, пробка вообще не двигалась, а за окном всё-таки была весна. Я попросил водителя открыть дверь, и после секундного колебания и фразы, что на дороге не положено, он тоже оценил обстановку и принял правильное решение. Я вышел прямо в поток машин, правда сейчас стоящих, кто-то сигналил, кто-то переругивался, где-то завывала сирена, и я снова подумал, что, несмотря ни на что, люблю эту какофонию, этот грубый и полный жизни голос мегаполиса. Я даже позволил себе остановиться посреди широкой дороги, я никогда не осмелился бы выйти на неё в обычное утро, движение тут летело на высоких скоростях при высочайшей плотности, а сейчас я стоял прямо посреди 6-полосной стороны, и мне даже не угрожала жуткая смерть через пару секунд такого стояния. Внезапно мне стало легко, я вдруг понял, что не собираюсь больше беспокоиться о Клубе – я не прогуливал, я работал, и если я нужен им именно там, уж они-то найдут способ добиться желаемого. А если нет, значит, я могу спокойно просиживать часы в своей пошарпанной ординаторской и строить планы на завтрашний день с сексуальной красоткой, прилетевшей из далёкого Питера ради меня.

- Что, весело? – Грубый голос раздался рядом со мной, какая-то бабёнка, иначе не сказать, тоже вылезла из маршрутки и теперь проталкивалась между стоящих машин. Она

бросила на меня злобный взгляд и добавила, - бездельникам хоть конец света – всё есть на что поглазеть, а людям на работу надо.

- Лучше не попадайся мне, бездельнику, когда заболеешь, - невозмутимо ответил я, не сдвинувшись с места.

Она скривила ещё более недовольную рожу, опустила голову и поспешила удалиться, чему я был только рад. Я позволил себе несколько мгновений полюбоваться ярким весенним небом, утром оно бывает каким-то свежим и особенно красивым, как будто ещё не запылившимся за целый день человеческой активности. Пушистые белоснежные облачка медленно плыли с востока на запад, и я вспомнил Патрика из истории Артёма... это же правда было! И сегодня будет что-то ещё, сегодня кто-то расскажет очередную умопомрачительную историю... возможно, без меня. Эта мысль как-то понизила моё настроение, я опустил голову и начал пробираться к тротуару. При всей опасности и непредсказуемости, я серьёзно подсел на этот Клуб. Однажды я лечил альпиниста, в моём отделении он оказался из-за банальной язвы желудка, и как-то на мой вопрос, зачем он каждый раз подвергает свой организм таким перегрузкам и лезет на горы снова и снова, он ответил, что и сам не в восторге от холода, плохой еды и риска погибнуть в ущелье или под лавиной. «Но, когда ты там, - сказал он, - это совсем другая жизнь и другой ты. И обычной жизни тебе уже мало. Без гор она становится бессмысленной и безвкусной, как ваша больничная каша».

Я добрался до тротуара и влился в поток пешеходов, в отличие от транспорта, этот поток не стоял. Никто не придёт решать мои проблемы, с тоской подумал я, я просто не попаду в Клуб, а потом они, наверное, сотрут мне память. Видимо, человеческие законы неизбежны для людей, пусть следовать им будут и не люди – никого не волнует, почему ты не пришёл, но, раз не пришёл, значит, тебе не место в Клубе. С рождения человеческое существо остаётся один на один с миром, который обрушивается на него и давит, крушит, пытается сломать и сделать больно, и на все жалобы и просьбы ты слышишь: это твои проблемы, разбирайся сам. Когда ты маленький жалуешься, что в шкафу монстр, и просишь помощи, тебе отвечают: «Никаких монстров нет», - и выключают свет, а ты остаёшься в этой темноте один на один со своей бедой. Разбирайся сам, это твои проблемы. Когда в подростковом возрасте тебе нравится одна девочка, и, видя это, школьный «крутой» приглашает ее на свидание, и она идёт с ним, потому что у него много денег и он школьная звезда, а ты обычный пацан с дурацкой стрижкой, в поношенных брюках и растянутом свитере – ничего не поделаешь, это твои проблемы. А потом ты вырастаешь, и эта фраза обрушивается на тебя со всех сторон: не хватает денег до получки – это твои проблемы, попробуй меньше есть; заболел и пропустил зачёт – это твои проблемы, а допуска к сессии ты не получишь; у тебя нет связей, чтобы найти тёпленькое место – это твои проблемы, работай в поселковой амбулатории; пре-

дал человек, которого ты считал близким – твои чувства, это твои проблемы. И так до бесконечности, иногда даже думаешь: неужели *всё* в жизни – только мои проблемы, неужели никто больше ни за что не отвечает??

И в большом городе это чувствуется особенно остро, здесь даже дружба какая-то извращённая, все дружат «до первого перекрёстка», «друзьями» называют тех, с кем выпивают и гуляют, но если ради «друга» надо чем-то пожертвовать, пусть даже незначительной долей комфорта, всё – включается гимн человечества: «Это твои проблемы, я-то здесь при чём?». Я пытался привыкнуть к этому, но так и не привык. И мне думается, это один из немногих поводов чувствовать уважение к тому типу, которого я каждый день вижу в зеркале.

Поток пешеходов, более плотный сегодня из-за аварии, понёс меня вперёд. Идя быстрым шагом, как сейчас, я успевал на работу, правда мне придётся прошмыгнуть через ворота скорой, может, наткнусь на нашу Зену-Королеву-Скорой, с улыбкой подумал я – как ни странно, я сам бы не поверил этому каких-то 2 недели назад, но мысли о Маришке как-то подняли мне настроение. Ты ещё влюбись в неё для полной картины безумия, сказал я сам себе и улыбнулся, не мог сдержаться. Нет, пока никакого романтического налёта на моих чувствах к ней не было, это было просто тепло, которого так не хватает в современном обществе. *А всё же*, не унимался злорадный голосок в голове, *только ради прикола*

представь картину: ты на свидании с Маришкой... куда бы ты ее повёл – на бои ММА?

На этот раз я не выдержал и тихонько хихикнул. Бывает, что в голову лезет такая дурость, что сам не знаешь, смеяться или... Я поднял голову, впереди был ларёк Бакари, даже отсюда, метров за 50, я видел, что он закрыт – столиков на улице не было. Я пытался вспомнить, видел ли хоть раз такую картину, но нет, таких воспоминаний у меня не было. Бахр-Юсуф работал круглосуточно, Бакари и Табит тоже дежурили по ночам, спасая людей от голода, ха-ха. Чаше в ночное время работал какой-то их родственник или пышная дама с лицом советской буфетчицы, но ларёк работал всегда: в праздники, выходные, днём и ночью. А сейчас он был закрыт. Я всё понял.

Сердце сжалось и превратилось в какую-то ледяную горошину, настроение окончательно упало. Она *его* видела, подумал я, приближаясь к ларьку и внимательно разглядывая такую непривычную картину, а *он* позволяет себя увидеть только тем, кого собирается забрать.

По коже прошёл мороз, я приближался к ларьку сзади, а теперь наконец поравнялся и с надеждой, не имеющей шансов на успех, заглянул туда, где было окно приёма заказов и выдачи. Конечно, оно было закрыто. Ночь снова забрала жизнь, на этот раз не только из старенькой матери Бакари, но и из его кафе.

Я медленно курил в туалете, хотя, вообще-то, делать это было запрещено, но все делали, наша больница была государством в миниатюре, и здесь точно так же относились ко всем законам. На самом деле, я больше смотрел в окно и вдыхал запах горячей сигареты, чем по-настоящему курил, в туалете было 4 кабинки и 2 раковины на противоположной от кабинок стене, а прямо напротив двери – большое окно, обычно приоткрытое даже зимой, сейчас я распахнул его и любовался видом. Да, странное место я выбрал для релакса, но иногда самые неожиданные места становятся нашим прибежищем по необъяснимым причинам. Мне нравилось здесь именно в это время и именно в отсутствие других людей, что понятно, ха-ха. Было около 10 утра, окно выходило на южную сторону, и с холма, на котором стояла больница, было видно, как утреннее солнце, набирающее высоту, заливает город светом. Это было невероятно красиво. Курение в этом туалете в утренние часы было моей маленькой тайной радостью, которую мне не всегда, а, точнее, крайне редко, удавалось урвать. Но зато я наслаждался каждой минутой, понимая, что она может быть последней. Я сделал затяжку, щурясь в ослепительный день за окном, на 6-ом этаже свежий ветер, практически не пахнувший выхлопными газами, залетал по-хозяйски в окно и разбавлял запах хлорки – это был идеальный момент и только мой. Вот из таких мелочей и складывается привычная комфортная жизнь, подумал я, из маленьких удовольствий, знакомых лиц и одних и тех

же действий. И сегодня из моего устроенного мирка выпала довольно важная для меня часть – я больше не мог купить восхитительно жирную и неприлично вкусную уличную еду у Бакари.

Его мать умерла, это подтвердили мне в кардиологии, медсестра сказала, что старушка скончалась ночью, ее родственники приехали сразу и что-то обсуждали насчёт вывоза тела в другую страну. Поэтому кафе было закрыто – им было просто не до того, слишком много хлопот. Я вот не представлял, по каким инстанциям придётся пройти и сколько сил и средств это потребует, чтобы похоронить мать Бакари на ее родной земле, как она, наверное, хотела. И я поймал себя на том, что чувствую уважение и какую-то симпатию к пожилому владельцу ларька – он вполне мог не заморачиваться и похоронить ее здесь, ей ведь уже по сути всё равно... но почему-то для нормальных людей последняя воля умершего является священной.

- Потому что ничто не умирает, господин Семён, - я так испугался, что окаменел, даже не смог вздрогнуть. И одновременно с этим в душе поднялось какое-то дикое ликование. Я знал этот голос. Я так его ждал! – И только самые низкие сущности живут сиюминутными потребностями.

- Я..., - я задохнулся от нахлынувших эмоций, однако продолжил, поворачиваясь на голос, - я так вас ждал! Вы не... хотя, наверное, представляете.

Дверь ближайшей ко мне кабинки открылась, и да, из неё

вышел мой знакомый потусторонний гость. Сегодня на нём был безупречно сидящий серый костюм и темно-бордовый галстук. Это появление выглядело так комично и странно, и было таким долгожданным, что я не выдержал и начал смеяться, отдавая себе отчёт, что веду себя как идиот. Ну, я всего лишь человек, мне можно.

- Вы давно там? – Спросил я, пожирая глазами его необычно высокую фигуру и идеально красивое лицо. Я прекрасно знал ответ, но мне было весело, и от облегчения я стал болтливым.

- Вы же знаете, что нет, - с вежливой улыбкой ответил он. – Но я достаточно продолжительное время отслеживаю ваши эмоциональные всплески.

И он показал руками движение маятника.

- Как качели: вверх-вниз.

- И на то есть причины, - закивал я, - уверен, вы их тоже знаете. – Я осёкся и добавил, не смог сдержаться. – Как же я рад вас видеть! Хотя это крайне необычно *здесь*.

- Ваша человеческая эмоциональная природа для меня непостижима и является некоей стихией, прекрасной, но и разрушительной. – Улыбнулся он, убирая руки за спину. – Вы радуетесь, потому что надеетесь, что я принёс решение ваших проблем. Вы этого не знаете, но радуетесь заранее, потому что эмоции сильнее интеллекта, как я уже говорил. И это пугающе красиво.

- Не все из нас такие, - пожал плечами я, - есть и совер-

шенно безэмоциональные, они у нас считаются самыми умными, про них ещё говорят: «Вместо мозга – калькулятор, вместо сердца – кассовый аппарат».

- Вы ошибаетесь, - спокойно и уверенно заявил он, - нет человеческих существ без эмоций, есть люди, не способные на всю широту данного вам диапазона эмоций, а также на положительные эмоции из самого верхнего спектра, эмоции высоких вибраций, как у вас модно говорить. Вы созданы именно такими, пронизанными страстями, чувствами, стремлениями, вы не властны над своей природой и никогда не будете. Не в силах ее побороть, вы раз за разом делаете вид, что именно этого и добивались... вот что диктует вам такое чувство, как гордыня.

Я не нашёлся с ответом, просто смотрела на него, ожидая, что он перейдёт к причине своего визита.

- Я не задержу вас надолго, особенно в этих стенах, где ваше время нужно другим. – Азалиах задумчиво посмотрел мимо меня в окно, а потом лёгкая улыбка тронула его губы. Он кивнул на всё ещё дымящуюся сигарету, я про неё совершенно забыл. – Вот наглядная демонстрация вашей сложной и противоречивой природы: вы восстанавливаете тела людей, продлевая им жизнь, и разрушаете своё.

Я проследил за его взглядом и выкинул сигарету в мусор, предварительно затушив под краном. Может, произойдёт чудо, и с этой минуты я брошу курить, с иронией подумал я.

- Не хотите разок вмешаться в нашу свободу воли и изба-

вить меня от этой пагубной привычки? - С улыбкой спросил я.

Он улыбнулся, не знаю, почему и как это объяснить (да и надо ли объяснять такие вещи), но я чувствовал к нему симпатию, он мне нравился, он меня восхищал... даже несмотря на то, что я понятия не имел, кто он такой и во что может вылиться наше общение.

- Вы уже знаете, что мы прибегаем к этому лишь в критических обстоятельствах.

- У вас, парни, двойные стандарты, говоря земным языком, - я ухмыльнулся и покачал головой.

- У нас одна чёткая цель, господин Семён, – невозмутимо ответил он, - сохранение Равновесия.

Он изучающе смотрел на меня, по-доброму, но во взгляде я видел твёрдость.

- И зачастую, это очень сложная работа, которая требует больших усилий. К примеру, пока вы катались на своих эмоциональных качелях, мы делали возможным посещение вами Клуба...

- Так вы слышали! – Мне было стыдно и радостно одновременно, странное чувство, не могу сказать, что очень приятное, - а я переживал...

- Мы приходим, когда это необходимо, когда считаем это полезным для нашей цели. Сейчас процесс завершён, и я пришёл сообщить вам, что сегодня вас ждут в Клубе, как обычно в 19.00. Мы доставим вас туда к назначенному вре-

мени. В 18.15 вас будет ждать машина, чёрный седан, вы его заметите, водитель припаркуется у ворот на улице Холмовая. Всё, что вам нужно сделать – незаметно покинуть свой пост. И вы можете не опасаться последствий, я могу гарантировать, что никто не обратится за вашей помощью, пока вы не будете доставлены обратно в больницу.

- Ого..., - я присвистнул и провёл пятернёй по волосам, - я... я просто...

- Судя по вашим вибрациям, рады. – С улыбкой закончил он за меня.

И он был на тысячу процентов прав.

- И сюда никто не зайдёт, пока мы не закончим разговор, - не то спросил, не то констатировал я почти шёпотом.

- Верно, это наименьшая из моих задач. – Азалиах едва заметно улыбнулся. - Не опаздывайте, господин Семён, мы расчистили вам дорогу, но пройти по ней можете только вы сами.

- Я буду вовремя, - заверил я его, голова шла кругом, этот как выиграть поездку в Диснейленд, когда всю жизнь прожил в богом забытой деревеньке.

- И вы правы, - добавил я, - я очень этому рад.

Он кивнул мне всё с той же вежливой улыбкой.

- Что ж, а сейчас каждому из нас пора возвращаться к своей работе. – Он слегка поклонился, очаровательно улыбаясь, - до встречи в Клубе, господин Семён.

И он пошёл к двери, я пребывал в таком урагане эмоций,

что едва успел выпалить:

- А вы что, вот так просто... выйдете через дверь?

- А разве из помещения выходят по-другому? – он обернулся, одарил меня загадочной улыбкой и вышел в коридор.

Я растеряно моргал ещё пару секунд, а потом рванул к двери, мысленно поспорив сам с собой, что в коридоре никого не будет. И снова выиграл.

Глава 10

Весь оставшийся день я чувствовал себя героем блокбастера – я готовил побег в таинственное место, впервые в жизни я собирался в самоволку, да ещё во время дежурства! Адреналин бурлил, сжигая силы, но пока я этого не замечал, я планировал и предвкушал и раз за разом прокручивал в голове наш разговор в туалете.

Глупый гусь, как говорила моя бабушка, когда я выкидывал какие-нибудь не очень умные фортели, я изводил себя целые сутки, а всё это время они невозмутимо готовили почву для моего побега. Каким-то образом они подстраивали события, чтобы я мог посетить их Клуб. Невероятно, просто невероятно! Они работали, делали что-то неведомое (я даже не хотел знать, что), пока я истерил. Они слышали, но были заняты и просто игнорировали мои яростные призывы. Мне опять стало стыдно, я даже почувствовал, как лицо запылало.

А теперь, когда всё было сделано, он пришёл и сообщил мне инструкции. Меня не бросили со словами «это твои про-

блемы», нет, мои проблемы решили. Вот и как после этого не верить, что высшие силы заботятся о нас?

Конечно, я понимал, что сделано это не из симпатии ко мне, а из их «единственной цели», но в данном случае меня это не задевало – я хотел быть в Клубе в эту пятницу, и они сделали это возможным.

- Чему это ты так разубыбался? – Я вздрогнул и поднял глаза, на пороге ординаторской стоял Юра с чашкой чая, судя по аромату, и ухмылялся.

- Надеялся, что меня хоть на 15 минут оставят в покое, – тут же съязвил я, – вот, грезил о минутах тишины.

- Привыкай к взрослой жизни, пацан, – усмехнулся он и совершенно невозмутимо уселся на наш продавленный диван, – а это сплошные разочарования.

- В твоём присутствии это понимаешь особенно быстро, – и я приложил пальцы к виску, имитируя выстрел.

- Че, дежуришь сегодня? – Отпивая чай, спросил он, ему явно хотелось поговорить. Я глянул на часы над нашей «кухонной зоной», было уже почти 4, сейчас все, кто не заперт тут на ночь, отправятся по домам. Неужели он тоже сегодня дежурит?? Это могло бы сильно осложнить мой побег, Азалиах обещал мне скрыть моё отсутствие, но вот выбраться из больницы мне предстояло самому.

- Да, Илюха на похороны уехал. Пришлось мне лямку тянуть.

- Уж лучше тут тянуть, чем на похороны кататься, – вздох-

нул Юра.

С этим я поспорить не мог.

- У нас вон вчера ночью старушка померла, 93 года. Дай бог, конечно, каждому до ее лет дожить, но..., - он отпил чай, - мне вот всегда больше живых жалко. Тот, кто покинул этот мир, ему уже всё равно, а те, кто остался, вот кто проходит через ад.

- Это была мать Бакари, ты его тоже знаешь, кафе Бахр-Юсуф.

- Да, точно, знаю! Так вот почему ты их провёл. Мне просто медсестра сказала, что это то ли твои какие-то знакомые были, то ли ты просто «показал широту души».

- В нашем маленьком королевстве у всех слабые сфинктеры, - скривился я, - ничего не задержится.

- И выплёскивается зачастую именно дерьмо! – Заржал Юра, оценив мой комментарий поднятым вверх большим пальцем.

- Так всё же, - не унимался он, шумно отхлёбывая чай из большой чашки с новогодним рисунком, сейчас была весна, но кого здесь смущали такие мелочи, ха-ха. Я мог бы поспорить на свою зарплату, что эту кружку ему подарил кто-то из больных, мне тоже дарили, часть я передаривал, часть оставлял на «общее пользование», иногда, крайне редко, забирал что-то домой. – Какие планы на выходные? И не говори: валяться на диване, после твоей улыбочки – не поверю.

- Ха, - усмехнулся я, - единственный диван, на котором я

лежу – это вот. – И я кивнул на наш продавленный, выдавший всякое диван. – И потом, в твоём возрасте уже пора бы знать, что валяться на диване можно по-разному...

И я многозначительно подмигнул.

- Так я и знал! – И он победно наставил на меня палец, - Ромео недоделанный.

И он радостно захихикал.

- Не обзывайся, а то натравлю на тебя Маришку, - грозно пообещал я, и мы оба засмеялись.

- А сам-то что? - Спросил я, после того, как смех стих, мне хотелось выяснить, собирается ли он тут торчать и дальше, или всё-таки мне повезло, и он не дежурит, - я хоть тут заперт на сегодня, а ты как будешь проводить вечер пятницы, гуру хренов?

- Когда-то я действительно был гуру, - мечтательно и грустно вздохнул он, - тусил так, что в космосе было слышно, ха! А сейчас, - он сделал театрально-грустное лицо, – какие могут быть планы у женатого мужика с маленьким ребёнком? Поехать в магазин, поехать к тёще, погулять с дочкой... если очень повезёт, побыть наедине с женой.

- Да-а, – протянул я, закатывая глаза, – холостяцкая жизнь кажется мне всё более правильным выбором.

- Эгоистам вообще жить легко, как говорила моя матушка, - хитро прищурился Юра и добавил с триумфом, - до поры до времени, пока жизнь не выставит счёт.

- Тебе домой не надо? – Наиграно спросил я, и мы снова

заржали.

- Ладно, - наконец протянул Юра, допив чай, - завидууй... или **не** завидууй, но я иду домой. А ты тут не балуйся без присмотра.

- Знаешь, - с серьёзным видом ответил я, - баловаться под присмотром – это уже извращение.

Юра, смеясь, картинно махнул на меня рукой, признавая мою безнадёжность, и наконец-то направился к двери.

- Ой, забыл спросить, - оглянулся он, я едва удержался, чтобы не закатить глаза. – Ты не знаешь, чем сегодня наш сортир надушили?

- В смысле? - Искренне удивился я.

- Ну, обычно там сигаретами несёт или чем похуже, - и он многозначительно поднял брови. – А сегодня после обеда захожу, а там – райский сад прямо. Такой приятный аромат, как будто благовоения кто-то жёг...

Пазл в моей голове сложился моментально, и мне стоило больших усилий сохранять нейтральное выражение лица.

- Я прям запал на этот запах, - продолжил Юра в дверях, - такой необычный, сложный аромат. В другой раз я бы не обратил внимания, ну, пахнет приятно – и слава богу, но этот аромат меня просто свёл с ума. Я бы для дома купил за почти любые деньги, - ухмыльнулся он. Мне это желание было знакомо, только я готов был купить там чай.

- Я не успел его унюхать, - как мог искренне ответил я, хотя от волнения в груди всё вибрировало. – Наверное, за-

ходил кто-то, переборщивший с арабскими духами...

- Ну, не знаю, - задумался он, - может, и так... Но мне вдруг так хорошо от этого аромата стало, как будто все мои мечты сбылись, впереди только хорошее, и я люблю весь мир.

Он мечтательно вздохнул, видимо, вспоминая этот запах и вызванные им эмоции.

- Да, я бы не пожалел денег, чтобы вдыхать его снова и снова.

В этот раз я даже не хотел шутить, не та была тема для приколов.

- Жаль только, настоящее волшебство не купить ни за какие деньги, - тихо проговорил я.

- И бесплатно его тоже, к сожалению, не раздают, - как-то грустно улыбнулся Юра и вышел за дверь.

Глава 11

Мне казалось, я всё продумал, рассчитал время и подготовился к моему первому самовольному уходу с рабочего места. Едва Юра вышел за дверь, как я помчался в буфет, волнение нарастало, поэтому голода я не чувствовал, но понимал, что мне надо поесть. Утром я был так погружён в свои нерадостные мысли, что, конечно же, не подумал взять еду с собой, да и зачем, если в большом городе всегда можно заказать доставку или на крайний случай продержаться на резиновых котлетах больничного меню. Вот в мою бытность врачом в поселковой амбулатории, вспоминал я, стремительно

спускаясь по лестнице – ждать лифт у меня, честно говоря, не было нервов, а так напряжение сбрасывалось через физическую активность – где после 8-ми вечера всё живое вымирает, если ты не взял с собой бутерброд или хоть пачку сухарей, придётся голодать до утра, раздобыть хоть что-то съедобное просто негде.

План был простой, а из опыта я усвоил, что именно такие планы имеют самые большие шансы на успех: подкрепиться, сделать все необходимые назначения и в 18.00 покинуть больницу через маленькую дверь прямо напротив ворот Холмовой улицы. Через эту дверь ходили в морг и обратно, для каталок существовал подземный туннель, но его называли «дорогой в один конец», живые по нему предпочитали не ходить, так что за документами или по каким-то вопросам персонал бегал через эту маленькую дверь. Она отпиралась кодовым замком, и мне пришлось делать раскопки в нашем захламлённом столе, за которым я обычно писал истории болезней, чтобы найти памятку с кодами для всех дверей. Зато никаких камер или охраны там не было, для беглеца – именно то, что нужно.

И до 18.00 всё шло подозрительно гладко. Я поел, даже отметил, что суп был похож на настоящий рассольник, а курица не зажарена до состояния высохшей резины, хотя всё было каким-то невкусным, но это как обычно. Потом я поднялся на наш этаж и дал заступившей на дежурство медсестре все необходимые указания.

- А вы что, спать завалитесь? – С завистью спросила она.
– Не рановато?

- 10 лет в этом аду научили меня, что здесь нет понятия «рановато», – ухмыльнулся я, - есть только «сейчас», и, если не поспишь, не поешь, не пойдёшь в сортир *сейчас*, потом возможности может не быть.

- Вы уже 10 лет здесь? – Улыбнулась она, молодая женщина от силы 30-ти лет.

- Угу, - и я ослепительно улыбнулся, - записывай дельные советы от бывалых, первый дал бесплатно, потом – за мзду.

- Не ругайтесь, - картинно закатила глаза она и захихикала.

- И чему вас, молодых, только учат, - вздохнул я, качая головой, и пошёл к себе.

Но судьба всегда вмешивается и показывает нам ничтожность наших планов. Из ординаторской я выбрался без проблем, после недолгих раздумий я положил свою одежду в пакет, а куртку накинул прямо на пижаму – как сказал Азалиах, они расчистили мне путь, но пройти по нему я мог только сам, а путь из больницы невозможно было пройти, не попадаясь никому на глаза. И это было бы странно и глупо - расхаживать в обычной одежде, когда все знают, что в это время ты должен быть либо дома, либо в униформе на посту. У меня даже была легенда, вот так хорошо я подготовился, очень надеюсь, что мне не придётся врать ещё и коллегам.

Как я и сказал, из ординаторской я вышел абсолютно спо-

койно, бросил осторожный взгляд на пост медсестры, но ее там не было. Повезло. Я быстро юркнул на лестницу, мой хитрый план заключался в том, чтобы, добравшись до первого этажа, свернуть в короткий служебный коридор, откуда можно было попасть в подвальные этажи, и где располагалась заветная дверь.

На первом этаже всегда было полно людей, сновали санитарки, слесари (они тоже никогда не могли уйти домой вовремя), посетители, которым было разрешено приходить в любое время, или те, кто приехал по вызову из больницы. Они метались по длинному широкому коридору, где были преимущественно административные кабинеты и смотровые приёмного отделения, с широко распахнутыми глазами, а между ними, ругаясь иногда весьма громко, лавировал персонал. Здесь я был в безопасности, в этой толпе никто не обратил бы на меня ни малейшего внимания, так что я благополучно добрался до заветной двери, ведущей в коридор и на улицу, ещё чуть-чуть, думал я, уже мысленно поздравляя себя с блестящей операцией побега... Стараясь не бежать и не спешить совсем уж явно, я с гулко бьющимся сердцем нажал на ручку и оказался в спасительном полумраке короткого коридора, по обеим сторонам были служебные помещения с инвентарём, а впереди – та самая лестница, ведущая к двери на свободу. Закрыв за собой дверь, я позволил себе шумно выдохнуть, ощущая себя героем шпионского кино и откровенно наслаждаясь этой ролью, чего уж там. Короткий

лестничный пролёт – и всё, я свободен... до окончания истории, которая будет рассказана сегодня в Клубе. Возможно, будет рассказана мной.

Весь вибрируя от волнения и предвкушения, я слетел по лестнице, повторяя про себя код от двери... и вдруг клавиатура замка загорелась, послышался щелчок, и дверь открылась. Я испытал такой шок, что сначала даже не смог скрыть бурю эмоций, которая, видимо, отражалась на лице. Этого не могло быть! Не должно было быть! С улицы, опустив голову и явно не ожидая здесь никого увидеть, зашла Маришка. Вот же чёрт!! Не кто-нибудь едва знакомый, а именно она!

- О. – Она подняла голову и тоже замерла от удивления, тусклая белая лампочка над входом делала ее лицо похожим на лицо призрака. Шпионский триллер смешался с фильмом ужасов, подумал я и сам удивился, что в такой момент в голову лезут такие нелепые мысли. – А ты здесь откуда?

- А... я..., - я попытался взять себя в руки, а мой внутренний насмешник констатировал, что шпионов мне даже в кино играть бы не доверили, - иду туда.

И я показал рукой в направлении двери.

- Это я вижу, - усмехнулась Маришка, - а что это у тебя с лицом? Странный ты какой-то.

- На своё посмотри. – Фыркнул я, к счастью, самообладание возвращалось ко мне, помогая сохранить хоть остатки самоуважения. – При этом свете ещё никто не выглядел, как человек.

Она ухмыльнулась, но с дороги не ушла, загораживая собой дверь, мой путь в Клуб.

- Чё, сбежать решил? – Комичность была в том, что она и не подозревала, насколько права.

- Хотел, если честно, - улыбнулся я, вспоминая, что именно на такой случай я и приготовил легенду, шпион недоделанный. – Теперь придётся тебя убить, как свидетеля.

На ее лице расцвела такая хищная улыбка, что мне на самом деле в первую секунду стало не по себе.

- Ты хорошо подумал? – Спросила она, а в глазах плясали чертенята.

- Если бы я хорошо подумал, - вздохнул я, - я бы выбрался отсюда никем не замеченный.

- А если серьёзно, ты в холодильник? – Так у нас называли морг.

- Нет, - ответил я и поднял пакет со своими вещами, демонстрируя ей. Шпион из меня был никудышный, но и идиотом я не был, понимал, что не надо врать, когда твоё вранье легко проверить. – Приятель подъехал, надо ему кое-что отдать. А ты оттуда?

- Угу, - она быстро скользнула взглядом по пакету. – Но-стальгия, не могу без холодильника.

- Дежуришь сегодня?

- Слава богу, нет! – И она закатила глаза. – Просто заболталась.

Она ещё раз прошлась взглядом по моей пижаме, накину-

той куртке и пакету в руке.

- А ты, видно, застрял тут на ночь.

- Ты просто гений! – Восхищённо воскликнул я, она закатила глаза и покачала головой, - а теперь, свет чистого разума, разреши откланяться, меня ждут.

Она одарила меня ещё одним изучающим взглядом, который мне совсем не понравился, и отошла в сторону, давая мне дорогу.

- Не заблудись, - ухмыльнулась она, – а то на улице уже темнеет.

- Не давай дурацкие советы, а то потеряешь только что приобретённое звание гения. – Я сладенько улыбнулся ей, набрал код на двери и вышел в восхитительный весенний вечер.

Глава 12

Я шёл к воротам на Холмовую в сиреневатой вечерней дымке, думая, что весна делает прекрасным даже больничный двор. Сердце билось гулко, но ровно, я вырвался, да, не без неожиданностей, но я был уже вне больницы. И меня ждало удивительное приключение в этот красивый, наполненный ароматами весны вечер. Солнце ещё не зашло, но из-за высоток сумерки в городе наступали раньше, а вот на холме, где стояла больница, мы могли наслаждаться закатом намного дольше. Облака надо мной окрасились в золотисто-розовый, ветер нежно гладил по щекам, одаривая меня ароматами цветов из нашего больничного сквера и принося

шум города. Я сам не верил, что всё это происходит со мной на самом деле, всё это казалось каким-то сном или игрой...

Я бросал быстрые взгляды по сторонам, никаких встреч мне больше не хотелось, но двор был пустым, никто даже не курил возле здания морга, «холодильника», как его чаще называли. Парочка каких-то пешеходов вошли через калитку, это могли быть и посетители, и просто живущие в этом районе – они часто ходили через больничную территорию, а вот машины пропускали только по паспортам. Они не смотрели на меня, я был органичной частью больничного пейзажа. Пока.

Сокращая расстояние до забора, отделяющего больницу от улицы Холмовой (где погиб Шкет, невольно подумал я, но эта печальная мысль, к счастью, быстро растворилась в охватившем меня возбуждении), я всматривался в небольшую стоянку возле ворот, там всегда парковались посетители, именно там меня должен был ждать чёрный роскошный седан с водителем, которого не спутаешь ни с кем другим. Мой взгляд скользил по разноцветным иномаркам и единицам отечественного автопрома, все они меня не интересовали... и вот! За воротами, слегка в стороне стояла большая чёрная машина, блестящая и ухоженная настолько, что, казалось, она светится. Я метнул руку за телефоном, чтобы узнать время, меня вдруг прошиб ужас от мысли о том, что я мог опоздать, и эта роскошная чёрная «каре́та» на моих глазах укатит без меня... У меня аж дыхание перехватило.

18:07, я не потерял свой уникальный шанс посетить Клуб.

Оставшееся расстояние я преодолел почти бегом, в последний момент, уже подходя к воротам, вдруг осознав, какой серьёзный прокол я допустил – охранник, поднимающий шлагбаум и проверяющий документы. Если он меня увидит, да ещё в больничной пижаме... я как будто преступник, выхваченный лучом прожектора во время попытки побега. Будь я в обычной одежде, он бы, возможно, даже не обратил внимания или просто не узнал – они работали от какого-то агентства, часто менялись и не общались с персоналом. А вот человек в больничной форме, покидающий территорию больницы в такое сомнительное время... Я едва удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу, но отступить было уже куда, поэтому я просто поспешил вперёд, к машине, надеясь, что эту мелочь те, кто ждал меня там, предусмотрели, в отличие от недалёковидных людей.

Он-то не спросит, куда я, он мне не начальник. Но вот запомнить – запомнит, врач покинул больницу, потом приехал обратно... И как с этим быть?? Ответ пришёл сам, как я и смел надеяться (а мне оставалось лишь надеяться на высшие силы, ха-ха): упитанный мужчина лет 50-ти в чёрной форме охраны сидел в своей стеклянной будке, уткнувшись в телефон, в углу перед ним светился маленький телевизор, но он сидел, низко опустив голову, и что-то внимательно изучал. Хвала современным технологиям, подумал я, ощущая себя всё больше героем какого-то третьесортного боевика. Я про-

шёл по узкой части, куда не доставал шлагбаум, охранник так и не пошевелился, мне даже показалось, что он не моргает и не дышит, но это, конечно же, было не так. А вот из сияющей чёрной машины, как только мои ноги оказались за пределами больничной территории, вышел высоченный красавец со светлыми волосами, собранными в низкий хвост, и в строгом чёрном костюме. Лицом он напомнил мне молодого Брэда Питта, я невольно засмотрелся на него, замедляя ход. Громила загадочно улыбнулся и приглашающе открыл правую заднюю дверь.

- Добрый вечер, - он слегка кивнул мне, голос у него был бархатный, - вы вовремя, нас уже ждут.

Я кивнул ему в ответ и изобразил то, что мне казалось вежливой улыбкой. Мне очень хотелось как можно скорее сесть в машину и скрыться от возможных взглядов свидетелей, но любопытство, как всегда, оказалось сильнее – мне хотелось узнать марку авто, я таких никогда не видел. Машина была массивной, как какой-нибудь правительственный автомобиль, но при этом элегантной и даже немного пижонской. Я сделал небольшой крюк и заглянул в заднюю часть... меня ждал сюрприз – хорошо знакомый знак Мерседеса. Сбитый с толку, я быстро вернулся на свою траекторию и сел в машину, громила всё с той же хитрой улыбочкой закрыл за мной дверь и стал обходить автомобиль, чтобы сесть за руль. Это дало мне время осмотреться, я мог бы снова поспорить с собой и снова выиграть, но я уже потерял к этому инте-

рес: салон был роскошный: белоснежная кожа, деревянная отделка, в спинки передних кресел вмонтированы мониторы, приборная панель напоминала космический корабль из будущего, а руль был отделан каким-то по виду недешёвым деревом.

- Роскошная машина, - восхищённо проговорил я, когда громила сел за руль, двигался он легко и элегантно, его габариты совсем не доставляли ему никакого неудобства, - что это за модель?

- Спасибо, - кивнул он, в зеркале заднего вида наши глаза встретились, в его голубых глазах была лёгкая смешинка, - это лишь средство передвижения, чтобы доставить вас из пункта А в пункт Б, и не более.

Да уж, вопросы эти парни не жалуют, тут ничего не изменилось, пусть мы были и вне стен Клуба. Но я всё же позволил себе задать ещё один:

- Охранник на воротах в будке – ваша работа?

Громила одарил меня ещё одним неопределённым взглядом в зеркале заднего вида, но мне показалось, что в нем преобладает веселье.

- Я полагаю, - загадочно улыбнулся он, отчего стал просто невыносимо красив, - этот джентльмен увлёкся интересным контентом настолько сильно, что перестал замечать окружающий мир.

Он слегка кивнул, как бы утверждая свою правоту. И добавил:

- Я также полагаю, что именно этот контент он так давно искал, поэтому так глубоко погрузился в процесс.

- А вы другой, - не сдержался я, хотя, что такого, это ведь не вопрос, а рассуждать и констатировать нам не запрещалось. – Более... эмоциональный, что ли.

Он снова одарил меня ослепительной улыбкой молодого бога и завёл мотор, послышалось странное глубокое гудение, как будто мы сидели в космическом корабле, а не в машине.

- Мы все находимся в небольшом, по вашим меркам, эмоциональном диапазоне, - сказал он, когда я уже перестал ждать реакции на мою случайную реплику. – Бурные, яркие, порой неконтролируемые эмоции – это ваш удел. Нам же доступна лишь небольшая шкала. Наши эмоции – прохладный ветер, тогда как ваши – ледяной или огненный ураган. Надеюсь, я был понятен.

- Вполне. – Кивнул я и откинулся на спинку из белоснежной кожи. Возможно, это кожа какого-нибудь единорога, подумал я и не сдержал улыбку.

Мы плавно отъехали от больничной стоянки, эта странная машина двигалась с каким-то мощным гулом, мне казалось, что, нажми водитель педаль газа чуть сильнее – мы можем улететь в космос. Интересно, пришла вдруг мысль, а пробки им тоже нипочём? Или против этого зла даже они бессильны?

- Не переживайте, мы будем вовремя. – С очаровательной улыбкой ответил громила, я всё никак не мог привыкнуть

к тому, что они видят наши мысли и чувства. Хотя, как к такому можно привыкнуть??

Когда мы выехали с Холмовой на улицу Мира, мой водитель нажал пару кнопок на своём «космическом пульте управления», и салон наполнила красивая инструментальная музыка. Она была спокойной и какой-то неземной... как сиденья, обитые кожей единорога. Мне вдруг стало так хорошо, точно, как сказал Юра: как будто все мои мечты сбылись, и впереди только хорошее. Я выбрался из больницы, меня ждало удивительное приключение, а по возвращении с дежурства я должен был встретиться с красивой женщиной, приехавшей из Питера ради меня. И вокруг весна выходила на пик своей красоты.

Я смотрел в окно на проносящиеся мимо знакомые здания, пока пробок не наблюдалось, что показалось мне немного странным, но, как я уже на раз повторял: за последний месяц на меня свалилось столько странностей гораздо большего калибра, что на такие мелочи я уже не сильно реагировал. Однако впереди движение замедлялось, а чуть дальше, на выезде из района, я не сомневался, что всё стоит. Меня это не волновало, я вдруг ощутил, как это приятно иногда передать ответственность за себя кому-то более сильному и более умному. Не скажу, что хотел бы так жить постоянно, но как разовый опыт – почему нет? С другой стороны, рассуждал я, а музыка лилась, унося все негативные мысли куда-то прочь, разве не это делает подавляющее большин-

ство человечества – они передают ответственность за себя в руки высших сил, бога, кармы, Вселенского разума, политиков, демонов, друзей и любовников... так или иначе, но мы всегда ищем кого-то, ответственного за всё происходящее с нами и вокруг нас.

- Странный парадокс, - кивнул водитель, бросив на меня один из своих хитрых взглядов с лёгкой смешинкой в зеркало заднего вида, - люди всю свою историю бьются за свободу, а когда получают, мечтают быстрее от неё избавиться.

- Вы читаете мои мысли? – Я не хотел ввязываться в философские беседы с высшими существами, в данный момент мне хотелось просто наслаждаться музыкой и дорогой, поэтому в моём голосе невольно прозвучали раздражительные нотки.

- Вы же знаете, что нет. – Невозмутимо ответил громила. – И я больше не стану докучать вам беседой. Но мне любопытно, раз уж мне выпала роль водителя более осведомлённого человеческого существа: что в вашем понимании свобода? Вы сражаетесь за неё, а потом выясняется, что это не то, что было нужно, а что тогда – то?

Я шумно выдохнул и начала разминать пальцы, я всегда так делаю, когда мозг получает сложное задание. Свобода – делать то, что хочется? Слишком просто и не соответствует реальности, потому что даже в самых свободных и развитых обществах есть правило: моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. Хмм. К примеру, общество

очень даже ограничивает свободу таких желаний как торговать наркотиками или убивать. Да, есть особи, делающие это успешно многие годы, но они **не свободны**, они скрываются, их жизнь подстроена под вечную погоню и продиктована ею.

Тогда свободны те, кто просто мирно живут и ходят на работу? А вот и нет! В обществе так много ограничений, ты не можешь шуметь после 11-ти, ты не можешь жить там, где тебе хочется, ты не можешь голосовать за кого хочешь – только за установленных правилами кандидатов, ты не можешь не общаться с неприятными тебе людьми, не можешь спать, когда хочешь и сколько хочешь, ты не можешь даже выйти голым на улицу! И ещё так много того, что ты не можешь, будучи членом даже считающегося свободными общества.

А если глянуть шире, то мы вообще, в принципе, нигде и никогда не можем быть свободны. Мы пленники времени, законов физики, мы пленники своей природы. Никто из нашего несчастного вида ещё не стал бессмертным и не научился ходить по воде, взлетать или жить без воды и пищи.

- Наверное, это очередное противоречие, - вздохнул я, - я уже усвоил, что наш вид сделан как будто на потеху кому-то из сплошных несочетаемых сочетаний. А никакой свободы здесь нет.

Я грустно усмехнулся.

- Мы, как обычно, бежим за солнцем, стирая ноги в кровь, и верим, что однажды догоним. Верим, потому что не мо-

жем жить без веры и без цели, нам надо во что-то верить и к чему-то стремиться. Желательно, к чему-то недостижимому, чтобы точно не провести жизнь без цели.

- А что до борьбы за свободу, - я задумчиво поднял брови, - максимальная свобода, доступная нам – это поменять одного хозяина на другого, получше, как нам кажется. Сменить неприемлемый набор ограничений на приемлемый. Вот и всё.

В зеркало заднего вида громила поймал мой взгляд, в его глазах больше не было смешинки, лишь мудрость и доброта.

- Самое прекрасное противоречие вашего вида, - сказал он с лёгкой улыбкой, - в том, что человечество, в целом, довольно примитивно и малоразвито, тогда как отдельные его особи – прекрасны и многогранны, как бриллианты среди булыжников.

Я подумал, что это комплимент, но не знал, как реагировать, поэтому, смутившись, лишь улыбнулся и вернулся к созерцанию дороги.

А она, кстати, была мне незнакома. Задумавшись, я не заметил, когда мы свернули с улицы Мира на какую-то совершенно незнакомую мне улицу. Не то чтобы я знал каждый метр города, но уж центр нашего района знал, и по этой улице я никогда не ездил. Никогда. Вечерние сумерки ухудшали видимость, и мой разум попытался зацепиться за это оправдание, я смотрел из окна незнакомой мне машины на совершенно незнакомую мне улицу, пытаясь увидеть хоть что-то,

что развеет мои опасения... Но нет, я никогда не видел эту дорогу среди идеально ровных тополей, а за тополями не было ни домов, ни офисных зданий – только глухая белая стена по обе стороны. Какой-то липкий страх, как ни странно, смешанный с восторгом, окутал меня, как эти чудесные сумерки окутали город. Не могло быть такой длинной и такой идеальной белой стены, причём, насколько я мог видеть вперёд, она нигде не кончалась, дорога всё также шла между высокими тополями, посаженными через такое же идеально одинаковое расстояние, а за совершенно одинаковыми стволами высилась эта неестественно белая и длинная стена.

Что будет, если мы остановимся здесь, и я выйду? Я буду идти бесконечно, или пока не умру, по этому гладкому асфальту среди тополей? Что за этой стеной? А есть ли за ней вообще что-то?

- Не стоит беспокоиться. – Тут же отреагировал громила. – На улице Мира были пробки, мне пришлось их объезжать. Мы ведь не хотим опаздывать.

- Объезжать..., - повторил я пересохшими губами.

Я хотел спросить, где мы вообще находимся, но понимал, что не вполне готов услышать ответ, который и сам знал.

- Повторяю, не стоит беспокоиться. Я доставлю вас в место назначения в положенный срок.

- Не сомневаюсь, - ухитрился выдать я и даже изобразил некое подобие улыбки.

А что мне ещё оставалось? Я полностью зависел от это-

го существа, я находился где-то за пределами нашего мира, куда меня втащили, не спросив... Вот и опять возвращаемся к свободе воли, подумал я, медленно откидываясь на спинку сиденья, получается, что свобода у нас весьма ограничена установленными кем-то рамками. Как арестант свободен ходить по тюремному двору, так и мы свободны в очень маленьком круге выборов и решений. Вот почему Азалиах тогда сказал, что при необходимости они нарушают нашу свободу воли – нельзя нарушить то, чего нет, а настоящей свободы нет, наверное, ни у кого, по крайней мере, и у них тоже нет.

- Я прав? – Услышал вдруг я свой голос, когда твой собеседник читает мысли, такое понятие, как внутренний диалог, отсутствует, так что..., - вы ведь знаете, о чём я.

- Отчасти. – Уклончиво ответил он. - Мы уважаем то пространство выбора, которое дано вам, но оно не является высшей ценностью.

- Всё потому, - вдруг осенило меня, – что тот, кто создал нас, не мог спросить, хотим ли мы быть созданными. Таким образом, его воля всегда доминирует над нашей.

- Мир – это иерархия, господин Семён, - улыбнулся громила, а за окном так и мелькали высокие стройные тополя, окутанные сгущающимися сумерками. – И наш мир - тоже. Есть ценности выше вашего поля самостоятельности, есть ниже.

- А мы-то мечтаем о всеобщем равенстве, - усмехнулся я.

- Вы сами уже ответили выше, - спокойно сказал громила, - и совершенно правильно: вам нужно бежать за солнцем. Сейчас построение равноправного и справедливого с вашей точки зрения мира – то солнце, за которым вы бежите, спотыкаясь и падая. Были другие солнца, и снова будут.

Водитель включил фары, и впереди я смог рассмотреть первый и единственный поворот на этой бесконечно одинаковой дороге. Он плавно свернул, и я снова испытал сводящий с ума коктейль ужаса и восторга – мы выехали на Тенистую улицу, эту местность я уже узнавал.

- Вы специально отвлекали меня разговором, - не то спросил, не то констатировал я с восхищением.

- В данном случае вы вольны думать, как вам нравится, - пожал плечами громила, а в глазах снова загорелся весёлый огонёк.

Глава 13

Всё это уже прожито, поэтому я рассказываю историю цельно, чтобы вы смогли увидеть всю картину. В тот вечер, когда я впервые дезертировал с работы, не всё прошло гладко, как мне казалось: случилось 2 события, изменивших ход моей истории.

Я буду рассказывать так, как представил это сам, потому что меня там не было, я знаю лишь факты, а картинка всё равно у каждого в голове своя.

Итак, первое. Распрощавшись с Маришкой, окончательно, как я думал, я поспешил к машине... а вот она не спе-

шила домой или куда она там собиралась. Я представляю, как она стоит на лестнице в том узком служебном коридоре и напряжённо думает. Что-то не сходится в ее мыслях, что-то заставляет ее стоять там в одиночестве и хмуриться, вместо того, чтобы пойти наконец домой. Наверное, это имя, которое я произнёс во сне, оно не даёт ей покоя, оно волнует ее странным образом, непонятным ей самой. И она не в силах просто наплевать на это, почему-то она не может, почему-то ей необходимо узнать. И после недолгого колебания она стремительно сбегает по лестнице и набирает код на двери, надеясь, что не раздумывала слишком долго и не упустит меня.

И пока я шёл через двор, наслаждаясь весенними сумерками, предвкушая приключение и радуясь, что так удачно отделался от Маришки, она внимательно следила за мной через щель приоткрытой двери. Она и этим не ограничилась, не знаю точно, где она пряталась, предположу, что за мусорными контейнерами напротив бокового входа, но она видела, как я вышел из больничного двора и сел в шикарную машину, причём необыкновенно высокий водитель в безупречном костюме открыл мне дверь, как какой-нибудь шишке.

Я не могу пересказать вам точный ход ее мыслей, но думаю, что тогда-то она и решила докопаться до истины. Она видела таких высоких красавцев, они снились ей с того момента, как она прикоснулась к загадочному праху в море много лет назад. Пазл в ее голове сложился не полно-

стью, но совпавшие фрагменты обещали поистине фантастическую картину. А уж упорства и храбрости ей было не занимать.

А второе - ещё более серьёзное и неожиданное. Вот это для меня действительно стало шоком.

В те же минуты, когда я шёл через двор, а Маришка пряталась за мусоркой, по улице Холмовой ехало такси. Не по улице Мира, потому что водитель справедливо опасался пробок в этот час, поэтому он предложил заехать с Холмовой. Его пассажир не возражал. Не доезжая до стоянки перед калиткой, водитель остановился, таксисты ведь вечно спешат, его пассажир приготовил деньги... И тут я прямо вижу, как ее серо-голубые глаза распахиваются от удивления – сквозь железные прутья больничного забора Рина отчётливо видит меня в пижаме и наброшенной сверху куртке, спешащего прочь с больничной территории. Она замирает, не зная, что думать и что делать, и пока она просто наблюдает, я выхожу и сажусь в роскошную чёрную машину неведомой марки. И да, необычно высокой водитель учтиво открывает мне дверь.

Я не видел такси, потому что, во-первых, оно уже стояло, не двигалось, а во-вторых, потому что мне не было до него никакого дела, я не ждал гостей и *таких* свидетелей.

Да, а дальше всё развивается ещё более невероятно. Рина не выходит из такси, вместо этого она велит водителю ехать за чёрной машиной, уверен, в тот момент она не думала о деньгах или о том, что собирается делать, когда доедет

за мной до места назначения, это был порыв, те самые ураганные эмоции наложившиеся на нашу пресловутую свободу воли.

Водители такси в мегаполисе – это категория людей со стёртой способностью удивляться, уж они-то повидали все грани земной жизни, так что он просто едет за непонятной машиной, ему всё равно, главное: на этом он может хорошо заработать. Они ведут нас по улице Мира, впереди пробка, и Рина наверняка нервничает – а вдруг я увижу ее или эта погоня затянется... но отступить она и не думает, женщин часто сравнивают с кошками, а все кошки обожают играть в охоту. Наша машина ныряет в поток, такси немного отстаёт из-за трафика и осторожности водителя, но Рина успевает увидеть, как чёрный седан сворачивает на какую-то улицу впереди. Я знаю ее... не так хорошо, как мне казалось, но всё же достаточно, чтобы не сомневаться – она готова выпрыгнуть и бежать за чёрной машиной от нетерпения. Она торопит водителя, и тот старается и маневрирует, он не хочет терять заработок, а тут пахнет хорошими деньгами. Когда они наконец доезжают до поворота... ха-ха! Угадайте, что??

Да. Дорога пустая. Рина ещё какое-то время кружит по улицам вокруг больницы, понимая, что не может за такое короткое время упустить такую большую машину... но нас нет нигде. Возможно, мы, как в фильмах, загнали машину кому-то во двор, но это она никак проверить не может.

В отличие от Маришки, она не сталкивалась ни с чем

необъяснимым, поэтому мысли, разрывающие ей голову, никак не связаны со сверхъестественным. Но это пугающие, раздавливающие мысли. Она отпускает такси и идёт в парк, ей надо подумать. Ей надо решить, что делать с этими чувствами и фактами. И уже к ночи, почти не помня, как добралась домой, она-таки принимает решение. Свобода воли, чёрт ее дери.

Глава 14

- Добро пожаловать, господа, - от ее голоса по телу как будто проходил электрический ток, сегодня она была особенно прекрасна... хотя я поймал себя на мысли, что думал так каждый мой вечер в Клубе. – Я рада приветствовать вас в нашем Клубе.

Сегодня уж я не опоздал, поэтому у меня было достаточно времени перекинуться парой фраз с остальными членами Клуба и попытаться морально подготовиться к тому, что сегодня мои шансы вытянуть чёрный шарик стали больше, чем были в прошлую пятницу. Я сам поражался той теплоте, которую чувствовал, глядя на людей в этой большой комнате. Все они были нарядными и немного взволнованными, блондинка уложила волосы в красивые локоны и то и дело убирала их за уши, выдавая своё волнение. Дама-с-брошкой, как я ее называл про себя, сегодня облачилась в элегантный костюм из платья и короткого жакета глубокого винного цвета, она снова сидела с неестественно прямой спиной и безупречной укладкой, я улыбнулся и ей, она ответила сдержанной

улыбкой и кивком головы. Артём, герой прошлой пятницы, сидел с довольной улыбкой на свежем лице, его все приветствовали как-то особенно тепло, как будто аура Патрика каким-то образом отпечаталась на нём, вызывая и к нему такую же сильную симпатию. Женя в твидовом пиджаке и мокаси-нах был похож на искателя приключений, о чём я не преми-нул ему сообщить.

- А разве это – не приключение? – Засмеялся он, обво-дя комнату взглядом, пожилой рокер показал нам поднятый вверх большой палец, соглашаясь с жениным утверждением.

Но больше всего моё внимание привлекал новенький. Он уже сидел в зале на своём месте, когда я вошёл, тёплый свет бра и огня в камине (пока ещё обычного цвета) делали его то совсем юным парнем, то матерым мужем, прошедшим мно-го битв. Умные чёрные глаза скользили по обстановке и го-стям, изучая, собирая данные, но этот взгляд не был непри-ятным. Он был гладко выбрит, тёмные, почти чёрные воло-сы уложены с подчёркнутой небрежностью, что в сочетании с безупречным костюмом придавало ему какой-то богемный шик. Это птица какого-то другого полёта, подумал я, привет-ствуя и его улыбкой и кивком, он ответил мне тем же. В от-личие от нашего местного политика, этот джентльмен не раз-дувался и не выпендривался, он держался с таким естествен-ным достоинством, как будто оно было его кожей, а не одеж-дой, которую некоторые надевают перед выходом на публи-ку.

Какую историю он несёт в себе? Меня просто раздирало любопытство, и тот факт, что я всё равно с большой долей вероятности услышу его рассказ, ничуть моё любопытство не уменьшал.

- Сегодня, как и каждую нашу встречу, будет рассказана одна история, - точёная фигура Мадам, подчёркнутая роскошным золотистым платьем без бретелей, притягивала взгляды, но все смотрели как-то украдкой, робко, боясь открыто поднять глаза. – Судьба определит рассказчика.

Она очаровательно улыбнулась своей царственной улыбкой богини, мягкий свет ламп отражался в больших камнях на ее шее и в ушах, я не сомневался, что это бриллианты. Сейчас на ней, должно быть, примерный бюджет нашего города, подумал я с каким-то благоговением. Чёрные, гладкие как шёлк волосы струились по открытым плечам, заколотые сзади такой же бриллиантовой заколкой – то, что там сияют не стразы, я не сомневался ни секунды.

- Давайте начнём. – Она устремила взгляд в сторону камина, где возле стен как обычно стояли высоченные красавцы всех рас и типажей. – Ишим.

От стены отделилась высокая фигура, я уже знал, что будет дальше. Красивый японец с длинными и такими же струящимися волосами (всем дамам на зависть, подумал я с лёгкой улыбкой) подошёл к камину, держа в руках уже знакомый нам ларец, быстро поклонившись, он бросил что-то в огонь, пламя в камне зашипело и стало фиолетовым. Нача-

лось время историй, время волшебства.

Прекрасный аромат поплыл по залу, хотя здесь итак пахло как в раю, но этот запах... запах далёких сказочных стран, запах сбывшихся мечтаний и безмятежного счастья. Я сделал глубокий вдох, все остальные гости – тоже, лица стали расслабленными, кое-кто даже начал улыбаться: наши более молодые друзья – Артём и блондинка Диана.

Пока я смотрела на фиолетовое пламя и грезил, один из близнецов – они, как обычно, стояли за спиной своей госпожи, красивые, как молодые боги, в одинаковых кремовых костюмах – подал ей зелёный бархатный мешочек. Я вдруг ощутил какой-то прилив паники и эйфории, странное сочетание, я понимаю, но мне вдруг стало так страшно, что чёрный шарик сегодня вытяну я, и вместе с тем меня захватил такой восторг от возможности рассказать наконец то, что не давало мне покоя все эти месяцы. И если в первые вечера в Клубе мне не хотелось откровенничать перед незнакомцами, то теперь эти люди уже не казались чужими, нас связывало нечто гораздо большее, чем дружба или семейное родство – они понимали меня, потому что были такими же, как я, даже этот тошнотворный местный политикан, глава чего-то там. А быть среди тех, кто тебя понимает – это самая сильная связь.

- Прошу. – Мадам уже стояла возле дамы-с-брошкой, протягивая ей мешочек. Я впился глазами в изящную руку пожилой леди, украшенную весьма внушительным браслетом, она осторожно нырнула в зелёный бархат, как будто вместо

шариков там могли быть пауки...

- Белый, - выдохнула дама и, прочистив горло, объявила уже громче, - у меня белый.

Она подняла шарик, чтобы все смогли убедиться в ее словах, а Мадам, с лёгким кивком двинулась дальше, мимо политика к блондинке. Я вдруг ощутил лёгкий укол зависти – они, те, кто уже рассказал свои истории, могли просто наслаждаться вечером, точно зная, что каждую пятницу отлично проведут время, при этом не испытывая больше никакого стресса.

- Белый, - девушка подняла шарик, улыбаясь с явным облегчением. Почему мы так боимся, что жребий выпадет нам, подумал я, и в то же время приходим сюда снова и снова, понимая, что однажды всё равно расскажем то, что носим в душе?

Мадам прошла мимо Николая, сидящего рядом с блондинкой, тех, кто не участвовал в жеребьёвке, становилось всё больше, на той стороне их было уже 3 из 5-ти... И вдруг я с ужасом осознал, что Женя уже рассказал свою историю, таким образом, в мешочке осталось всего 3 шарика...

- Андрей, - Мадам с очаровательной улыбкой предложила мешочек новенькому. Я с замиранием сердца следил, как он погрузил руку в зелёный бархат, пошевелил шарики и вытащил...

- Белый.

В мешочке оставалось всего 2 шарика. Что ж, сказал я се-

бе, стараясь обуздать дикое волнение, тебе всё равно пришлось бы рассказывать, а так уже в следующий раз ты тоже сможешь просто наслаждаться вечером и историями и ни о чём не переживать. Я сам не понимал, почему так разнервничался, как будто собирался прыгать со скалы или с самолёта с парашютом. Хотя, в некотором смысле, так оно и было, как я уже говорил: доверить кому-то своё сокровенное - это всё равно что прыгнуть без страховки в неизвестность, либо тебя поддержат, либо ты разобьёшься о непонимание или осуждение.

Мадам подошла к качку, сидящему рядом со мной, я чувствовал какие-то сильные вибрации от ее близости, как будто каждая клеточка тела чесалась и пульсировала. Я даже подумал на миг, что готов вытянуть любой шарик, лишь бы она отошла.

- Ох, - выдохнул парень рядом со мной, - волнительно!

Я впился глазами в зелёный мешочек, но перед этим мой взгляд метнулся к стене возле камина, там, среди высоких красавцев Мадам стоял Азалиах. Он смотрел на меня с каким-то спокойным торжеством.

- Ну да, - выдохнул парень рядом со мной, все взгляды были прикованы к нашей маленькой битве. - Чёрный!

Он поднял шарик, чтобы все могли его рассмотреть, а мои губы против воли растянулись в улыбке, которую я тщетно пытался подавить. Понятно, что ничего такого не произошло, и мне всё равно придётся рассказать то, что случилось

февральским вечером, просто я был так странно рад, что всё же не сегодня. Сегодня я мог расслабиться и просто наслаждаться этим волшебным вечером.

- Что ж, Денис, - Мадам уже вернулась на свой диван, приняв очередную царственную позу, - сегодня вы – наш рассказчик. Настраивайтесь.

Она едва заметно кивнула, и двери распахнулись, мы все знали, что за этим последует, ждали этого, я так точно с нетерпением ждал. Комнату начал заполнять новый сильный и прекрасный аромат чая, выпечки и шоколада, очередей высокоый красавец индийской внешности вкатил тележку с дымящимися чашками.

- Прошу. – Мадам элегантным жестом предложила нам угощаться, громила-индус передал ей первую чашку с лёгким поклоном, она поблагодарила его улыбкой и кивком. Всё же, она здесь главная, подумал я, а кто ее назначил? И ещё более интересный вопрос: а кто стоит *над* ней?

Пока гости разбирали чай и булочки, один из близнецов собрал шарики, после чего свет погас, теперь зал освещало лишь странное фиолетовое пламя в камине. Закрыв глаза, я глубоко вдохнул поднимающийся над чашкой пар, чувствуя, как меня уносит поток мечтаний, облегчения и настоящего счастья. И так приятно было расслабиться, сбросить всё это напряжение последних 2-х суток и просто наслаждаться моментом. И почему я так переживаю каждый раз, задался я вопросом, обхватив горячую чашку, из которой поднимался

дивный аромат, здесь никто не покрутит пальцем у виска, мы все оказались здесь, потому что вышел за грани привычного обывателю мира. Глупо волноваться, лучше поблагодарить судьбу за это удивительное приключение и поделиться с этими людьми тем, что я принёс в эти стены.

- Я могу начинать? – спросил парень рядом со мной, решительно ставя чашку на широкий подлокотник.

- Если вы готовы, - обворожительно улыбнулась Мадам, - это ваш вечер, Денис.

Он кивнул, казалось, самому себе, помолчал ещё минуту, а потом начал.

Глава 15

- Эта история произошла в январе, сразу после Нового Года. Как раз в каникулы, вся страна отдыхает, а у нас, у врачей и у полиции – самый горячий сезон.

Он улыбнулся, в его улыбке одновременно смешались гордость и скромное достоинство.

- Я МЧСник, работаю спасателем уже 5 лет. Чего только не повидал за эти годы, думал, что меня уже ничем не удивить, но тут судьба дала мне щелбана.

Он засмеялся, остальные члены Клуба ответили ему улыбками – все мы получили тот самый волшебный пендаль, поэтому и оказались здесь.

- Я дежурил и 30-го декабря, и 3-го января, - продолжил Денис, - счастлив был, что хоть не 31-го и не 1-го. Но за такое счастье пришлось платить – в Сочельник меня поставили на

дежурство, да ещё не с самой лучшей командой.

- Это имеет значение, понимаете? Особенно в таких профессиях, где приходится жить вместе и доверять друг другу жизнь. Нет, те, кто не вписывается в коллектив, те быстро уходят, в команде таким не место, а мы работаем исключительно командой, от этого не только наши жизни зависят, но и жизни тех, кого мы спасаем. Просто с одними тебе более комфортно, с другими – менее.

Он отпил чай и спокойно продолжил.

- Мне 29, я закончил ВУЗ по специальности лечебная физкультура. Я всегда любил спорт, по мне, думаю, видно, - он засмеялся, - но работа со старушками или мечтающими «бицуху как у Шварценеггера» пацанами в зале меня совсем не привлекала, ну я и пошёл в спасатели, обучение мне оплатило само ведомство. И я пока что считаю, что это было лучшим решением в моей жизни.

- Мне нравится помогать, - он смутился, но продолжил, упрямо подняв глаза. – Верьте или нет, но это так. Я бы делал всё то же самое бесплатно, если бы унаследовал миллион долларов, понимаете? Я и на работе всем помогаю, ну, кто хочет, конечно. Нам же надо каждый год сдавать нормативы, вот я ребят и подтягиваю, по моим схемам тренировок у всех всегда прогресс идёт, и они рады, и мне приятно.

- Иногда даже обращаются те, с кем мы практически не пересекаемся, мне это тоже приятно, значит, наслышаны и видят, что мои тренировки эффективны. Но общаться, мне,

конечно, же приятно с теми, кто со мной на одной волне, у нас таких, слава богу, большинство – все ребята спортивные, все ЗОЖники. И если в смену попадает один какой-нибудь «не наш» тип, это незаметно даже, ну два-три, тоже норм, они сидят себе, мы – себе, ждём вызова. А на вызовах уже не имеет значения, у кого какие интересы, там каждый чётко делает то, что должен.

- В общем, в Сочельник команда у меня подобралась не очень, в их компании я был тем самым «не нашим», парни не очень спортивные, любили и выпить, и покурить. – Она задумался и отпил чай. – И вообще, у нас просто кардинально разные взгляды на всё. Нет, я не хочу сказать, что они плохо работали или были какими-то плохими людьми, как я уже сказал, у нас совсем гнилые не задерживаются, а непрофессионалов никто держать на такой службе не станет – это прежде всего риск для команды. Просто они работали как-то механически, приходили, делал что положено и шли в свою жизнь за стенами нашего штаба. Я не осуждаю сейчас, просто говорю, что мне с ними было не особо интересно. Они не горели тем, что делают, могли отпустить шуточку в адрес того, кого спасают, или вместо положенных тренировок просто травить байки и пить чай в бытовке. А потом просить меня помочь им каким-то чудом быстро набрать форму перед аттестацией, - Денис закатил глаза и усмехнулся.

- А я так работать не хотел никогда, не хотел становиться таким вот выгоревшим мужичком без интереса к тому, что

делаю каждый день. Для меня нет ничего хуже, чем механически выполнять то, что никак не затрагивает ни сердце, ни душу. Может, мне просто повезло, и я нашёл своё призвание, а они просто ходили на работу, чтобы прокормить себя.

Он пожал плечами и продолжил.

- 6-го января я, как обычно, пришёл к 8-ми со своей большой сумкой для суточных дежурств, у меня же план питания, понимаете, многие парни тоже так делают, но тут я уже предвидел смешки и шуточки. Мне-то что, они всё равно ни на что не повлияют, просто атмосфера уже не та. Нас, как всегда, было 10 человек, плюс 2 диспетчера, 2 водителя и старший. За старшего был Василий Анатольевич, классный мужик, всю жизнь спасателем проработал, он координировал работу команд, разбивал нас на звенья, инструктировал ну и так далее. Хоть одно приятное лицо. Я подумал, что пойду к нему, посижу, если он не против, послушаю его истории. Он любил их рассказывать, и ему действительно было, что рассказать! А я любил слушать – для меня это тоже хорошее обучение и опыт, который не раз мне уже пригождался в работе. Ну, там ещё пара ребят были нормальных, а так смена подобралась из неблизких мне по духу людей.

- Плохиши, как я их назову, играли в карты с самого построения, не на деньги, такое запрещалось, играли на желания. Периодически кто-то изображал крик петуха, и все ржали, или кому-то отпускали подзатыльники под такой же гогот. Я от карт отказался, думаю, они не расстроились, вме-

сто этого я заварил себе чай и пошёл на второй этаж к старшему, обычно он был очень даже не против моей компании. Я постучал, из-за двери донеслось: «Да, минуточку!», - по тону я сразу понял, что Василий Анатольевич занят, оказалось, я прав. Когда он через несколько минут крикнул: «Входите», - телефонная трубка была прижата к плечу, лицо было напряжённым. «Что-то случилось? – Спросил он, прижимая трубку от проводного телефона к ключице, - у меня тут начальство...». «В Сочельник?», – не удержался я, а он скривил гримасу и закатил глаза. Я поспешил сообщить ему, что всё хорошо, и вышел. На первом этаже раздался очередной взрыв хохота, почему-то сегодня меня это особенно раздражало, и я решил, что лучшее средство сбросить негатив – потренироваться, пошёл вниз за вещами, а когда шёл мимо общей комнаты, один из них, увидев меня с майкой и шортами в руках, бросил: «Опять качаться? Ты себе одежду скоро по размеру не найдёшь, придётся на заказ шить», - эта «искромётная» шутка вызвала новые смешки, а потом ещё один добавил: «Денька, ты протеин захватил? Поделишься? Может, хоть это взбодрит, а то работать совсем впадлу».

- Новая волна раздражения поднялась во мне, но я решил, что надо как-то изолировать себя от них и этого негатива, мне ещё с ними сутки сидеть, как-никак. «Хочешь взбодриться? – С издёвкой спросил я, - я помогу: 3 суперсета по моей программе, и ты как энерджайзер весь день. Идёшь?». Они заржали, а я поспешил в наш зал. Вот уж где было по-

настоящему хорошо! Я включил музыку в телефоне, переоделся, вставил наушник – только 1, чтобы хорошо слышать всё вокруг – и начал тренировку.

- Странно, что я так детально помню тот день, хотя, это ведь был канун праздника, и потом, бывают дни, которые почему-то так хорошо запоминаются, хотя ничего необычного не происходит. В тот день произошло, но тогда я этого ещё не знал.

- Когда я уже почти закончил, в зал вошёл Стёпа, нормальный парень, сегодня мы были в меньшинстве. Я услышал его, потому что наушник был только один, вот почему я так делаю, не люблю, когда не контролирую обстановку. Увидев меня, он ухмыльнулся и спросил, не мешает ли мне, если просто посидит на лавочке с телефоном. Я понимал, почему он пришёл, я сам был здесь по этой причине. В телефоне он ковырялся недолго, я закончил тренировку, мы немного поболтали и нехотя пошли в общую комнату – после спорта мне хотелось есть.

- «О, время творожка! – Тут же последовали шуточки. – А на свидания как ходишь? Творожок с собой берёшь? А представьте картину: Денька в кафе свой порошок протеиновый сыпет в еду!». Я был готов, отшучивался, отмахивался, быстро поел, и мы со Стёпой поднялись на второй этаж, там были комнаты отдыха, в одной спали двое из «нормального лагеря», так что мы заняли вторую. Я помню, как Стёпа плюхнулся на свободную койку (они там были все свободные, все

4) и сказал: «Двойная лажа, да? Мало того, что в Сочельник пашем, так ещё и команда не ахти». Я согласился, и он добавил то, что мне особенно запало в память: «Ну, значит, в чём-то судьба расщедрится и вознаградит. – Он кивнул с серьёзным видом, - у меня сеструха увлекается всей этой фигнёй, ну там про карму, энергетические практики и всё такое. Так вот, она говорит, что по закону Равновесия, за всё бывает либо награда, либо наказание. Так мир держится и не сползает в хаос, что-то типа этого».

- Я усмехнулся и говорю: «И что, их молния поразит, а нам горшочек золота?», а он так хитро улыбнулся и ответил: «Нет, это не так работает. Энергия никогда не бывает в покое, она всегда преобразуется и двигается. Вот тебя кто-то толкнул на улице или нахамил, это не значит, что его тут же толкнут или обругают, но где-то внутри у него зародилась раковая клетка, или на работе начальник его жёстко отдрючит, или кран в квартире сломается, или жена скандал устроит... ну, ты понял. А если ты кому-то помог, это добро вернётся неожиданной помощью в делах, найдёшь деньги, красивая девушка даст номер, кирпич упадёт после того, как ты пройдёшь по этому месту. Короче, ничего не бывает бесследно».

- Я задумался, в этом был смысл. Но, работая спасателем, мы оба повидали много того, что не укладывалось в такую картину мира, о чём я ему и сказал. Разговор получался интересный, мне нравилось. «Знаешь, - говорю, - хороших людей ведь тоже сбивают машины и убивают грабители. Как

так? Как все эти учения это объясняют?»

Я невольно улыбнулся, этот разговор до мелочей напоминал наши с Юрой ночные споры о вечном. Оказывается, это болезнь всех, кого работа вынуждает видеть жизнь и смерть – невольно начинаешь искать ответы и пытаться понять, что управляет этими фундаментальными явлениями. Ну, если, конечно, есть, чем понимать. Как говорил наш профессор в институте: каждый живёт той сферой интересов, какую может обеспечить его интеллектуальный потенциал.

- Стёпа ничуть не потерялся от моего вопроса, - продолжил Денис, - он сказал, что мы не управляем своей жизнью, вернее, не всей. Есть события, которых мы не в силах избежать, они даны для чего-то, для развития или для какого-то замысла того, кто сотворил всё это. «Даже самые святые люди умирают, – сказал он, - но в промежутках между неизбежными событиями мы сами наполняем свою жизнь позитивом или негативом. Так, вроде бы, говорят все эти учения».

- Тут мне возразить было нечего, - засмеялся Денис.

- Мы ещё поболтали о всяком, потом пошла обычая рутина: помыли машины, проверили инвентарь, пообедали, разделившись на 2 лагеря, - улыбнулся Денис, - нас 4, плюс 2 водителя и 6 человек «картёжников», Василий Анатольевич устроил нам разгон за бардак в общей комнате и в кухне, так что мы все неохотно начали убираться, под ворчание и нудню, что в Сочельник делать нечего, кроме как драить кухню... И тут пронзительно зазвенел звонок тревоги.

Денис покачал головой и ухмыльнулся.

- Это ужасный звук, на самом деле, просто ужасный. Пронзительный, громкий, он как будто проникает в каждую клеточку, даже ушам больно. У нас такие звонки на каждом этаже и в гараже, так что, когда все они начинают звонить по тревоге, кажется, что сойдёшь с ума.

- Мы все ломанулись в диспетчерскую, интересно было, что там стряслось в праздник. У нас везде висят большие часы, и я точно запомнил время: 14.20. Лена, одна из двух дежуривших с нами девушек, как раз заканчивала разговор: «...оставайтесь на месте и разговаривайте с ним, ничего не трогайте! Команда уже выезжает». Мы все разом забыли свои разногласия, переглянулись, в глазах у всех горел знакомый огонёк. Кирилл, старший по званию среди нашего отряда сегодня, спросил, что случилось, едва она успела нажать «отбой».

- «Мужчина провалился в коллектор, пожилой, вероятно, получил серьёзные травмы. Прохожие слышат его стоны, он в сознании, но двигаться не может». Она назвала адрес, Кирилл тут же принял решение: едут 3-ое человек, я попал в эту тройку и 2 «картёжников». Командовать назначали Гену, не лучшее решение, но он был старше.

- Мы побежали к машинам, на ходу застёгивая куртки, водитель уже завёл мотор, Василий Анатольевич с лестницы спросил, что случилось. Я успел услышать, как Кирилл отвечает и докладывает, кого он отправил на вызов. «С богом!»,

- крикнул нам вслед Василий Анатольевич, а потом мы выскочили в гараж и загрузились в нашу дежурную «Газель».

- С самого начала всё было как-то странно, - задумчиво продолжил Денис, - нет, люди, конечно, что только ни вытворяют, если я начну рассказывать самые нелепые и дикие случаи – нам не хватит вечера. А тут просто как-то непонятно всё было. Нам сказали, что это случилось на улице Широкой за рестораном Борнео. Если там кто бывал, вы знаете, что ресторан стоит у железной дороги, там застройка в ряд, сплошь рестораны, банки и торговые центры, все они задними стенами выходят к железной дороге. По правилам, рельсы от линии застройки отделяет овраг, там всё давно заросло, мы оттуда не раз вытаскивали торчков, там много люков, но ещё ни разу никто в эти люки не проваливался, потому что часть из них так давно не открывалась, что заросла травой, а часть похожа на бетонные колодцы, они над землёй где-то на полметра и сверху закрыты тяжеленными бетонными плитами.

- Понимаете, человек мог провалиться туда, только если целенаправленно полез, сдвинул неподъёмную плиту или откопал крышку люка из земли. Я предполагал, что его могли туда сбросить, но это бы заняло время и всё равно привлекло бы внимание – там очень оживлённый район, и люди переходят через железную дорогу по множеству переходов. Его ведь услышали и вызвали помощь.

- Ну да, его могли скинуть туда ночью, - закивал Денис,

рассуждая, - а утром он пришёл в себя и позвал на помощь, это возможно. Но тогда почему не где-нибудь в более глухом месте? Даже в нашем районе таких местечек полно, могу это утверждать, потому что сам вытаскивал людей из подобных глухих закоулков и заброшенных зданий.

Он пожал плечами и продолжил.

- В общем, мы подъехали к промежутку между рестораном и соседним банком, там широкая дорога, ведущая к переходу через пути. Мне сразу бросились в глаза зеваки, они как тараканы, простите, конечно, но от них тоже никак не избавиться, только питаются они чужим несчастьем. Обычно по количеству этих человекообразных можно определить степень серьёзности происшествия. Какой-нибудь котёнок, провалившийся в ливнёвку, собирает от силы человека 3, а вот кровь, трупы или пожар привлекает целые полчища этих отвратительных насекомых.

Лицо парня непроизвольно приобрело безгливое выражение. Я очень хорошо его понимал, мы оба работали в экстремальных ситуациях, поэтому видели людей без налёта приличий и цивилизованности, который оставляет благополучная жизнь, в критический момент маски всегда и со всех слетают, остаётся дикая животная природа и чистая, честная сущность каждой человеческой души.

- На дороге и на мостике, перекинутом через овраг и железную дорогу, стояло человек 10, конечно, почти все с телефонами – мало просто поглазеть, надо ещё это всё заснять,

а потом выложить на корм таким же двуногим тараканам. Водитель не стал выключать сирены и ещё громко посигнализировал, у нас спец сигналы, и мне всегда приятно наблюдать, как зеваки вздрагивают и расступаются от этого звука. Не поймите меня неправильно, я очень уважаю и всегда благодарю неравнодушных людей, которые, видя живое существо в беде, не проходят мимо, а останавливаются и помогают или вызывают помощь – я всегда искренне выражаю им своё уважение. Но вот обычных зевак я не переносю, уж извините. Это падальщики, и от них этой гнилью несёт.

На лице Дениса проступило упрямство и жёсткость, мне он нравился, пока что всё, что он говорил, вызывало у меня согласие.

- Все как по команде повернулись к нам и стали снимать машину, Гена выругался, и это тот случай, когда его мат ни капли не раздражал. «Надо разогнать это стадо, - сказал Антон, третий член команды, - хотя бы на мост отогнать». Все мы прекрасно знали, что никуда они не уйдут, максимум, отойдут на пару метров, чтобы потом опять потихоньку подходить всё ближе и жрать глазами свою тараканью пищу. Самые наглые ещё качали права и заявляли, что имеют право вести съёмку. Часто вместе с нами приезжала и полиция, вот они умели обращаться с этими падальщиками, - Денис ухмыльнулся, - одного вида иногда было достаточно, чтобы они послушно отходили на свои положенные пару метров, полностью убрать зевак с места происшествия не могла ни

одна сила во Вселенной.

Среди гостей послышались смешки, а Денис продолжил.

- Водитель подогнал машину максимально близко к оврагу, часть зевак переместилась на мост, занимая лучшие места перед предстоящим шоу. Мы вышли, я нёс большой фонарь и складную лестницу, парни – складные носилки, медицинскую сумку и ящик с инструментами. Все камеры телефонов тут же сместились на нас, как будто мы были звёздами перед толпой папарацци. Водитель тоже вышел, попытался оттеснить зевак, это было уже сотни раз, и все мы знали, чем закончится, но это тоже было частью ритуала. Конечно же, никто даже с места не сдвинулся, зато нам навстречу из толпы вышла девочка-подросток с ярко-розовыми волосами и пирсингом в брови и с гордостью сообщила (не переставая снимать всё на телефон): «Это я позвонила 112. Услышала, как кто-то стонет, пошла на звук и увидела открытый люк».

- Я сразу отметил, что хотя бы не надо ломать голову, кто и как отодвинул бетонную плиту, люк был в земле. Ну и высота, конечно, у таких шахт ниже, чем у «колодцев». Я, не останавливаясь, кивнул ей и со всей серьёзностью сказал: «Молодец! Возможно, ты спасла человеку жизнь. Это очень сильный поступок». Она сняла всё это, почти ткнув телефоном мне в лицо, расплылась в улыбке и без всякого стеснения громко сообщила уже нам вслед, а заодно и всем собравшимся: «Мы там курили, и вдруг я слышу...». Да, мне тоже было любопытно, что девочка лет 15 делала в овраге за рестора-

ном, ещё и в такой холод.

- Так как листвы не было, мы сразу увидели место происхождения, впереди, в самом центре оврага возле темной дыры стояла женщина, она наклонилась над люком и что-то говорила. Снега не было, но воздух был сырой и очень холодный, а всё вокруг пропиталось влагой. С моста, должно быть, отличный вид на предстоящее шоу, подумал я, испытывая знакомое раздражение. Мы ещё не дошли до места, а женщина выпрямилась и громко заговорила: «Скорее! Он там, внизу! Кажется, у него сломан позвоночник».

- Я не люблю, когда неспециалисты начинают ставить диагнозы и раздавать советы, вот поверьте, это просто бесит. Иногда из-за таких вот умников положение пострадавшего ухудшается, а расхлёбывать всё это нам. Женщина была худая и какая-то нескладная, в больших очках и длинном пальто на пару размеров больше. Но, едва я взглянул в ее лицо, раздражение начало улетучиваться – глаза за огромными оправами были добрыми и спокойными, на лице не было ни тени заносчивости или упрямства, как бывает у всех этих «диванных экспертов», она как-то робко куталась в мешковатое пальто, ледяной ветер растрепал такие же невыразительные волосы, завязанные в гульку на макушке. Из-за худобы и очков я не мог точно сказать, сколько ей лет, ну, явно больше 40.

- «Вы родственница? Знакомы с пострадавшим?», – спросил Гена, мы уже почти подошли к люку. Она покачала голо-

вой: «Нет, я шла на работу, я библиотекарь, здесь рядом 3-я библиотека... Ко мне подбежала девочка с розовыми волосами, сказала, что кто-то упал в люк и стонет, сказала, что уже вызвала МЧС. Оператор ей сказал разговаривать с пострадавшим, а она испугалась, не знала, о чём разговаривать... ну, вот я и подошла».

- Гена кивнул и попросил ее отойти, но не уходить, нам надо было узнать о его состоянии до нашего приезда. Мы подошли к краю и заглянули вниз, все трое. Это всегда самое волнительное – когда ещё точно не знаешь, что тебя ждёт, с чем предстоит иметь дело.

Денис глубоко вздохнул и отпил чай.

- Крышка люка – огромная прямоугольная металлическая пластина, это, видимо, был какой-то узел коллектора - всё ещё с кусочками земли и сухой травы на ней, лежала в стороне, примерно в полуметре от люка. Перед нами была длинная шахта, больше 2 метров, и широкая, примерно 2.5 метра в диаметре, на дне шумно текла вода... и лежал человек. Я всегда оцениваю всю обстановку, нас так учили, видеть надо всю картину до мелочей, а не только пострадавшего. Поэтому я сразу заметил железную лесенку, идущую от самого верха до самого низа, она была покрыта ржавчиной, но крепкая на вид. Внизу несколько труб канализации, видимо, от ресторана, выходили в шахту, вода из них сливалась в большую трубу городской канализации, проходящую по дну. Труба была открытой и выглядела как река между двух бе-

тонных берегов, на одном из них, возле лестницы, и лежал пострадавший. Гена тут же крикнул водителю, чтобы пошёл в ресторан и сказал, чтобы, по возможности, они не пользовались пока водой – всё это... ну, вы поняли, канализация, текла бы нам на головы и на пострадавшего.

- Осмотрев обстановку, я переключил внимание на объект, всё это произошло за пару секунд, не думайте, что мы там стояли 10 минут и лупились по сторонам, все эти процессы в голове спасателя происходят за мгновения, это только рассказывать долго.

- Мужчина лежал на спине, это был седой толстячок небольшого роста с аккуратной бородкой, я сразу заметил, что крови вокруг не было – уже хорошо. На нем была темно-красная куртка, синяя шапка съехала набок, а вот брюки были порваны, одна штанина вообще разорвалась, и нам было видно его бельё... именно оно стало причиной всех последующих событий, я думаю.

- Я включил фонарь, они у нас очень мощные, так что вся шахта залилась светом, поэтому мы так детально увидели всё, включая расцветку его белья. Шуточки начались не сразу, конечно, все мы были профессионалами прежде всего, и только потом – личностями, на работе это так. Гена окликнул его, сказал, что мы спасатели, спросил, как он себя чувствует, что болит. Мы внимательно вслушивались в его ответы, в его речь - это всё тоже маркеры состояния пострадавшего. Я сразу отметил с некоторым облегчением, что он

в полном сознании, речь не спутанная и не замедленная, но и не паническая.

- «Поясница сильно болит, - голос у мужичка был такой забавный, хрипловатый и какой-то мультяшный... Это я потом улыбался, а тогда, конечно, просто считывал нужную мне информацию. – И левая нога онемела. Но я не ударился головой, вот счастье, так что я в здравом уме, если что. Только замёрз ужасно».

- «Сейчас мы вас вытащим, - крикнул я ему, – теперь всё будет хорошо!». Он пробормотал что-то вроде: «Да уж, лучше некуда», что тоже обнадеживало, он не был в шоке, и я позволили себе надеяться, что травмы он получил несерьёзные, да, больно, может, он даже полежит в больнице недельку, но в итоге всё будет хорошо, как я и сказал.

- По взглядам моих коллег я понял, что они тоже испытали некоторое облегчение, случай не выглядел как серьёзный или критический, но это не значило, что нам позволено расслабляться. Гена меня опередил, повернулся к женщине в больших очках и спросил, не терял ли сознание пострадавший. Она решительно покачала головой и добавила, что он всё время вёл себя спокойно и даже шутил.

- «Как долго вы там находитесь? – Крикнул я, разматывая бретельки на носилках, они у нас специальные, чтобы можно было надеть на себя, как рюкзак, и спускаться. – Хотя бы примерно: с ночи, с рассвета, с утра?». Я показал парням, что полезу в люк сам, никто не возражал, Антон начал готовить

крепления, чтобы вытащить пострадавшего, когда я помещу его на носилки, а Гена взял фонарь и приготовился светить мне.

- «Целую вечность! – Прокряхтел мужчина, - примерно с 12-ти... утро это или день – решайте сами». Я крикнул, что иду к нему, попробовал металлическую лестницу, идущую вниз от каря люка, она была крепкой, я закрепил носилки на спине и начал спускаться. Внизу было сыро, но теплее, чем на поверхности, я осторожно поставил ногу рядом с лежащим мужчиной и огляделся. И был крайне удивлён – помимо канализационных труб от ресторана, напротив лестницы была огромная труба, уходящая куда-то под железную дорогу. Диаметр был такой, что туда спокойно можно было войти, нагнувшись. С поверхности ее не было видно, из неё ничего не текло, она была на другом «берегу», между этой огромной трубой и лестницей пролежала городская канализационная труба, в ней текла вода, как в подземной речке. Я поморщился от запаха сырости и какой-то гнили, ещё раз бросил взгляд на чёрный тоннель трубы напротив меня, просто не мог не смотреть туда. «Что, жуткое место, да? – проговорил мужчина, я вздрогнул и покраснел, почувствовал, как краска заливает лицо, я должен был глазеть не на трубу, а на него. – Как в фильмах ужасов. А я тут валяюсь, беспомощный... хорошо хоть, та дамочка осталась. И девочка не сдрейфила, вот счастье, позвонила вам». Я быстро снял носилки и прислонил к стене колодца, на этот раз внимательно разгляды-

вая пострадавшего, Гена светил прямо на него, и я увидел эти забавные трусы...

Денис смутился, опустил голову и усмехнулся.

- Они и правда были забавные. Длинные, почти до колена, широкие, такие сейчас, наверное, никто уже почти и не носит. А рисунок, да, вот это было самое сильное – на белом фоне были изображены разноцветные гномы и горшочки с золотом. Я бы улыбнулся, не будь я так занят его осмотром. А вот мои партнёры наверху, очевидно, не были так заняты: «Зацени трусея!», – услышал я голос Антона, он говорил тихо, явно уверенный, что внизу его не слышно. А меня как будто окатили ледяной водой – вот стыдобище! Я невольно метнул взгляд на пострадавшего, наши глаза встретились, и я понял, что он тоже прекрасно всё слышит.

- Послышались смешки, здесь, внизу, они как будто царапали, как как лапки летучих мышей в темноте, такая у меня была аналогия, сам не знаю, почему. Стараясь как-то заткнуть им рот или хотя бы сделать так, чтобы он их не слышал, я громко объявил, что начинаю осмотр, возможно, мне понадобится помощь, чтобы погрузить пострадавшего на носилки. Гена так же громко ответил, что они меня слышали. Я склонился над мужчиной, молясь про себя, чтобы они там, наверху, не открывали рты, начал расспрашивать его и осторожно ощупывать, проверил, нет ли сотрясения, его не было. Он действительно сильно замёрз и повредил при падении позвоночник в области таза – левую ногу он не чув-

ствовал, она только слегка покалывала, как будто он ее просто отлежал, так он сказал. Я проверил пульс, ощупал его всего, похоже, мужичок легко отделался, повезло, если так можно было сказать в его случае. Я хотел спросить его, что случилось, как он вообще оказался здесь, но тут сверху снов послышался шёпот: «Надо мне тоже такие прикупить, Алёне понравится, - на этот раз острил Гена, - снимаешь штаны и такой: хотела сказку - вот тебе Белоснежна и семь гномов». Мы оба отчётливо слышали каждое слово и последовавший за этим смех. Я дёрнул головой, как будто меня кто-то ударил, не знал, как поступить: крикнуть им, что тут всё слышно? Или делать вид, что ничего не происходит? Дурацкая ситуация! И я снова разозлился, что сегодня мне выпало дежурить с такими придурками.

- И за всем этим спокойными глазами наблюдал пострадавший, от этого мне стало ещё больше стыдно – от его чуть насмешливого взгляда, в нём было понимание, что он имеет дело с дураками, ничего не поделаешь, мир на три четверти состоит из них.

- Эй! – Крикнул я, просто не знал, что ещё сделать, - тут огромная труба уходит под рельсы!

- Тебе в другую сторону! – Крикнул Антон, и они оба снова заржали.

- Готовьтесь принимать! – Я решил покончить с этим как можно быстрее, мужчина замёрз, а мне было до того стыдно, что лицо горело огнём. – Начинаю перемещать пострада-

давшего на носилки!

- Я ещё раз бросил взгляд в чёрный зев трубы, просто не мог этого не сделать, мужичок проследил за моим взглядом и слегка нахмурился: «Ничего интересного там нет, - проворчал он, - а я здесь, и я замёрз. Вот счастье, что меня туда ничто не унесло и не затащило. Полезли бы туда за мной?». Я прикинул, как мне поставить носилки – места тут было слишком мало, итак для колодца огромное пространство, и мне пришлось бы надевать на него хомут и тянуть его так... если бы не та труба. Я мог перекинуть носилки через текущую «речку» канализации, как мостик, и поставить в ту широкую трубу. «Полез бы куда угодно, - уверенно ответил я, начиная устанавливать носилки – и лазил не раз, работа такая. А теперь соберитесь, я попытаюсь переместить вас на эти носилки, чтобы вытащить отсюда как можно скорее. Будет больно, зато выберетесь и всё это будет позади». Мужичок как-то удовлетворённо кивнул и вдруг сказал: «Там штырь на лестнице, я за него и зацепился. Осторожно, а то будем оба пострадавшими». Я оторвался от носилок и стал разглядывать лестницу, сначала ничего не увидел, но да, он был там, сантиметров 20. Не знаю, почему он был на лестнице и для чего, но он был, на правой стойке, торчащий вверх под углом примерно 45 градусов.

- «Ого! – Присвистнул я, ощупывая руками холодный металл, - вам повезло, что он вам ничего не пропорол!» «Мне *не* повезло, что я вообще оказался в таком положении», -

усмехнулся мужичок, а сверху (да-да, опять) до нас донеслось: «Прикинь, он бы повис на этом крючке на своих труселях, вот это была бы картина!», - Антон захихикал, Гена присоединился к нему и тихонько добавил: «А не*уй шастать! За каким чёртом они вечно лезут в люки, трубы, на чердаки и в аварийные здания? Вот скажи, как можно не видеть, что люк открыт? Да начнём с того, что какого хрена вообще делать в овраге за зданиями??».

- Я закрыл глаза, ощущая, как стыд вытесняется гневом, да-да, самым настоящим пылающим гневом. Они позорили не только себя, они позорили нашу профессию. И меня тоже, поскольку я был частью этой профессии и конкретно этой команды. Я твёрдо решил, что выскажу им всё, когда мы отвезём этого бедолагу в больницу, выяснять отношения при посторонних – такой же позор.

- А пока злость заставила меня ускориться, я установил носилки и подошёл к пострадавшему, он как-то криво ухмылялся, и в его ухмылке явно прочитывалось презрение, что тоже не добавляло мне настроения, ясное дело. «Так, давайте попробуем медленно пошевелить руками и ногами, - сказал я, - хочу понять, как лучше перемещать вас». Он довольно бодро пошевелил руками и одной ногой, вторая, левая, едва подёргивалась. Плохо, но не ужасно, как я и надеялся. «Ладно, - я выдохну и кивнул, - я дотащу вас до носилок, а там вам придётся немного поработать, ничего не делайте без моей команды, договорились?». Он кивнул и как-то на-

прягся, я решил, что это от страха, что будет больно, или что травмы могут усугубиться – я-то не собирался его дёргать или позволять ему опираться на позвоночник, но он был ранен, замёрз, и над ним смеялись те, кто должен был его подбадривать и спасать, так что он имел все основания беспокоиться и не доверять нам.

- Я обошёл его (для этого мне пришлось перешагнуть на другой «берег», и я оказался рядом с той трубой, из неё веяло холодом и сыростью), его ноги почти доставали до изголовья носилок, осталось чуть-чуть подвинуть его и закрепить, а потом можно и вытаскивать.

- В общем, я, раскорячившись между двумя бетонными «берегами», подсунул под него руки и скомандовал, чтобы он держался за меня. Я парень сильный, а этот толстячок был небольшого роста, и потом, каждый спец знает: жир легче мышц, так что я без труда приподнял его и начал сдвигать на носилки. Мужичок поморщился, скривил гримасу боли, но не застонал – тоже хорошо. Левая нога была как ватная, зато правой он пытался мне помогать. И вот когда я сдвинул его с места, под этим ярким светом сверху стало очевидным, что эти замечательные трусы, вызвавшие столько эмоций у моих коллег, тоже порваны.

Денис ухмыльнулся и кивнул:

- Правая штанина брюк и правая сторона белья были разорваны, видимо, этой стороной он зацепился за штырь. Я был с левой стороны, поэтому видел только, как белье начало

расползаться, а вот те двое наверху заржали, как будто впервые в жизни увидели голый зад. Гномики на трусах сморщились, как будто скривили свои мультяшные лица, разорванная штанина брюк потянула за собой белье, я понял, что наверх ему придётся выбираться голым по пояс, если я не приму меры, потому что от брюк осталась одна штанина, держащаяся на ремне.

- «Санта с голым задом! – Тихонько сквозь смех сообщил Антон, Гена ответил таким же сдавленным смешком. – Рождественское чудо, не иначе!». А Гена добавил: «Может, он там подарки ныкал, сегодня же ночью он, вроде, должен их развозить». Они ржали, точно как дети в школе, уверенные, что учитель ничего не видит и не слышит, хотя это не так, в этом я убедился, когда меня в 10-ом классе послали замещать учительницу у первоклашек. Тогда было какое-то совещание или что-то срочное, уже не помню, и самых успевающих отправили на один урок в классы к малышне, просто присмотреть за ними. Так вот, я поразился, насколько хороший обзор с учительского места, и какая прекрасная слышимость. С тех пор я на уроках не шептался и не рисовал чертей в тетрадях с подписями «трудовик» или «математичка».

Денис засмеялся, мы все улыбнулись, вспоминая свои школьные проделки и святую веру в собственную неуязвимость и неуловимость.

- Пострадавший напрягся и поморщился, не от боли, это было совсем другое, - продолжил он, враз став серьёзным,

- другая мимика и взгляд. Я не выдержал, дотащил его до носилок и, не расположив ещё толком, снял с себя куртку и накрыл его. «Извините», - тихо прошептал я, каменея от злости, он моргнул мне в знак благодарности или понимания и вцепился в мою форменную куртку, пока я устраивал его на носилках и закреплял его ремнями, чтобы вытащить наверх. Мой жест отрезвил этих придурков, они резко замолкли, дальше мы работали уже в тишине. Я сообщил, что пострадавший готов к эвакуации, Гена спустил мне два троса с карабинами, я закрепил их на головной части носилок и подал знак, помогая плавно прислонить их к лестнице. Когда они начали поднимать носилки, я подталкивал снизу, так мы быстро вытащили его на свет божий. И там я увидел, что их лица ничуть не выдавали сожаления или стыда – они едва сдерживали смех.

- Зеваки зааплодировали и загалдели, не скажу, что это было неприятно, эта та плата, которую они могут дать за их бестактное любопытство. «Слава богу! – Прижала руки к груди библиотечкаша в очках, наблюдающая за нашей работой с расстояния, на которое ее отогнал Гена. – Какие вы молодцы!». Я задался вопросом: слышала ли она, какие реплики отпускали эти «молодцы»? Мне так хотелось надеяться, что нет.

Он покачал головой и опустил глаза.

- Когда мы отнесли его в машину, я сел с ним, Гена сел рядом с водителем, а Антон на сиденье за ними, меня это радо-

вало, я был слишком зол и просто не мог находиться рядом с этими двумя клоунами. «Мы отвезём вас в больницу, - сообщил Антон, веселье никуда не делось с его лица, благо, сейчас пострадавший не мог этого видеть. – А там тоже спросят: что случилось? Как вы там оказались?». Я и сам очень хотел это знать, хотя предвидел ответ: случайно упал. Все они так говорят, и даже когда приходится вытаскивать, уж простите, член какого-нибудь идиота из дверной ручки или горлышка бутылки, они невозмутимо отвечают: случайно засунул.

Среди гостей послышались смешки.

- Вот правда, – улыбнулся Денис, - что тут необычного? Все каждый день суют свои половые органы в дверные ручки, да? В общем, я не надеялся услышать правду, но мне всё равно было любопытно, что он скажет. Случайно упал? Ну, в такую здоровенную дыру трудно случайно упасть, потому что ее сложно не заметить. И самый главный вопрос: а что этот пожилой джентльмен вообще делал в канаве за рестораном?

- Я всматривался в его лицо, в салоне горел свет - окна были только впереди – так что я мог хорошенько рассмотреть его выражение. И чем больше я на него смотрел, тем больше он мне казался похожим на одного из мультяшных гномиков на его трусах. Смешно, я знаю, мне это тоже показалось забавным, но вот улыбка так и не появилась на моем лице – слишком много во мне было раздражения и недовольства.

- Вы не поверите, - закатил глаза Денис с улыбкой, - он

поморгал, как будто собираясь с мыслями, и ответил: «Случайно упал»!

В зале снова слышались смешки.

- Тут я не выдержал и спросил, а что он вообще там делал?? Мне повезло получить более развёрнутый ответ, но совсем не более правдивый: «Я гулял. Я люблю кормить птиц, а там тихо, там птицы собираются. Ну вот, я решил побросать им крошки, понаблюдать за ними. Увлёкся и упал в эту дыру, открытую каким-то ослом». Сейчас он ещё заявит, что подаст в суд на город, подумал я про себя с усмешкой, я не поверил ни одному слову, если честно. За всё время, что мы провели в том овраге, я не заметил никаких птиц вообще, даже вездесущие воробьи, и те не сидели нигде. Да и всё равно, я не мог нарисовать в голове картину, при которой можно кормить птиц и упасть в такую широкую шахту. Что-то этот товарищ не договаривал.

Денис закивал с загадочным видом, давая понять, что там на самом деле скрыта какая-то тайна. А я поймал себя на мысли, что никогда за всю мою жизнь я не проводил время интереснее и ярче, чем в этом Клубе. Да и что может быть ярче *этого*??

- Но мы не работали в полиции, а этот человек не совершил никакого преступления, так что мы не могли его допрашивать. Пришлось нам удовлетвориться его ответом, хотя, думаю, все понимали, что это вранье. Ну, или не вся правда.

- «При падении с такой высоты, - не унимался Антон, - вы

чудом избежали серьёзных травм. И даже не распорол себе живот или ещё чего об этот штырь», - и на его лице опять проступила та противная улыбочка. На лице пострадавшего не отразилось ровным счётом ничего, оно оставалось таким же мультяшно-невозмутимым. «Да, и в самом деле, повезло», - согласился он, сложив руки на пухлом животике, скрытом под моей курткой, а сверху ещё и специальным одеялом. Антон понял, что ничего больше не добьётся, и замолк, к моей большой радости.

- Всю дорогу до больницы, а мы везли его в первую городскую нашего района, мужичок больше не проронил ни слова. Мы тоже молчали, только Гена иногда переговаривался с водителем о движении и встречных машинах. На меня он тоже не смотрел, задумчивым взглядом уставился куда-то в потолок нашей «Газели». Ничего интересного не произошло, мы довезли его, сдали в приёмное отделение, я описал его состояние на момент эвакуации, мы подписали все бланки, Гена и Антон быстро удалились, а я задержался ровно на секунду чтобы пожелать ему выздоровления, я чувствовал себя обязанным как-то загладить то ужасное поведение моих коллег. Мне было важно, чтобы он не думал, что мы все такие, понимаете? Тем более, у нас больше нормальных парней, которые никогда себе такого не позволяют.

- На обратном пути я не стал сдерживаться и высказал им всё, что думаю об их выходке, я сказал, что там было слышно каждое слово, и это - позор. Антон смутился, было видно,

что ему неловко, а вот Гена, хоть и покраснел, равнодушно заявил, что ему пофиг, они с этим мужиком больше не пересекутся, а жалобу тот явно не накатает, и вообще, он не обязан их в зад целовать, его работа - вытащить его из люка и доставить в больницу. Вот так, представляете?!

Лицо парня исказилось от злости. Я видел, что его совершенно искренне это возмутило и зацепило. В равнодушном мире мегаполисов он был такой редкостью, что я невольно отнёс его в категорию прекрасных городских чудес, вроде цветка на помойке или прохожего, догнавшего тебя, чтобы сообщить, что ты выронил кошелёк.

- Это ещё больше испортило мне настроение и оттолкнуло меня от них. До части мы ехали в напряжённой тишине, заполнили бумаги, я коротко рассказал Василию Анатольевичу о происшествии, умолчав об их поведении и нашем маленьком конфликте – я не стукач и сам не люблю стукачей. Что любопытно, старший тоже подметил, что мужичок что-то не договаривает: «Там была большая труба, говоришь? – задумчиво спросил он, отпивая чай, мы сидели в его кабинете, я тоже с кружкой, счастливый, что мне можно хоть какое-то время побыть здесь, а не в компании этих придурков, - и тот люк так просто не сдвинешь. Может, туда торчки лезили, в ту трубу? А этот любопытный старичок решил поиграть в искателя приключений и сорвался с лестницы?». Логично, но почему-то эта версия не отзывалась моей душе. «Или сам подрабатывал закладчиком каким-нибудь, - усмех-

нулся Василий Анатольевич, - хотя, прятать дурь так близко к ресторану как-то глупо, да ещё в таком труднодоступном месте... не знаю».

- Остаток дежурства прошёл спокойно, я больше на вызовы не ездил, зато у меня была куча времени подумать над последними событиями. Я никак не мог понять, что такому пожилому мужичку делать в этом колодце? Он был чистенький, никакой не бездомный и не алкаш, в своём уме, насколько я мог судить по тому ограниченному общению, которое у нас было. И он явно уклонялся от ответа, он не хотел говорить, как оказался там, и это, сами понимаете, ещё больше разжигало любопытство.

- Ночью я уснул в одной из наших комнат отдыха, на соседней койке похрапывал Стёпа, а на последней койке возле стены огромной кучей в темноте казался водитель, Кирилл, хороший мужик, здоровый, как медведь, но совершенно безобидный. Я и не думал, что усну, просто хотелось полежать в темноте и, хотя бы, относительной тишине. Но под однообразное храпение Стёпы и я сам как-то незаметно провалился в сон... и мне приснился гном. Да, самый настоящий, из мультиков или из фильмов вроде «Властелина Колец». В моём сне он с большой киркой вылезал из той трубы и нёс в руках горшочек с золотом. Он не сказал ни слова, просто протянул мне этот горшочек и кивнул, положив на землю свою устрашающую кирку. Золото так блестело, но я замер в страхе, лихорадочно вспоминая сказки и легенды – можно

ли брать у гномом или у кого-то ещё дары, или это к беде?

Денис покачал головой и усмехнулся:

- Странно, как даже во сне иногда всплывают самые неожиданные и странные мысли. Там же, во сне, я вдруг вспомнил слова моей знакомой из экстренной службы, она там работала психологом на телефоне горячей линии. Однажды я пожаловался, что девушка отказалась принять мой подарок, мотивируя тем, что он слишком дорогой, и она не может его взять. Меня это очень обидело, потому что я долго копил на эту вещь и подарил от души, потому что мне было приятно, мне так хотелось, понимаете? Так вот, моя знакомая сказала, что, отказываясь брать подарки, мы оскорбляем тех, кто эти подарки дарит. Потому что, во-первых, мы демонстративно идём против желания человека (а его желание сделать нам подарок), во-вторых, потому что открыто сомневаемся в его искренности, а в-третьих, потому что плюём на его добрый порыв. Я это запомнил, потому что именно это я и чувствовал. К слову, ту девушку я так и не простил, мы расстались, просто не смог уже относиться к ней так же.

- Я всё это рассказал, чтобы было понятно, что за мысль и почему возникла в том странном сне. Там я вдруг вспомнил ту девушку и тот разговор с моей знакомой и подумал: а вдруг гном обидится, если я не возьму подарок, и отомстит? Он меня пугал, потому что это было существо не из нашего мира, понимаете? И вообще, у него была кирка, и кто вообще знает, что ожидать от гномов?

Денис засмеялся, гости откликнулись тихими смешками.

- Пока я раздумывал, сон закончился, я открыл глаза в темноте, но уже утренней, часы на телефоне показывали 6:10. Я так обычно и встаю, и этим утром мотивации подниматься с кровати было больше, чем вчера – моя смена закончилась, и наступило Рождество. Я выпорхнул из части в 8 утра, меня ждали подарки, семейный ужин, посиделки с друзьями... я забыл про неприятное дежурство, как забывал множество раз.

- А вот оно про меня не забыло. – Загадочно улыбнулся Денис.

Он немного помолчал, задумчиво глядя в огонь фиолетового цвета, поджал губы, думая о чём-то своём.

- И вот теперь начинается самая волшебная часть моей истории, то, что я не рассказывал никому больше... да и вряд ли расскажу. Слишком это... необъяснимо, наверное. Никто мне не поверит, потому что такое не случается обычно ни с кем. Да и нет у меня желания болтать об этом направо и налево. Здесь все такие, как я, поэтому...

Он пожал плечами и как-то робко улыбнулся.

- Поэтому я могу не опасаться насмешек или неверия.

Он глубоко вдохнул и продолжил.

- Жизнь потекла в обычном ритме: работа, спорт, друзья, личная жизнь... А однажды, недели через 2, примерно, после Рождества, я вышел с работы после дневной смены, и... и это случилось.

- Зимой темнеет рано, были уже сумерки, хотя ещё не было и половины 5-го. Шёл снег, мелкий и такой частый, похожий на крупу, было холодно, я помню, как завязал шарф чуть ли не до глаз... тем более странно для меня было, что он меня узнал.

- Я шёл на маршрутку, машины у меня нет, да и не особо хочется - в большом городе это, как мне кажется, больше проблема, чем польза. Я повернул направо от нашей части, там есть небольшой сквер... не сквер даже, а просто зелёная зона, ее сажали многие поколения спасателей, иногда мы там пьём чай, или кто-то курит, это рядом совсем. Там у нас акации, берёзы и несколько ёлок. Ёлки ещё молодые, густые, пушистые, и посажены кучкой, специально, я думаю, чтобы отгородить зону от тротуара – наше здание угловое, и эта зелёная зона как раз захватывает угол Чапаева и Ломоносова.

Денис загадочно улыбнулся.

- Так вот, иду я мимо, снег бьёт в глаза, шапка натянута, куртка у меня такая объёмная, специально для долгих прогулок, в общем, от меня ничего и не видно, кроме щёлочек глаз. И вдруг, когда я поравнялся с ёлками, оттуда громко и отчётливо раздался голос: «Молодой человек! Можно вас на минуту?». Я остановился и повернул голову на голос. В свете зажигающихся фонарей я увидел невысокого человека в яркой шапке красного цвета и длинном пальто, шарф у него был тоже повязан до носа. Он стоял в нашей зелёной зоне посреди ёлок и придерживал ветки одной рукой в варежке,

не в перчатке, мне это бросилось в глаза, а в варежке. Что он там делает? Это была наша территория, там даже подростки никогда не тусовались, потому что все знали – это зона отдыха спасателей из части. А он что там делал? И зачем позвал меня?

- Увидев, что я остановился, он приглашающе махнул второй рукой, тоже в варежке, и кивнул. Станный тип, подумал я, но тут был самый центр, вряд ли это какой-то псих, да ещё и наша часть – вот она, несколько метров от входа. Я наклонился вперёд, чтобы получше рассмотреть его, и куда он меня зовёт, но не сдвинулся с места. «Смелее, - в голосе явно слышалось веселье, - в тот день в колодце вы не раздумывали и не сомневались». Я ещё не успел толком осознать его фразу и понять, о чём он, как этот мужичок стянул с лица шарф и выставил голову вперёд, тоже слегка наклонившись ко мне. "Помните меня? – он улыбался и кивал, видимо, наблюдая за сменой выражений на моём лице, - вы вытащили меня из колодца и дали свою куртку».

- Да, теперь я вспомнил, и на моем лице действительно, должно быть, отразились все чувства: узнавание, стыд от той ситуации и настороженность. Зачем он поджидает меня? Вдруг это какой-то полоумный, решил отыгаться на мне за насмешки моих товарищей? Ничего нельзя исключать, когда имеешь дело с людьми – так нам говорили ещё в академии МЧС, а я, к тому же, всю жизнь прожил в большом городе и навидался всяких психов.

- Физически я, конечно, гораздо сильнее, но у него ведь мог быть пистолет, да что угодно, хоть коктейль Молотова или банка с кислотой. «Да, я вас вспомнил. – Ответил я ровным голосом, не слишком холодно и не слишком дружелюбно, - вы поправились?», - последняя фраза прозвучала не совсем как вопрос, а больше как утверждение. «Вашими стараниями, - улыбнулся толстячок, снег падал на его ухоженную бородку и сверкал в свете фонаря, как бриллиантики. – И хочу отблагодарить вас».

- «Ну что вы, это моя работа, - вежливо улыбнулся я, гадая: почему он не выходит на тротуар, зачем стоит в ёлках?? – Рад, что с вами всё хорошо». Видя, что я не собираюсь заходить к нему, он вздохнул и начал расстёгивать пальто свободной рукой: «Я знаю, чего вы опасаетесь, - усмехнулся он, - здесь полно психов. Но я не один из них, о нет! Смотрите, у меня нет ни пояса шахида, ни пистолета, ничего. А голыми руками я с вами явно не справлюсь – вы в два раза выше и раза в 4, наверное, тяжелее!». Он захихикал, демонстрируя мне полы распахнутого пальто и толстый свитер бордового цвета, похоже, связанный вручную, у меня тоже такой был в детстве, бабушка связала, с косичкой посередине и с горлом.

- «Может, выйдете на тротуар? – Предложил я, не понимая, чего он хочет, - тут и светлее, и удобнее». Он сразу покачал головой, как будто этот вариант однозначно исключался: «Нет, я хочу, чтобы вы зашли сюда. – Твёрдо сказал он и добавил, - дело в том, что я хочу сделать вам подарок, по-

дарить кое-что. И не хочу, чтобы на нас глазели прохожие». Прохожих почти не было, я специально оглянулся по сторонам, было ещё рано, все, в основном, работали до 6-ти или 7-ми, дети либо уже отучились, либо ещё сидели на уроках.

- «Прошу вас! – Он кивнул и ещё раз сделал приглашающий жест, а потом начал застёгивать пальто. – Я не демон и не маньяк, вы же совсем рядом со своей частью, на здании камеры... и вы же здоровенный парень! Осторожность – это хорошо, но сейчас она излишняя». Ладно, подумал я, этот маленький толстый манипулятор умело сыграл на моем эго, да и любопытство подыгрывало этой нехитрой манипуляции, - ухмыльнулся Денис, - я вздохнул, покачал головой и сделал шаг вперёд. Он заботливо придержал ветки и отступил вглубь, давая мне место. Оказавшись в окружении ёлок, я огляделся и тут же испытал некоторое облегчение – я видел улицу, а с улицы явно могли видеть нас. Да, ничего конкретного, невозможно было увидеть, что он мне даёт или что мы держим в руках, но нас было видно. Зрительный контакт с привычными объектами всегда важен для успокоения пострадавших, нас этому учили.... Только вот не хотелось мне стать пострадавшим, да ещё и по собственной глупости.

- «Спасибо, - совершенно серьёзно сказал он, когда мы оказались отрезаны от окружающего мира нашими ёлками, - мне пришлось довериться вам тогда, а вы сейчас доверились мне по собственной воле, это приятно». Я молчал, выжидая, глядя на него, пока что он не казался опасным пси-

хом... но опасные психи умеют казаться добродушными соседями, отзывчивыми коллегами и примерными семьянинами. Снег усиливался, крупинки били меня по носу – шарф я тоже приспустил, он мешал мне говорить.

- «Я ждал вас здесь, потому что не знаю, где вы живете, - улыбнулся мужичок, - а в ваше здание, наверное, посторонних не пускают. Да мне и не хотелось заходить, вас там могло и не быть, а встречаться с теми неприятными джентльменами я бы не желал». Он помолчал, его глаза были добрыми, я заметил это, вернее, осознал, именно в тот момент. Он смотрел на меня спокойно и без тени насмешки или хитрости, я немного расслабился, но не полностью, я-то хорошо знал, что в большом городе расслабляться вообще нельзя, - засмеялся Денис.

- И опять это напоминание о поведении Гены и Антона – он снова умело вызвал во мне чувство стыда, а оно – лучшее средство для манипуляции, знаю это от моей знакомой, психолога горячей линии. Я кивнул на его последнюю фразу, выражая понимание, а он продолжил: «Я хочу сделать вам подарок. В знак благодарности, это моё искреннее желание. – Его тёмные глаза впились в мои, - он необычный, и, возможно, вам покажется, что я сумасшедший... Но это легко проверить», - улыбнулся он, а я совершенно перестал понимать, что здесь происходит.

Среди гостей послышались смешки.

- «Я дам вам одну вещь, - продолжал он, не сводя с ме-

ня своих чёрных, как будто гипнотизирующих меня глаз, - и вы должны внимательно выслушать инструкцию к ней, потому что мы больше не увидимся». Я тряхнул головой, и сказал: «Простите, я не понимаю...». «Конечно, не понимаете! – Улыбнулся мой бывший подопечный, - поэтому я позвал вас в это тихое место, чтобы всё обстоятельно разъяснить. Как я уже сказал, этой вещью надо пользоваться строго по правилам, иначе она бесполезна... вернее, может принести только разовую пользу».

- Я совсем запутался, в голове не было ни одной идеи, о чём он вообще говорит. А он тем временем полез в карман своего большого пальто и извлёк обыкновенную тысячную купюру. «Вот, - торжественно сказал мужичок, – это мой подарок. Но это не простая купюра!», - хитро улыбнулся он, понимая мою реакцию. Он поднял тысячу повыше и покрутил перед моим лицом, как будто дразнил меня.

- «А теперь слушайте внимательно, молодой человек, - понизив голос, заговорил он совершенно серьёзно, - то, что я держу в руке – неразменная монета. Ерунда, скажете вы? А я скажу, что уже сказал: это легко проверить, если действовать по правилам. А правила такие: эту купюру ВСЕГДА держи отдельно, НИКОГДА не смешивай ее с другими деньгами, иначе она потеряет своё волшебство. Правило второе: НИКОГДА не трать ее полностью, всегда оставляй хоть одну копеечку. И эту копеечку также храни отдельно, пока купюра не восстановится. Точных сроков нет, это ведь не механи-

ческий прибор, это энергия, а ее в строгие рамки не заго- нишь». Он говорил так серьёзно и так убеждённо, что я на долю секунды начал верить, но потом здравый смысл и жиз- ненный опыт взяли своё. Он же совершенно сумасшедший! Вот в чём подвох, дедок с поехавшей крышей, такое бывает, увы, очень даже часто. Поэтому я молчал, разочарование и грусть боролись во мне, мне было как-то неловко, что пере- до мной нездоровый человек, которого я считал здоровым. Мне было грустно от того, что он ждал меня на холоде, что- бы отблагодарить за элементарное человеческое отношение, на это разума у него ещё хватало, а вот сама благодарность уже была омрачена его болезнью. Поэтому я молчал, не зная, как себя повести.

- «Вы всё запомнили? – Деловито спросил он, держа в ру- ках эту тысячу, - правил всего 2, и они простые, даже ребё- нок запомнит. Повторите, это важно! Иначе вы не сможете насладиться всей прелестью этой вещи». Я растеряно замор- гал, жалость взяла верх, я не хотел обижать безобидного по- жилого мужичка, итак не совсем здорового, мягко говоря. Я вздохнул и механически повторил: «Держать купюру от- дельно. Никогда не тратить полностью». «Верно! – С энту- зиазмом воскликнул он и протянул мне деньги, - а теперь возьмите мой подарок и наслаждайтесь им. Этот мир знал худшие времена, но, как говорится, не знал времён под- лее. Равнодушие, безразличие – они хуже злости и ненави- сти, потому что эти эмоции разрушительны для тех, кто их

несёт. А вот самые страшные дела всегда делаются с холодным сердцем, методично и расчётливо. Равнодушие ко всему, кроме наживы, кроме собственного грошового комфорта, сейчас захватило мир, сегодня Зло приняло эту форму. И я никогда бы не подарил и не подарю нечто подобное ни одному из этих бездушных обывателей, потому что в них Зло, а то, чего хочет Зло – оно не должно получать».

- Я помялся, не зная, как реагировать и что думать, но вежливость и слова моей знакомой сделали своё дело, тем более, я сам испытал нечто подобное – я не мог обидеть этого странненького товарища, он, может, и был сумасшедшим, но говорил очень правильные вещи, они отзывались в моей душе. Мораль, я думаю, всё-таки не для больных и здоровых, а для хороших и плохих людей. В общем, я протянул руку и взял купюру, разглядывая ее в свете уличных фонарей.

- «Вы редкий и прекрасный экземпляр, молодой человек, - улыбнулся мужичок, - как рубин или сапфир среди пластмассовых страз. Я копаюсь в таких стразах каждый день очень много лет... бездушный плоский пластик, неинтересный даже им самим – вот что такое современные люди. – Он поджал губы и снова кивнул с грустной улыбкой. – Что ж, мне пора. Спасибо за вашу человечность, это сокровище, храните его подобающе и не потеряйте в этой большой полойке». Он похлопал меня по плечу и начала протискиваться наружу мимо меня.

- «Спасибо! – Сказал я, совершенно сбитый с толку и сму-

щённый, - спасибо за ваши слова и подарок...».

- «Не забывайте правила! – Перебил он уже из-за ёлок, уходя по улице, - всех благ!».

- Больше я его не видел, - задумчиво сказал Денис. А вот его подарок... О, тут есть, о чём рассказать.

Он окинул каждого члена Клуба интригующим взглядом, даже мельком прошёлся по Мадам.

- Я остался в наших ёлках, стоял под падающим снегом и мысленно вопрошал: что это вообще было?? Во мне боролись 2 версии: встреча с обычным городским сумасшедшим, их полно, и с каждым годом такое ощущение, что всё больше; и вторая – со мной случилось что-то необъяснимое, что-то, что случается с героями фильмов и книг, но с реальными людьми – никогда.

Денис усмехнулся.

- Я поднял купюру ближе к глазам, мне было любопытно, чем она может отличаться, если это не «билет банка приколов». Нет, насколько позволял увидеть уличный свет, тысяча выглядела обыкновенной купюрой. Наверняка тогда фальшивка... или он правда верил, что именно эта тысячная купюра – волшебная. Однако я почему-то засунул ее в отдельный карман куртки, стыдясь этого перед самим собой и называя себя идиотом. Дома разберусь, решил я, в тепле и на полный желудок.

- Я вышел из ёлок и быстро зашагал по улице, как будто вдруг мне стало неловко, что кто-то мог видеть произошед-

шее, или этот мужичок бы вдруг вернулся и... не знаю, посмеялся бы, или потребовал свой подарок обратно, или превратился бы в какого-нибудь страшного карлика. Нам тоже говорили, что сумасшедшие бывают очень убедительными и часто обладают обаянием и даже красноречием. Я думал об этом по пути в магазин, надо было купить продукты. Я рассеяно бродил среди полок, думая совсем не о покупках, а о том, что произошло в ёлках, и о той купюре, которая теперь как будто жгла мне карман. Он сказал: это легко проверить, псих он или нет, что ж, я мог проверить это прямо сейчас.... Но по чему-то, подойдя к кассе, я достал карту и оплатил всё привычным способом.

Денис пожал плечами и смущённо улыбнулся.

- Не знаю, чего больше я опасался: того, что тысяча просто потратится, как и должно быть, или того, что *не* потратится... Дома я рассмотрел ее уже буквально под лупой, я не спец по подделкам, но водяные знаки были на месте, бумага с характерными вкраплениями, насколько может определить обычный человек, эта купюра была настоящей и ничем не отличалась от других – я сравнил. Это укрепило мою уверенность в том, что ничего волшебного в нашем мире просто не бывает, конечно же, это были обычные деньги, а этот мужичок был обычным психом. Уже засыпая, я подумал, что всё равно очень неплохо получить лишнюю тысячу рублей, и потом, благодарность – это всегда приятно, даже от не совсем адекватных персонажей. Эти мысли помогли приглу-

шить непонятное мне самому разочарование.

Многие из нас понимающе закивали, и я снова подумал о прелести изобретения человеком групповой терапии... и для пострадавших от столкновения с необъяснимым - тоже.

- На следующий день я мучился от понимания того, что бесконечных денег не бывает, и какого-то внутреннего желания поверить и испытать чудо. Оставался лишь один выход, как и сказал тот мужичок – это легко проверить. И я всё так же держал эту тысячу отдельно, хоть и сомневался, и не верил. У меня была опять дневная смена, нам запрещено покидать часть до окончания смены, можно разве что посидеть в нашей зелёной зоне, в тех самых ёлках, потому что сигнал тревоги слышно не только там, но, как говорят наши соседи – по всей улице. В общем, я просто извёлся до вечера. Так мне хотелось поскорее поставить эксперимент с этой купюрой. Умом я понимал, что, конечно же, ничего не произойдёт, и я сам буду над собой смеяться и называть себя дураком... но я хотел, чтобы это было основано на фактах.

- Едва мой рабочий день закончился, я выбежал из части и буквально понёсся в ближайший магазин. Мне было всё равно, что покупать, мне просто надо было попробовать.

Денис замолчал, приподнялся в кресле и запустил руку в карман джинсов.

- Вот, - торжественно сказал он, поднимая брелок в виде бронзовой собачки, - это первая вещь, купленная мной на эту тысячу. И далеко не последняя.

Мы все, как замороженные, уставились на маленькую бронзовую фигурку, поблёскивающую в мягком свете фиолетового пламени. Я был ближе всех, поэтому мне удалось рассмотреть брелок детально, это была совсем небольшая вещица, спаниель, отлитый очень качественно.

- Я забежал в первый же попавшийся на пути магазин, - продолжал Денис, - обычно я туда не захожу, там продают всякую ерунду: семена цветов, косметику, дорожные наборы, брелоки, дешёвые сладости, такое. Но мне просто надо было поскорее проверить слова того странного мужичка. Я увидел эту собачку среди всего прочего барахла, она мне понравилась.

Он убрал свой трофей обратно в карман.

- Я отдал за неё почти тысячу – 980 рублей. Дорого, потому что это бронза, так сказала продавщица, я не спорил, мне же главное, чтобы не дороже 1000. Сдачу я положил в тот же отдельный карман, чувствуя одновременно себя идиотом и испытывая невероятный адреналиновый подъем. Две монетки по 10р. казались мне почти горячими, они жгли через ткань, я ощущал их через свитер и толстую куртку. Если всё сказанное им правда, ну, допустим, как будет происходить превращение этих двух монет в новую купюру? Почувствую ли я это? А вдруг будет какая-то вспышка или какой-нибудь звук? Хотя, больше всего мне казалось, что я просто спятил, - заключил Денис с улыбкой.

- Весь путь домой я ждал чуда. Прислушивался к ощуще-

ниям, но не позволял себе засунуть руку в карман, не хотел спугнуть волшебство, можно и так сказать. По моим ощущениям, ничего не происходило, я купил продукты, старательно избегая переднего кармана куртки, добрался до дома и только там, переодевшись и уже разложив покупки, я не удержался и заглянул в карман...

Парень выдержал паузу, подогревая наше любопытство.

- Ха! Там всё так же лежали две десятки. Никакого чуда не случилось, я потратил 980 рублей на ненужный мне брелок, потому что был дураком, позволил себя так позорно обмануть. Честно говоря, в тот момент я был зол больше на себя за свою детскую наивность. Но и на него тоже. Да, он-то был психом, а я нет, так что какой с него спрос, злиться, действительно, я мог только на себя. И всё же разочарование было таким горьким и удушающим.

- «Может, это происходит не так быстро, - начал предательский голос в голове, не желающий признавать поражение, не желающий мириться с обманом, - он ведь не сказал, через сколько по часам произойдёт волшебство. А вдруг позже вечером или вообще завтра?». Я махнул рукой, бросил куртку на пуфик в прихожей и пошёл готовить ужин. Этот тип меня обманул, вернее, я позволил ему себя одурачить, но сам себя обманывать я не собирался.

- Уже после ужина, глубоким вечером я собирался на работу, мне было заступать на сутки. Я живу с тёткой, она нормальная, и самое приятное – она часто уезжает по команди-

ровкам, иногда на несколько месяцев.

В зале слышались тихие смешки.

- Она торговый представитель, как раз завтра, когда я должен был уйти на сутки, она возвращалась из очередной командировки. Поэтому я решил убрать куртку в шкаф, я и сам не люблю бардак, а она вообще маньяк порядка. Она не скандальная, мозг не выносит, если бы я не убрал куртку, она бы повесила ее сама, просто я вижу, что ей неприятно, поэтому стараюсь ничего не разбрасывать. В общем, уже перед сном я вышел в прихожку, взял куртку... и, ругая себя последними словами, полез в карман.

На лице парня отразился такой триумф, что мы все невольно заулыбались.

- Вот не знаю, как передать это словами, но в кармане была целая купюра. А монет не было.

Денис покачала головой и шумно выдохнул.

- Я щупал ее, вертел перед глазами, почти что пробовал на зуб, - он засмеялся, - она правда была, я правда держал ее в руках! В квартире никого не было, кроме меня, дверь закрыта... это невозможно было объяснить ничем, кроме слов того мужичка.

- Я так перевозбудился, что не мог спать, мысли в голове кипели, я то и дело смотрел на эту тысячу, новенькую, целую, и тихо повторял: «Нереально!». Я думаю, всем здесь знакомо это сводящее с ума чувство раздвоения, когда, с одной стороны, умом понимаешь, что такое невозможно, пы-

таешься искать объяснения, не находишь... и тогда, с другой стороны, осознаешь, что это правда происходит и этому нет никаких разумных и понятных объяснений.

- В точку, - не удержался я, парень повернулся ко мне и кивнул с лёгкой улыбкой.

- Нереальность происходящего, мечты, надежды и страхи закружили меня, я не спал почти всю ночь, отрубился уже за пару часов до будильника, положив купюру на прикроватную тумбочку и придавив часами. Почему-то мне начало казаться, что, когда я проснусь, ее уже не будет. Или вообще всё это окажется сном. Но, когда я с трудом продрал глаза в 6 часов, она была на месте, я видел ее в свете экрана телефона. Она не исчезла, и это не было сном.

- На работу я пошёл в другой куртке, потеплело, пошёл мокрый снег, точно помню, поэтому я надел куртку полегче. И так же положил мою волшебную тысячу в отдельный карман на молнии. Я твёрдо решил купить для неё отдельный кошелёк... хотя иногда в голове на пару секунд были как будто вспышки, и я был уверен, что мне это приснилось или что я что-то перепутал. Но, по большому счету, я уже как-то принял тот факт, что со мной происходит нечто необъяснимое, это не так сложно, как показывают в фильмах.

Парень усмехнулся:

- Видимо, всё дело в том, что у меня хорошие механизмы адаптации, я проходил тестирование при поступлении в ВУЗ, на нашу работу как раз таких и надо. Так что, я просто

адаптировался к новым явлениям в своей жизни, тем более, легко, если эти явления приятные. Я уже настроил планов, что я смогу закупить! Всю дорогу до работы думал об этом и улыбался, как придурок, сам с собой. Я всегда мечтал иметь своё жильё, не такая уж великая и оригинальная мечта, но мне этого всегда хотелось больше всего. Я подумывал брать ипотеку, но как-то не решался, а теперь, если волшебство этой купюры не имеет лимита, я вполне мог купить себе хоть особняк! Это были такие приятные мысли, я и на работе как-то выпал из мира, согласился сам убираться в гараже, лишь бы остаться одному и погрузиться в мои мечтания. Причём, мечтать, точно зная, что это получится – лучшее, что может быть в жизни.

Денис вздохнул и замолчал, на лице отразилась грусть. Я сразу понял финал этой истории - люди не вздыхают так по мечте, которую держат в руках.

- Но перед всеми этими грандиозными планами мне надо было ещё раз проверить, - продолжил он после недолгой паузы, - ещё раз убедиться, что это правда происходит, что это не единичный случай. Купюру я держал при себе, положил в карман формы, когда заступил на смену – мне было как-то страшно ее оставлять.

Он виновато улыбнулся.

- Нет, у нас никто не воровал, упаси боже! Просто я, как Голлум, не мог расстаться со своим сокровищем. Мне было спокойнее, когда она была со мной. Мне так не терпе-

лось проверить ее снова, что я впервые попросил одного из парней прикрыть меня и ушёл из части. Ближайшим к нам магазином был тот самый ларёк, где я купил собачку, я не мог долго отсутствовать, понимал, что вызов может быть в любую минуту и любой сложности, я не хотел никого подставлять, поэтому зашёл туда. Покупать опять брелок я не хотел, к тому же, решил, что надо как-то отблагодарить Никиту, того парня, что согласился меня прикрыть. Я накупил сладостей, дурацких, я и сам такое обычно не ем, но ничего другого там не было, так что я набрал шоколадных батончиков, пластмассовых на вид кексов и какие-то такие же пластиковые на вид вафли. Потратил 600 рублей, продавщица поморщилась, когда я протянул ей тысячу, и попросила под расчёт. Ха! Это было невозможно, – засмеялся Денис.

- Сдачу я так же положил в карман, гадая, как мне поступить, когда придётся ехать на вызов: взять с собой или положить в сумку? И когда тысяча вернётся? У меня был шанс почувствовать, как это произойдёт (если произойдёт), если деньги останутся в кармане формы. А может, ничего и не ощутится, просто там вдруг появится новая купюра?

- И я снова не поймал сам момент превращения сдачи в новую тысячу – я поехал на вызов, старушка застряла в лифте, сдачу оставил в сумке, закопав в вещах, когда вернулся – первым делом проверил... в пакете с майкой и шортами для тренировки лежала новая тысячная купюра.

- Это окончательно вскружило мне голову, - с улыбкой по-

качал головой Денис, - стало понятно, что это не мои галлюцинации и не сон, у меня на самом деле была бесконечная тысяча рублей. Как? Да какая разница?? Я, например, понятия не имею, как работает смартфон, но это не мешает мне им пользоваться.

- С того дня начались мои эксперименты, - продолжил он, - я помнил 2 правила: не тратить полностью и не смешивать с другими деньгами. Едва моя смена закончилась, я побежал в город – мне надо было купить кошелёк для моей волшебной купюры, я вдруг осознал, каким сокровищем обладаю, сколько всего теперь на самом деле могу!

Он развёл руки, как будто показывая, что может объять теперь весь мир.

- В ближайшем торговом центре я купил кошелёк, небольшой, из натуральной кожи, для монет. Мне он понравился тем, что был на молнии и размером примерно 10/5 см, там было всего одно отделение, но мне как раз так и надо было. Я уложился в 1000, потратил 960 рублей, а сдачу положил уже в новый кошелёк для хранения. Потом я, несмотря на усталость (ночью я не мог уснуть, всё думал о том, что происходит в моей жизни), гулял по торговому центру, смотрел на все эти дорогие магазины, на все красивые вещи, о которых я раньше только мечтал... да, у меня была всего тысяча, но я уже прикидывал, как я смогу превратить ее в гораздо большее состояние.

- А когда усталость всё же взяла своё, на выходе из ТЦ я

заглянул в свой кошелёк, просто так, ради любопытства. Да и мне приятно было посмотреть на эту настоящую волшебную вещь... так вот, в кошельке лежала новенькая тысяча, свёрнутая, потому что в полный размер она бы не поместилась.

Денис окинул каждого из членов Клуба горящим взглядом.

- На этот раз она вернулась быстрее. Я купил на неё продукты по пути домой, всю дорогу шёл и улыбался, как подросток, впервые поцеловавший девушку, а уже дома обнаружил, что сдача в кошельке снова стала купюрой.

Денис задумался.

- Я уже решил, что она будет восстанавливаться всё быстрее, но меня ждал облом. Несколько дней подряд выдались тяжёлыми: пришлось доставать из коллектора труп замёрзшего бездомного – у полиции такого оборудования нет, вот нас и вызвали; у тётки случился сердечный приступ, хорошо хоть не в командировке. Ее продержали в больнице 3 дня, потом она ушла на больничный – я и за неё переживал, и я привык, что ее почти всегда нет дома, а тут... В общем, настроение у меня было поганое, подавленное. И тут моя волшебная купюра тоже преподнесла сюрприз – она не восстанавливалась. Целые сутки в красивом кошельке из натуральной кожи лежали 50 рублей сдачи, я уже начал отчаиваться, подумал, что всё навалилось сразу, что у любой сказки, даже самой красивой, бывает конец, совершенно обычный. И всё же не хотел в это верить, проверял кошелёк каждый час

практически... она вернулась, моя тысяча, но это было долго, как никогда за тот короткий период, что купюра была у меня.

- А потом, как обычно и бывает, слава богу, чёрная полоса стала сменяться серой, переходящей в белую. – Парень улыбнулся, - я работал, спасал людей и животных, вытащил щенка из ливнёвки, старушка так плакала от облегчения и так благодарила нас, что все мои печали отступили, улетучились, я вдруг понял, что у меня есть самое сильное волшебство, которое никто не отнимет и которое не испарится вдруг – это моё призвание, возможность делать добро. Я скажу сейчас то, что с уверенностью повторил бы на Страшном Суде: лично для меня нет большего счастья, чем помогать живым существам, чем быть полезным. Когда я был маленьким, друг моего деда, тоже фронтовик, как-то сказал нам, глупым ещё пацанам: мир не терпит бессмыслицы, любое действие, любое слово имеет значение – они умножают либо добро, либо зло в мире, и нет ничего нейтрального или неважного. Я запомнил. Это было, наверное, самым важным откровением в моей жизни.

Денис смутился и замолчал, блондинка Диана смотрела на него с нежностью, хипстер – с уважением, политик – с равнодушием. А вот глаза Мадам загадочно горели, и мне виделся какой-то странный, необъяснимый триумф в этих чёрных, как полночь в аду, глазах.

- В общем, из наблюдений я пришёл к выводу, что купюра

возвращалась быстрее, когда я был в хорошем настроении, и медленно – когда я был подавлен. Я проверил это на опыте, в дни, когда я мечтал, исполнял свои маленькие желания и делал маленькие шаги к исполнению больших, тысяча снова и снова оказывалась в кошельке, иногда по три раза за день, а стоило мне расстроиться, разозлиться или просто сильно устать – она восстанавливалась крайне медленно.

- У меня в голове кружились десятки идей, что мне сделать, что попробовать с купюрой. Начал я с того, что решил откладывать. Разменял ее, купив жвачку, таким образом, у меня осталось больше 900 рублей, 500 из них я отложил в шкатулку, где храню деньги (я помнил правила, поэтому обычные деньги на всякий случай вытащил), остальное потратил, но не всё. Оставшиеся монеты убрал в кошелёк и стал ждать.

Денис ухмыльнулся.

- Угадайте: ничего не вышло. – Он засмеялся и развёл руками, - прошло 2 дня, монеты как лежали в кошельке, так и продолжали лежать, и в шкатулке денег больше не стало. Пришлось признать, что этот способ не работает, я соединил пятисотку с монетами, и уже через пару часов в кошельке меня ждала новая тысяча.

- Уже неплохое дополнение к зарплате, конечно, но я точно знал, что из этого волшебства можно получить гораздо больше. Люди настолько изворотливые и изобретательные существа, что умудряются обходить любые законы и кон-

троль, а у меня было всего 2 правила. – Парень смущённо улыбнулся. – На тысячу в день дом не купишь, а я мечтал о собственном жилье, и вот сама судьба дала мне сверхъестественный предмет для осуществления моей мечты.

- По мере того, как я обрастал небольшими вещами (до 1000 рублей, смешивать ведь я не мог), у меня родилась следующая идея: я решил попробовать положить деньги на карту. – Денис задумался и кивнул своим мыслям. – Будет ли это считаться смешиванием денег? Ведь электронные деньги не материальны... но это всё же деньги, подкреплённые чем-то? Короче, я решил рискнуть, вы же знаете, если человек загорается идеей - его не остановить, мы переплываем океаны на плотях, лезем на Эверест и испытываем на себе экспериментальные препараты.

- Эта мысль пришла ко мне на дежурстве, пока ребята дрыхли, кто-то сидел в интернете, а я лежал на койке в одной из наших комнат и смотрел на свет фонарей на стене, и мысли летели, как ураган. Мне казалось, что время остановилось, я хорошо помню эту ночь, вызовов не было, а адреналин от моей идеи просто прожигал меня изнутри. Я думал, что утро никогда не настанет, что вместе с купюрой в наш мир ворвалось какое-то большее волшебство, и наступила вечная ночь, или я провалился во временную дыру, где никогда не наступит завтра. Но, разумеется, утро пришло, моя смена закончилась, и я пулей вылетел из нашей части – сначала знакомый уже всем магазинчик с «пластмассовыми»

сладостями, потом – ближайший банкомат.

- Я буквально дрожал от возбуждения и волнения, я прекрасно понимал, что могу сейчас сам лишиться себя этого роскошного подарка... но, как говорит моя знакомая, ну та, психолог с горячей линии: причина расцвета и гибели цивилизаций в том, что человек всегда хочет большего.

Многие из членов Клуба согласно закивали.

- Странное дело, - усмехнулся Денис, - у меня не дрожат руки, когда я зажимаю людям раны или лезу в аварийные здания, а тут у меня реально была дрожь в руках. Я даже подумал: хорошо, что сейчас можно просто прикладывать карты к банкомату, потому что в обычную щель я мог и не попасть.

Послышались смешки.

- Я положил в банкомат 500 рублей, и когда крышка приёмника денег закрылась, меня на мгновение охватил ужас, настоящая паника! Что я наделал?! Я же сам испортил это чудо! Но сокрушаться было поздно, время не отмотаешь назад – ещё одна мудрость из моего детства. Я постоял возле банкомата с гулко бьющимся сердцем, кошелёк с волшебными деньгами лежал во внутреннем кармане куртки, там осталось 3 сотни.

- Едва дыша от возбуждения, я всё же пошёл домой, надежда, страх, мечты – всё это раздирало меня на части. Я твёрдо запретил себе заглядывать в кошелёк, по крайней мере, до возвращения домой. Это далось ценой невероятных

волевых усилий, - засмеялся Денис.

- Зато дома, едва переступив порог, я первым делом заглянул в кошелёк, даже не стал разуваться. – Он снова сделал интригующую паузу. – Там лежали всё те же 3 сотни, ничего не изменилось.

- Думаю, не надо описывать степень моего отчаяния и злости на себя самого. Это надо быть таким идиотом! Не зря же говорят: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Мне казалось, что меня придавил настоящий валун, таким подавленным я себя ощущал, только вот в моей ситуации не было спасателей, которые вытащили бы меня из-под этого валуна. Я не помню, как провёл вечер, потому что мысли всё время крутились вокруг кошелька – я положил его в ящик прикроватной тумбочки и решил заглядывать в него не чаще 1 раза в час. И, как наркоман, которому пообещали дозу, всё время смотрел на часы, мысленно открывая заветный ящик.

- К полуночи я совсем извёлся и отчаялся, но никак не хотел признавать поражение, признавать, что сам своими руками разрушил такое чудо. Мне удалось соблюдать «график заглядывания» и, уже ложась спать, я в последний раз (как я надеялся) заглянул в кошелёк – ничего, купюра не возвращалась. Я с детства не плакал, но тут меня душили слезы полного отчаяния и безнадёжности. И самое поганое – я никого не мог винить, кроме себя. Я лежал в темноте, думая о тех возможностях, которые сам упустил, думал о том, что лучше бы я покупал продукты и всякую мелочь, какую мог

на 1000 рублей, а зарплату бы откладывал... Примерно в 2 часа ночи, когда усталость и стресс уже вымотали меня окончательно, я решил в последний раз проверить кошелёк...

Денис триумфально улыбнулся, заразив всех нас – на эту улыбку просто невозможно было не ответить.

- Она была там! Да! Представляете?! Я повернулся лицом в подушку и орал, да, просто так орал, от переизбытка эмоций.

Парень засмеялся.

- Она вернулась, наверное, я сам тормозил ее возвращение своими страхами и напряжением, я ведь уже выяснил, что тысяча восстанавливалась медленно, когда я был в негативе. Мало того, что это волшебство не ушло, так теперь передо мной открывался поистине бескрайний горизонт возможностей. Я не мог тратить больше тысячи за раз, но мог накопить с неё хоть миллиард в электронном виде. Всё ещё пребывая в состоянии эйфории, я вскочил с кровати проверил баланс карты – положенные мной 500 рублей никуда не исчезли. Вот это да!

- В общем, я опять почти не спал, но утром, когда зазвонил будильник, я выпрыгнул из постели, не чувствуя никакой усталости - меня ждали мои мечты, и, главное, у меня были все средства для их воплощения.

Он помолчал, задумчиво глядя на фиолетовое пламя.

- С того утра я уже не впадал в отчаяние, я знал, что моё хорошее настроение приближает меня к мечте. Да, эти сло-

ва сейчас повсюду, «мусорные гуру» очень любят подобные фразы, - Денис презрительно усмехнулся, - я их так называю, потому что реально из каждой помойки вещают про способы достижения сверхбогатств и исполнения всех желаний с нуля: «просто будьте в позитиве», «визуализируйте», «не идите против потока» и прочий бред. Именно бред, потому что я теперь точно знал, что, не имея никакой реальной базы, никакого инструмента, можно хоть до второго пришествия визуализировать – останешься там же, где был. У нас полстраны визуализирует и жжёт травы в полнолуние, а уровень жизни выше не становится. Если загадочный незнакомец не подарил тебе бесконечную купюру – можешь сколько угодно «пребывать в позитиве» - будешь просто с хорошим настроением и пустыми карманами.

- Я стабильно каждый день клал на карту деньги, если купюра возвращалась быстро – то и 2 раза в день. А однажды, когда я просматривал банковские предложения по вкладам, меня осенила новая гениальная мысль. – Он довольно ухмыльнулся. – Я вдруг подумал, что надо попробовать купить валюту. Это может быть хорошей «подушкой безопасности», тем более, что основные валюты, как правило, у нас только растут в цене.

- Этим я и занялся. И на этот раз паники не было, я почему-то не волновался, у меня не было сомнений, что я могу покупать всё в пределах 1000 рублей, в том числе другие купюры. И правда, вскоре после того, как я вышел из банка,

купив там доллары, в кошельке опять лежала новенькая тысяча.

- Я прекрасно понимал, в каком мире живу, так что я решил не покупать дважды в одном банке, благо, банков у нас в городе почти столько же, сколько людей. – Он улыбнулся, - и потом, я не хотел привлекать к себе внимания, опять же, прекрасно знаю, как устроено наше общество. Как говорила моя мама, царство ей небесное: на ферме дольше всех живёт худая скотина, так и у нас - как только ты наберёшь хоть каплю видимого жирка – тебя съедят.

Он помолчал, на этот раз его лицо выражало странную смесь смирения и презрения.

- Я подумывал уже об ипотеке. Так-то я ее не потяну, с моей-то зарплатой, а вот с таким подспорьем – вполне мог бы, наверное. – Продолжил Денис. – Я стал думать, мечтать, представлять, где хотел бы жить – остаться здесь или, может, вообще уехать в другой регион или город. Это были приятные мысли, вообще, хочу сказать, что этот период был самым ярким и уж точно самым радостным в моей жизни на данный момент.

- Я мог не просто грезить, это были больше, чем мечты – это были планы. И это чувство полной свободы, окрыляющее и вдохновляющее, чувство полного счастья и гармонии, когда ты понимаешь, что можешь, действительно можешь получить то, что хотел, жить так, как хочется. Когда понимаешь, что твой мир полон удовольствий, а не ограничений, и

тебе надо просто выбрать всё, что хочешь, и взять.

- А ведь кто-то так и живёт, - задумчиво проговорил парень, - пока мы копошимся в беспросветной тьме, едва сводим концы с концами и думаем, что предел мечтаний – поехать в Турцию и купить средненькую машину в кредит, кто-то ведь думает о том, в каком райском месте купить очередной особняк и где ещё из прекрасных мест земли он не был... А о таких мелочах, как одежда, этот кто-то вообще не привык думать, он просто скупает все самые дорогие вещи, которые понравятся, а мы экономим на продуктах и развлечениях, чтобы позволить себе вторую пару дешёвых кроссовок или купить новый пуховик к зиме.

- Короче, я и не думал, насколько убого живу, пока не почувствовал, что жизнь может быть совсем другой. Ну а как иначе? С детства все мы слышим «денег нет» и «я тоже много чего хочу», ты смотришь по сторонам и видишь миллионы таких же, за редким исключением. Потом ты вырастаешь и понимаешь, что денег действительно нет, что зарплата едва покрывает самый минимум, а больше взять неоткуда, если ты не наследник империи. Все так живут, ищут товары подешевле, отказывают себе практически во всём, работают на 3-х работах и умирают от инфарктов, не успев потратить так тяжело добытые деньги... жалкие гроши для кого-то наверху.

Он грустно усмехнулся и стукнул внушительным кулаком по ноге.

- Самое поганое, что у тебя и нет представления, нет такой опции в голове: жить свободно и изобильно, для всех нас изобилие – это бананы по акции в супермаркете. – Он задумался. - Как если бы ты никогда не пробовал шоколад, то и не представлял бы себе, какой он сладкий и вкусный, а вместо него ел хлеб, посыпанный сахаром, и считал бы, что это и есть единственно возможный десерт. Я тоже ещё не мог похвастать тем, что отведал настоящий шоколад жизни, но мне хоть дали его понюхать.

Он улыбнулся, а вот лица остальных гостей были задумчивыми и серьёзными.

- Да, представьте, я думал и об этом, не только о блестящих перспективах.

Дама-с-брошкой, как я ее называл, согласно закивала, глядя на моего соседа по креслу впервые не с ледяным равнодушием, а с пониманием и симпатией.

- Финал этой истории, я думаю, вы уже знаете. Сейчас принято говорить, что в современном мире у всех равные возможности. Но это не так. Мы всё ещё разделены на касты, сословия, и это, наверное, неискоренимо, это в природе человека. В мире ценностей меньше, чем людей, все желающие не могут жить на берегу тёплого моря или океана, все не могут носить бриллианты, наверное, их просто нет в таком количестве. И если все, кто хочет жить в каком-нибудь Беверли Хиллс, приедут и будут там жить – он превратится в такую же помойку, как и большинство трущоб. Я думаю, максимум

свободы, которую может дать современный мир – это редкая возможность единицам поменять касту, сословие, выбраться из низов на самый верх. Что для этого им приходится делать – я даже думать не хочу. А в остальном, ты обречён прожить на том уровне, на каком родился, и я не имею в виду, что ты будешь получать чуть больше, чем твои родители или чуть меньше, итог один – ты будешь на низовой ступени, там, где ипотеки, кредиты и бананы по акции.

Я вдруг осознал, что непроизвольно киваю, испытывая стыд за себя и гордость за этого парня. А стыдно мне было потому, что я тоже, как и большинство людей, страдал поверхностными суждениями – парень казался туповатым качком, а оказался умным и светлым человеком.

- Я потерял мою волшебную тысячу в начале марта, даже число могу назвать: 7-ое. Как будто что-то могущественное, сама Вселенная не допускает смешения этих сословий, поддерживает такой своеобразный порядок, что ли... Я покупал букет для тёти, хотел подарить с утра, я в кои-то веки не работал на праздник и думал, что сразу ее поздравлю – она тоже была дома, после выходных собиралась улетать в первую свою командировку после приступа.

- После работы я зашёл в цветочный магазин, цены, конечно, уже взлетели перед праздником, но меня это совершенно не беспокоило в этом году, такой кайф! Народу там было полно, все толкались, магазинчик был небольшой, и почти всё его пространство занимали отгороженные стеклом

холодильники для цветов. Я тоже прилип к свободному месту около стеклянной стены и начал выбирать. Тётя моя не любит огромные букеты, ну, то есть, любит много цветов, но чтоб без рулонов бумаги, фольги и бантов. Я присмотрел тюльпаны – по-моему, лучшие цветы для 8-го марта и традиционные, мне понравились ярко-розовые, крупные, на высоких ножках. Их было много, огромные вазоны с этими тюльпанами стояли за стеклом, так что я не боялся, что мне не хватит, поэтому не нервничал и не суетился, спокойно занял очередь. Я решил купить ей штук 15, это было больше тысячи, так что я думал заплатить картой, благо, там уже собралась нормальная сумма, благодаря моему открытию. Женщина впереди купила белые розы для матери, мне стало грустно, я-то свою уже 10 лет не могу поздравить... Хорошо, хоть тётка есть, она, конечно, не заменила мне мать, я ведь уже взрослый был, когда к ней переехал, но мне тогда всего 19 было, пацан ещё...

Он опустил голову и поджал губы, а потом продолжил, как будто стряхнув с себя прошлое.

- От той женщины меня отделял толстый лысый мужик с бычьей шеей, он держал в руках кожаную сумку, явно дорогую, и всем своим видом демонстрировал, что он человек деловой и при деньгах – куртка расстёгнута, под ней золотая цепь толщиной с 2 моих пальца, на запястье такой же толстенный браслет и перстень с огромным рубином. Выглядел он, честно говоря, как сбежавший со съёмок фильма про

братву 90-х, - Денис усмехнулся, - и когда подошла его очередь, разговаривал он так же.

- «Куколка, - наиграно обратился он к продавщице, так медленно и с нажимом произнося слова, - я забираю все розовые тюльпаны, вон те», - и он, к моему ужасу, кивнул на те самые вазоны за стеклом.

Денис скорчил гримасу и закивал:

- Это был первый знак, надо было уходить, поискать другой магазин. Но все же знают эту половицу: знал бы, где упаду – соломку бы подстелил? Я просто был удивлён и очень разочарован, это же надо: именно те цветы, которые понравились мне, да ещё и забирает их все! Полный облом. Зато, пока продавщица, явно окрылённая такими темпами продаж, пересчитывала цветы и спрашивала, как их упаковать, у меня было время выбрать для тёти другие. И если этот амбал не был посланником сверхъестественного, чтобы трепать мне нервы, и не решил бы опять купить именно то, что нужно мне, ничто уже не могло помешать мне купить цветы – я ведь был следующим.

- Пока я ждал, а ждать пришлось прилично, продавщица с трудом тащила из холодильника 2 больших вазона (этот клоун даже не попытался ей помочь), пересчитывала цветы и складывала в длинные картонные коробки, за которыми тоже ходила куда-то в подсобку, я разглядывал магазин, делать было всё равно нечего, цветы я уже выбрал – на этот раз решил взять фрезии, красивый букет, и пахнут они так

приятно. Так вот, важно то, что на прилавке возле кассового аппарата была широкая ваза с мелочью, возле неё стояла написанная от руки табличка: «помоги котикам, будь человеком». Ваза была самая дешёвая, такие продают в магазинах «Всё по 100 рублей», просто прозрачное стекло с рисунками бабочек, у нас на работе такая же, только с другим рисунком, мы там конфеты и печенье храним.

- Я ещё подумал, что держать деньги, пусть даже мелочь, вот так, открыто, в наши дни очень неразумно. Наконец, спустя вечность, продавщица закончила упаковывать цветы и подошла к кассе, бугай достал карту. Она что-то понажимала, нахмурилась, опять понажимала, пробормотала: «Да чтоб тебя!», а потом с виноватым видом подняла глаза и громко сообщила: «Касса не работает, извините. Оплата только наличными».

- Вот ещё ведь один знак, - Денис поджал губы и разочарованно покачал головой, - а я пропустил и его.

Он вздохнул.

- В наши дни наличные уже редкость, все перешли на безнал, удобно и быстро, не надо сдачу высчитывать или искать. Лицо продавщицы выражало такую печаль и раздражение, что мне ее в тот момент стало на самом деле жалко – вполне могло быть, что из-за поломки терминала ее огромные продажи сорвутся. Я, например, не сомневался, что этот «браток» не найдёт столько наличных и свалит, а я всё-таки куплю розовые тюльпаны.... Ха! Я ошибся.

Парень ухмыльнулся.

- Картинно протянув: «Да ё-моё», он опять достал бумажник и стал рыться в нём, а спустя минуту выложил 3 пятитысячника и ещё какие-то купюры. Нехило так! – Денис прищелкнул. – А вот несколько человек вышли из очереди и покинули магазин, видно, у них не было наличных.

- Но я не растерялся, у меня ведь была волшебная тысяча, фрезии как раз укладывались в эту сумму. Когда амбал отошёл от кассы и начал выносить коробки со своими тюльпанами, пришла моя очередь. Вот тогда-то всё и случилось.

Денис грустно вздохнул, зажал ногами сложенные руки и продолжил:

- Я сказал, какие цветы хочу, она принесла мне букет, завернула в обычную прозрачную плёнку, она пыталась сосватать мне цветную бумагу, банты и всё такое, но тётя это не любит, так что я повторил, что хочу самую простую упаковку. – Парень не сдержал улыбку, - наверняка она подумала, что я жмот.

- Я протянул ей мою волшебную тысячу... всё случилось так быстро! – Он тряхнул головой. – Она ее взяла, открыла кассу и отсчитала мне сдачу – 15 рублей, я вижу эти монеты каждый день, даже когда чем-то занят, они стоят у меня перед глазами: груда мелочи по 2 рубля и 1 рубль. «Последние выскребла, - покачала головой она, - беда сейчас с наличными. Держите», - и она протянула мне полную ладонь монет.

- Наши руки встретились над вазой с мелочью, - лицо пар-

ня светилось от прожитых заново эмоций, - я подставил свою ладонь, гораздо большую, чем ее, она начала пересыпать мелочь... и сам не знаю, как, но одна монета, этот долбаный рубль, выскользнул между большим пальцем и ладонью и упал прямо в чашку с мелочью «для котиков».

Он надул щеки и с шумом выпустил воздух.

- Ох, что я пережил! Я едва не заорал! Хотя вслух очень даже громко воскликнул что-то вроде: «Нет! Только не это!», точно не помню, я был просто в шоке от ужаса. Может, я говорил что-то ещё, в тот момент мне было вообще всё равно, кто меня видит и слышит и что подумает. Я забыл, что там были ещё люди, кроме меня, я сжал оставшиеся монеты в кулаке, вторая рука метнулась в вазу с мелочью. Мне кажется, я точно видел, какая монета упала, я схватил ее, лихорадочно думая про себя: всего секунда, она была там всего секунду, так, может быть...?

- Оставшиеся в магазине люди наверняка тоже замерли от удивления, мы все привыкли к неадекватам, но, когда сталкиваешься с ними так близко, например, в одной очереди, это совсем другое, это как в первый раз. – Парень усмехнулся. – Я и был похож на фрика: что-то вскрикнул, потом вообще полез в вазу с чужими деньгами... Откуда-то издалека, краешком сознания я услышал, как продавщица удивлённо и возмущённо вскрикнула: «Вы что делаете? Молодой человек...!». Я вытащил свой, как мне казалось, рубль, повертел перед глазами, сам не знаю, зачем, потом быстро убрал его в

карман джинсов, остальные монеты из второй руки пересыпал в другой карман и только тогда осознал, что я в магазине не один, что я рылся в вазе с мелочью... Кровь так ударила мне в голову, что ощущения были, как будто моя голова раскалилась и раздулась, я вдруг увидел, что все смотрят на меня, кто-то с откровенным страхом (молодая женщина с бледным лицом и ярко-розовыми губами), кто-то с насмешкой, а большинство – с осторожным любопытством. Зеваки! Я-то хорошо знал все эти выражения лиц, а вот теперь сам стал героем идиотского шоу для зевак.

- «Я взял только свой рубль, – сообщил я продавщице, которая с возмущением и испугом смотрела на меня, уперев руки в бока, - он мне нужен». Я понимал, что выгляжу полным придурком, но мне было почти всё равно, меня больше волновало то, разрушилась ли магия купюры или мне повезло? Ну, знаете, как в детстве, когда роняешь еду на пол, надо очень быстро ее поднять и сказать: «Что лежало меньше 5 секунд – упавшим не считается»? Вот на такую детскую магию в тот момент я и полагался.

- «Забирайте свои цветы, - она как-то боязливо подвинула ко мне купленные фрезии, они лежали на стеклянном прилавке. – Вообще-то, это ваза для пожертвований». Я быстро взял свой букет: «Я знаю, - кивнул я, пятясь к выходу, дурацкая ситуация, все смотрели на меня, как на дурачка, влипшего в очередную смешную передрагу, - я ничего не украл, только забрал свою сдачу».

- Я уже добрался до двери, среди покупателей пошли шепотки, смешки, кто-то тихонько сказал: «Ну и жмот!», кто-то предположил, что я псих. Это, конечно, было неприятно, но меня в тот момент больше заботила моя купюра, я выскочил на улицу и быстрым шагом пошёл подальше от этого проклятого магазина, когда отошёл на приличное расстояние, остановился у края тротуара и пересыпал монеты от сдачи в мой волшебный кошелёк, достал тот самый рубль, повертел в руках... я не знал, что с ним делать, положить к ним или уже бесполезно? Но ведь он – тоже часть той тысячи, хотя он смешался на несколько секунд с другими деньгами, а этого делать нельзя... В общем, послед долгих и трудных раздумий я соединил все монеты.

Денис задумчиво уставился на сложенные на коленях руки.

- Хотя в тот момент я почувствовал, каким-то образом душой понял, что магия ушла. Не могу это объяснить... Ха! Как будто всё, что с мной произошло, можно объяснить!

Он грустно улыбнулся.

- Я шёл домой, не видя ничего вокруг, на душе было тяжело, такое сильное чувство потери придавило меня. Я ведь потерял не только источник бесконечного дохода, я потерял свои мечты, дорогу к ним, возможность однажды воплотить их в реальность. Без этой тысячи все мои мечты о доме и свободе из планов опять становились мечтами, фантазиями, недостижимой морковкой перед носом мула.

- И горькая, тоненькая надежда на то, что купюра вернётся, что я быстро достал монеты из вазы, что бОльшая часть сдачи всё же не смешивалась ни с чем – она была даже хуже отчаяния и хуже чувства потери. Не знаю, почему, может, потому, что откладывала неизбежное, мешала мне пережить эту незаметную никому трагедию и жить, как жил раньше.

- Дома тётя готовила что-то для завтрашнего праздника, я даже не услышал, что она мне сказала, сразу пошёл в комнату и закрылся там. Я сжимал кошелёк с монетами и молился, сам не знаю, кому, потом положил его в ящик прикроватного столика, как обычно. Надо чем-то себя занять, говорил я себе, я же так с ума сойду... но мысли всё равно были только о произошедшем и о кошельке.

- Первый раз я заглянул в него через 15 минут, больше вытерпеть не смог, ругая себя последними словами. Это напомнило мне тот раз, когда я положил деньги на карту и ждал, вернётся ли моя тысяча после этого... тогда она вернулась, тогда была надежда, а сейчас...

- В кошельке ничего не изменилось, - скривил гримасу Денис, - как не изменилось ни через час, ни через бесконечных 5 часов, ни утром следующего дня. Я поздравил тётю, подарил ей эти злосчастные фрезии, изо всех сил стараясь делать нормальное лицо, а то оно напоминало маску скорби. Она заметила, разумеется, мы всё же много лет уже жили бок о бок, я соврал, что был неприятный вызов на работе, мертвецы и всё такое, сказал, что это не тема для празднич-

ного утра.

Надо же, как столкновение с необъяснимым делает нас всех врунами, подумал я, мы все ввали окружающим и даже себе, что ничего не произошло, что нам показалось, что это была не полная картина или неправильно поняты факты, выражаясь словами Юры... А может, все мы, люди - просто по природе своей вруны, врущие так много и так обыденно, что уже не замечаем этого, и только на таком ярком и неординарном фоне, как сверхъестественное событие, наше вранье тоже становится таким же ярким и заметным.

- Пока мы пили чай с тётей, я всё время думал о кошельке, - продолжил Денис, - я просыпался среди ночи раза 3 точно и каждый раз проверял кошелёк. Но он оставался пустым и на момент, когда я проснулся окончательно. Было трудно улыбаться и делать вид, что всё хорошо, я к такому не привык... я могу не паниковать и сохранять самообладание в опасных ситуациях, могу рисковать собой ради спасения пострадавших, но вот притворяться, лицемерить – нет, это не моё.

- Где-то в 11 к тёте пришла подруга, и я наконец смог убежать к себе. – Денис вздохнул. - Купюра не вернулась, в кошельке всё так же лежали монеты от вчерашней покупки. Обычно на праздники я работаю, но сегодня у меня не было уважительной причины не поздравить лично бабушку и подругу. Я взял кошелёк с собой, заглядывал туда как минимум 2 раза в час, но и вечером, когда я вернулся домой, там ничего не изменилось. Тётя собирала вещи – завтра она уез-

жала в первую командировку после больничного, она спросила, не заболел ли я, а то чего-то бледный. Да, знала бы она, что я переживал...

- Вторую ночь я почти не спал, просыпался и проверял кошелёк, уже мысленно смирившись с тем, что моё чудо ушло навсегда, потеряно из-за дурацкой случайности. Утром, когда прозвонил будильник, кошелёк так же был без волшебной тысячи. Тётя ещё спала, я вышел в кухню, там стоял букет фрезий, как поганое напоминание о том, что стало причиной моей потери. И в ту секунду, честное слово, я возненавидел этот букет, был близок к тому, чтобы разорвать эти цветы руками на мелкие ошмётки, растоптать, изрезать ножом...

- В тот день я уже реже проверял кошелёк, неизбежное принятие пришло, и теперь мне предстояло пережить это ещё раз, уже без той тоненькой надежды. Шли дни, купюра не вернулась, я убрал кошелёк в шкаф, закопал в вещи, сам не знаю, почему, может, как память о том, что это правда было. Я так привык полагаться на эту купюру, что испытывал буквально физический дискомфорт от того, что трачу деньги, а они не возвращаются. – Парень грустно усмехнулся, - к хорошему быстро привыкаешь, не зря так говорят.

- Ну, и в финале моей истории добавлю ещё парочку крайне странных фактов. Однажды ночью на дежурстве я лежал на койке в одной из комнат, ребята вокруг храпели, кто-то сидел в кухне, всё как обычно. А я не спал, просто лежал в

темноте и думал о пережитом. Я думал о купюре и о том, что это было, почти постоянно, хотя уже практически перестал проверять кошелёк – какой смысл, итак было понятно, что волшебство ушло. Я точно помню ход мыслей. Шёл дождь, середина марта, холодно, я лежал и думал, что в такую погоду очень не хочется ехать на вызов и копать в мокрой грязи под холодным дождичком, нам как раз днём привезли новое оборудование – дроны и камеры на гибких тросах, чтобы самим не лазить в трубы или на крыши, но пользоваться не дали – сказали, ждать представителя завода-изготовителя, мол, он проинструктирует, всё расскажет, и тогда будете пользоваться, чтобы не сломать новые игрушки сразу.

Денис усмехнулся.

- Как будто мы дебилы или дети малые. Ну да, лучше уж в дождливую ночь спасатель ещё разок полезет в коллектор или заброшенный дом, чем новая техника. – Он фыркнул и продолжил, - и вот тут сложились два кусочка паззла: ливневый коллектор и официальный представитель производителя, который должен дать инструкции к своей технике и, если что, заниматься ее обслуживанием. Я встретил того странного мужичка в коллекторе, и он дал мне нечто гораздо более удивительное и сложное, чем любая техника... Бинго!

Денис слегка хлопнул в ладоши и улыбнулся.

- Я резко сел на кровати. Почему эта простая мысль не пришла ко мне сразу? Не пришла раньше? Мне надо было найти моего поставщика чудес и спросить у него, что это бы-

ло и можно ли как-то исправить вышедшую из строя вещь. Да, я нарушил инструкцию по эксплуатации... но, может, он хотя бы знает, как *это* починить.

Денис тут же поспешил добавить:

- Нет! Я не собирался клянчить у него новую или предъявлять претензии, упаси бог! Просто меня вдруг осенило, что я могу получить ответы у того, кто дал мне эту волшебную вещичку. И я ведь реально мог его найти – мы отвезли его в больницу, там его оформили... а у нас там уже все знакомые, так что я мог узнать имя, адрес, телефон.

Парень выставил ладони вперёд, как будто предвидя осуждение.

- Да, это незаконно, и личные данные запрещено раздавать третьим лицам... но вы ведь и сами здесь живете, так что сами всё прекрасно знаете. И я ведь не маньяк и не мошенник, просто мне вдруг стало крайне необходимо найти того странного мужичка и спросить, что это было, и что он вообще может мне об этом рассказать. Странно, что я не додумался до этого раньше, вот правда, странно.

- И опять я еле дождался утра, - усмехнулся он, - не скажу, что у меня вспыхнула надежда вернуть мою купюру, нет, я понимал, что это уже наглость, а наглость мне всегда была противна, скорее я сгорал от любопытства и возбуждения – это ведь было настоящее приключение!

- Я помчался в больницу, не веря, что на самом деле делаю это, а в голове билась мысль: сегодня, всё может решиться

уже сегодня! Что именно? Да я и сам не знал, но от осознания того, что я вполне мог на самом деле уже сегодня найти того мужичка и получить какие-то ответы, меня просто лихорадило.

- В приёмном отделении в тот день оказалась очень приятная девушка, в этом мне повезло, конечно, я бы получил, что хотел в любом случае, просто с ней это было быстрее и приятнее. Она, конечно же, спросила, зачем мне его данные, и я снова соврал: сказал, что у него из кармана выпала визитница, когда мы его везли в больницу, а мне всё некогда было занести, и вот я наконец нашёл время. Она назвала меня святошей и стала рыться в компьютере, какое счастье жить в такой удобный век технологий! – Засмеялся Денис, почти все согласно закивали.

- Она назвала мне имя: Лисин Леонид Игоревич, дала адрес. Я достал телефон, решил найти улицу по карте прямо здесь, так мне не терпелось. И улица была мне незнакома, наверняка в другом районе, наш-то я весь излазил вдоль и поперёк. Я открыл приложение набрал «ул. Горшочная 78»... Навигатор выдал: «По вашему запросу ничего не найдено». Я в недоумении уставился на экран смартфона, хорошо, что я не успел уйти – я показал девушке-регистратору результат, спросил: она точно продиктовала мне адрес? Она тоже удивилась, придвинулась к монитору, ещё раз медленно прочитала данные, а потом жестом пригласила меня за стойку и посмотреть. Я не стал отказываться.

Денис задумчиво поджал губы.

- И в самом деле, там было написано: «ул. Горшочная 78», имя то, какое она мне назвала, и паспортные данные. Да уж... я решил идти до конца, сфоткал экран компа на телефон, поблагодарил ее и сказал, что спрошу у знакомого в полиции. Она сидела с большими глазами, в них явно читался испуг. Я поспешил ее успокоить, что ей ничего не будет, я вообще могу соврать (да, теперь это так легко у меня получалось), что он сам назвал нам свои данные.

- Я уже было собрался уходить, но вдруг мне показалось важным спросить: «Может, ты помнишь, у него при поступлении был паспорт?». Обычно у людей никогда нет с собой никаких документов, ну, кроме прав, если они водят, у того толстячка машины не было, по крайней мере, я не видел, и мне стало интересно, какие документы он показал... почему-то у меня возникло сильное чувство, что я никогда не найду улицу Горшочную, потому что ее нет.

- Девушка задумалась, я вообще-то и не надеялся, что она вспомнит, это было почти 2 месяца назад, а тут каждый день такой поток людей... но она вспомнила, ее лицо прямо осветилось: «Да! – Воскликнула она, кивая головой и улыбаясь, - я вспомнила! Это был очень милый и какой-то немного мультяшный старичок, ну, не совсем старичок, не знаю, как сказать». Она захихикала, сморщив носик, и стала похожа на школьницу: «Он мне напомнил гномика из мультфильмов. И лицо такое серьёзное, но почему-то от этого становится

смешно, как будто он сейчас начнёт так комично и безобидно ворчать». Точно, это был он, я бы описал его точно так же. Я уже хотел повторить свой вопрос, но она продолжила: «Никаких документов у него, конечно же, не было, сам знаешь, никто не планирует провалиться в люк и попасть в больницу. Зато в этот же день к нему пришёл какой-то родственник, я почти уверена, что брат, так они похожи – такой же смешной старичок с пузиком, седой бородкой и торчащими волосами, он принёс его паспорт и вещи. Я почему запомнила: кроме того, что они были так похожи, у этого его «брата», так скажем, под курткой был такой прикольный свитер с гномом, который держит в руках новогоднюю конфету, ну, знаешь, такую, в форме красно-белой трости. Я ещё подумала: как мило, такой забавный старичок, и в новогоднем свитере – ну просто настоящая милота!». Ну не странно, а?? Такой же на вид персонаж и тоже с гномами на одежде... Я не стал рассказывать ей о том, из-за чего, собственно, и произошла со мной эта история – о тех трусах с горшочками с золотом и гномиками, но у меня лично крепло ощущение, что прямо у нас под носом существует какой-то другой мир, мир чудес, и совершенно незнакомых нам законов, и неведомых существ.... Это пугало и так, не знаю, окрыляло и манило, что ли.

Денис поднял свою чашку, заглянул в надежде увидеть там хоть ещё один глоток, разочарованно поставил обратно на столик.

- Я меня голова шла кругом! Я сам стыдился своих мыслей, но куда их деть не мог: неужели мне встретился настоящий... гном из сказок? Что-то похожее? Люди ведь не зря вплетали их в своё творчество, они, видимо, были когда-то частью обычной жизни... какие-то такие существа, которых мы называли гномами и наделили их чертами, которые сами в них разглядели. А потом, наверное, какие-то реальные события покрылись толстым налётом выдумок и преувеличений, так всегда бывает со всеми историями, даже с обычными бытовыми – наши умершие родные со временем начинают казаться чуть ли не святыми, идеальными, начинаешь вроде бы точно помнить даже то, чего в них никогда не было и чего они никогда не делали и не говорили.

Он вздохнул и тряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания, наверняка о матери, подумал я.

- В общем, купюру я потерял, зато приобрёл невероятное приключение – мне теперь просто необходимо было удостовериться, что ничего я не найду ни по адресу, ни по паспорту. И это подтвердит и докажет мои дикие предположения... Хотя, у меня в руках была тысяча, которую я мог бесконечно тратить – о чём я вообще говорю?!

Денис так комично выпучил глаза, изображая крайнее изумление, что все улыбнулись, а Диана даже робко захихикала.

- По дороге из больницы домой я вспомнил свой сон: гном протягивает мне горшочек с золотом... Всё складывалось.

Да, я знаю, как это звучит, и любой здравомыслящий и обычный человек размазал бы мою дырявую логику и теорию в целом... но только обычный человек не получал в подарок купюру, которая образовывалась в кошельке снова и снова, так что обычная логика стала пустым звуком и потеряла силу. Я как будто оказался по другую сторону зеркала, и тут правили свои законы, а наши законы были смешными байками.

- Я написал знакомому из полиции, на такой работе завязываешь много полезных знакомств, я ведь не просил ничего опасного – у меня были данные паспорта, я попросил его пробить. Он, конечно же, спросил, кто этот человек и зачем мне данные о нём, и да, я опять соврал, это мне далось ещё легче, чем врать регистраторше. Я сразу успокоил этого товарища из полиции, сказал, что я спас того, кого прошу найти, это точно не террорист, это обычный дедок, просто адрес показался мне странным, я такой улицы не знаю, вот и прошу поискать в базе.

- Тот парень тоже удивился, сказал, что исколесил, как ему казалось, весь город, каждую улочку и подворотню, но такой улицы тоже не знал. Я к тому времени уже почти добрался до дома, теперь каждую минуту поглядывая на телефон – ждал ответа от моего полицейского, я поспорил сам с собой, что он тоже не найдёт ни такую улицу в нашем городе, ни такого человека вообще. Был уже вечер, мой знакомый тоже ушёл с работы, так что ему пришлось звонить коллегам,

уж не знаю, что он им наплёл, меня это не волновало, я ждал результата, и ждать пришлось дольше, чем я думал.

Денис сделал паузу.

- Телефон наконец завибрировал, когда я подошёл к подъезду, я аж вздрогнул, так был пропитан адреналином. Я очень надеялся, что это не какое-нибудь сообщение от друзей или просто уведомление. Нет! Это был мой полицейский, причём, он звонил – у меня телефон на беззвучном, только вибрация, так что я увидел, что это не сообщение, только когда выхватил его из кармана куртки. Звонит – значит, там точно что-то необычное... и я не ошибся. Голос у него был серьёзный и заинтересованный, он сказал, что пробил паспорт, и мне не показалось: такой улицы в нашем городе нет. А самое интересное: такого паспорта тоже нет, как и такого гражданина. Ха-ха! Ну, что я говорил!

- Он тут же нагородил теорий о том, что это наркоторговец, или отец какого-то крупного бандита, или старый преступник, давно залёгший на дно. Я знал, что это не так, но соглашался и поддакивал, а что мне ещё оставалось? Я получил, что хотел, и у меня, в отличие от моего знакомого, оставалась одна зацепка – тот люк. Это, естественно, ему тоже знать было не нужно.

- Никого искать полиция не собиралась – не было серьёзной причины, этот загадочный мужичок не совершил ничего противозаконного, кроме того, что дал поддельный паспорт в больнице, он был пожилой, и всем было наплевать.

Я это только приветствовал. Даже спросил этого знакомого: его будут искать, ему что-то грозит за паспорт? Я не сомневался, что вся полиция мира не найдёт этого гнома, уж так я его называл теперь, но всё же не хотел его подставлять... сам не знаю, не хотел навлекать на него неприятности. Мой знакомый фыркнул, и сказал, что пока он кого-нибудь не убьёт или не ограбит и не засветится – «никому он нафиг не нужен, уж простите».

- Я стоял возле подъезда, было уже темно, любопытство и возбуждение требовали пойти к тому люку... но я не сошёл с ума, я понимал, что в темноте там делать нечего. Да и что я там собирался искать? Я сам не знал. Просто это была единственная ниточка, скорее всего, ведущая в никуда, но я уже не мог просто оставить это и жить дальше – я должен был поставить точку, какой бы она ни была.

Денис улыбнулся и покачал головой.

- К люку я смог попасть только через 2 дня, 2 до-о-олгих дня, когда я ощущал нечто вроде зуда в недоступном месте. – Он приложил ладонь к лицу, палм-фейс, как говорит молодёжь. – А потом у меня был выходной, и я, едва продрал глаза, побежал к тому люку.

- Мой выходной пришёлся на середину недели, то есть, у всех остальных это был рабочий день, и это меня радовало. Когда я добрался до того ресторана, было около 9 утра, основная масса уже была на работе, в том проходе, который вёл от ресторана к железной дороге, ходили редкие прохожие,

в основном спешащие студенты. У меня сердце выскакивало из груди, я так нервничал, хотя не мог объяснить себе, почему. Мне даже начало казаться, что я встречу ту девочку-подростка с розовыми волосами, которая тогда заметила упавшего в люк гнома, она меня узнает и спросит, что я тут делаю... Бред, я знаю, но нервы и не такое дают.

- Я медленно шёл по дорожке, и как только мимо меня прошла единственная дамочка с огромной сумкой, я тут же свернул в зелёную зону, отделяющую овраг от ресторана. Листьев ещё не было, это ж было вот, совсем на днях, и мне было так некомфортно, как будто я вор, вломившийся в магазин в самом центре посреди рабочего дня – из ресторана ведь меня тоже могли видеть. Но у меня была цель, и она была сильнее комплексов. – Денис усмехнулся, - я уже на подходе увидел, что крышка люка на месте... А чего я ждал? Не знаю, но почему-то это вызвало во мне разочарование и даже какую-то злость. Я настроился на приключение, хотя умом понимал, что мне просто не на кого злиться, да и имею ли я право вообще на злость в такой ситуации: сам себе придумал, сам поверил, сам разочаровался – так на кого злиться??

- Но мне всё же не хотелось, чтобы моё волшебное расследование заканчивалось так быстро и так скучно. Я подошёл к люку, крышка плотно стояла на месте, широкая, я даже не представлял, сколько человек понадобится, чтобы ее сдвинуть, а, тем более, вообще отнести от люка в сторону, как в тот раз. Я наклонился, понимая, что на меня сейчас могут

смотреть любопытные глаза из ресторана или какой-нибудь бдительный прохожий, но остановиться уже не мог. Я попробую и уйду, думал я, и больше сюда не вернусь, так какая разница, кто что подумает?

- Скажу сразу: я вернулся. – Денис загадочно улыбнулся. – А в тот день, да, как я ни пытался, я не смог сдвинуть крышку ни на сантиметр. Хотя, я ведь на самом деле и не собирался ее сдвигать, это просто очередное бессмысленное действие, игра, в которую я играл сам с собой. Моя знакомая, ну та, психолог горячей линии, говорит, что взрослые делают так ничуть не меньше, чем дети.

- В общем, я ушёл в тот день с каким-то разочарованием и облегчением. Всё, эта история закончилась, совсем закончилась, пора было отпустить и жить дальше. Жизнь – слишком непредсказуема, говорил я себе, пока медленно шёл пешком по опустевшим после утреннего часа пик улицам, никому не удаётся подчинить ее своей воле, она сама налетает как ураган и приносит что-то или забирает. Я ничего специально не делал, чтобы в тот день вытащить именно того мужичка из люка, я понятия не имел, что он подарит мне такую волшебную вещь... и точно так же я не смогу всё вернуть или найти его след, как бы ни старался.

Денис задумчиво потёр подбородок.

- Степа, мой товарищ с большими знаниями о карме и Законе притяжения, точно был сказал, что, как я только отпустил и перестал создавать сопротивление – Вселенная тут же

исполнила моё желание. Ну, хотя бы его часть.

Он снова одарил нас загадочной улыбкой.

- Вечером мне позвонила подруга, и так как завтра у меня опять был выходной, предложила поужинать... Ха-ха! Именно в том ресторане! Она работала недалеко, сказала, что сможет уйти пораньше и хочет пойти именно туда – коллеги хвалили там кухню. Да уж, что я говорил? Жизнь вообще не просчитываемая стихия.

- Я сидел за ужином, как на иголках, без всякой причины, и сам злился на себя за это. Мне не терпелось взглянуть на этот люк, он ведь был всего в нескольких метрах от меня, но я его не видел – окна зала выходили на другую сторону, люк могли видеть только из служебных помещений. Как-то одержимость, прямо! Причём, я отдавал себе отчёт, что не должен думать об этом, и вообще, пора оставить всё это позади и жить дальше... Но мысли мои снова и снова возвращались к тому люку. Может, крышка снова открыта? Может, этот гном или его «брат» сейчас там, прячут свои сокровища в той трубе, что вела под железную дорогу? А если и так, что **я** собирался делать??

- Короче, я изо всех сил боролся с собой, чтобы присутствовать в ресторане не только физически, - усмехнулся Денис. – Кажется, получилось – подруга болтала без остановки, а я умудрялся кивать и задавать простые вопросы вроде: «Правда? А ты что?» впопад. Мы засиделись дольше, чем планировали, она всё не могла наговориться, мы хотели ещё

погулять по городу, но было уже поздно, нам обоим завтра надо было на работу, так что я посадил ее на такси у входа в ресторан. Представьте, я радовался, что мы не пойдём гулять по весеннему городу, потому что теперь, когда она уехала, я мог пойти посмотреть на люк... ну, раз уж я все равно там... Точно, как одержимый.

- Было уже темно, свет фонарей и окон задней стороны ресторана делали овраг и зелёную зону каким-то зловещим местом, но остановиться я уже не мог. По дорожке мимо ресторана шло довольно много прохожих, как раз многие закончили работать, сейчас меня это даже радовало, почему-то присутствие людей успокаивало. Я задавал себе вопрос: а что я собираюсь делать, если вдруг люк будет открыт?? Ответить я не успел, даже при таком освещении я уже увидел, что люк открыт...

Денис замолчал, вздохнул, провёл пальцами по коротким волосам.

- Это самая жутковатая часть моей истории и последняя. С гулко бьющимся сердцем я подошёл к люку на ватных ногах, как будто двигался уже не сам, а по инерции. Огромная чёрная дыра пугала, она казалась мне могилой. И сам факт, что эта тяжеленная плита опять была отодвинута, как будто весила пару кило, это пугало. Тем более, я же был здесь вчера, плита была на месте, даже не сдвинута, и я не смог ее ни на миллиметр приподнять или сдвинуть... Кто это делает? И зачем??

- Мне реально стало страшно, но и любопытно. А я из практики знаю, что, когда страх вступает в борьбу с любопытством, чаще побеждает второе, так уж мы устроены на наше несчастье... или наоборот, именно поэтому мы сейчас не живём в пещерах и не приносим жертвы какому-нибудь богу грома. В общем, я отдавал себе отчёт, что собираюсь сделать очень тупую вещь, я сам ругаю последними словами такие поступки у тех, кого мне потом приходится спасать... но, как я уже сказал, остановиться я не мог.

- Я дошёл до люка, решил, что просто загляну, ничего больше, хотя прекрасно осознавал, что вру сам себе. Я заглянул, света от ресторана и фонарей на переходе через железную дорогу хватало на половину лестницы, той самой металлической лесенки, по которой я уже однажды спускался. Дальше была темнота.

Денис усмехнулся и покачал головой.

- Я не успокоился, достал телефон и посветил вниз – ничего. А что я ожидал там увидеть? Фродо в компании Гимли?

Среди гостей слышались смешки, в наши дни, наверное, почти не осталось тех дремучих, кто не смотрел хотя бы один фильм про приключения отважного хоббита.

- А дальше... что тут скажешь, я совершил глупость, ожидаемую, но от этого не менее глупую. – Денис поджал губы, но всё равно было видно, что ему и неловко, и смешно одновременно.

- Я полез вниз. Телефон с включённым фонариком поло-

жил в карман джинсов, куртка у меня была короткая, так что как раз удобно получилось. Я лез и сам не верил, что делаю это, если бы меня сейчас увидел кто-то из моих коллег – позора было бы столько, что лучше уволиться. Но я всё равно спускался в этот люк, даже заготовил легенду на всякий случай, я же спасатель, нас учат всегда страховаться. У меня с собой было удостоверение, я всегда его ношу, привычка. Так вот, я решил, что, если вдруг что, ну, кто-то поинтересуется, за каким чёртом я в темноте полез в открытый люк, я отвечу, что я спасатель, покажу «корочку» и скажу, что услышал там котёнка или щенка. А что вообще я собирался там делать на самом деле – я ещё и сам не решил. Может, просто посвечу фонариком в ту трубу, увижу, что там нет ничего, кроме грязи, и, ругая себя последними словами, пойду домой.

Парень замолчал, улыбка сошла с его лица, теперь оно стало серьёзным и напряжённым.

- Едва моя нога стала на бетонный пол коллектора, я сразу почувствовал, что тут что-то не то. Мне стало как-то тревожно, я как будто явно ощущал, что я тут не один. Темнота внезапно стала враждебной, хотя я в жизни не боялся темноты, даже маленьким. Свет наверху казался далёким и таким родным, спасительным. Я достал телефон из кармана и замер, не решаясь повернуться лицом к огромному чёрному тоннелю трубы. Я вдруг понял умом, какую глупость совершил, вдвойне непростительную, потому что я не безмозглый подросток и не фрик, ищущий приключений. Здесь же могло

быть что угодно! Собирище наркоманов, неадекватных тинэйджеров, здесь мог прятаться настоящий маньяк... И это было вполне обычное земное зло, которое я видел каждый день.

- Но там было что-то другое, что-то необычное, не наше. — Задумчиво продолжил Денис. — Я чувствовал это душой, телом, я просто знал, что я здесь не один, кто-то же ото-двинул эту неподъёмную крышку, а я вторгся и помешал. Я чувствовал себя лишним, раздражителем, нежеланным пришельцем... я ведь тоже не любил зевак, а сейчас сам стал таким вот непрошеным посетителем.

- Я медленно обернулся, держа телефон перед собой, как оружие, свет упал на текущую воду в открытой трубе между двух «берегов», а на том берегу чёрной дырой зияла та труба. Неужели я правда здесь? Неужели серьёзно собрался заглядывать туда?? И что я там рассчитывал увидеть? А может, лучше вообще ничего не видеть, вдруг понял я, вот что значит: иногда лучше не знать?

- Я поднял телефон повыше и слегка наклонился вперёд, чтобы осветить ещё немного той трубы, что уходила под рельсы, но не сдвинулся с места, почему-то я твёрдо решил, что ни шагу не сделаю к той трубе, ни-за-что.

- Это не помогло, свет выхватил лишь заваленный размокшими листьями и грязью вход в трубу... И вдруг я совершенно чётко услышал, как кто-то дышит там, в темноте!

Молоденькая блондинка ахнула и прижала ладонь к губам, хипстер Артём так комично выпучил глаза, что мне ста-

ло смешно, я вообще наслаждался этим вечером, мы как будто были в лагере, травили байки у костра... только пламя этого костра было фиолетовым, а все байки – прожитым нами опытом.

- Я буквально окаменел от ужаса, даже не смог дышать, просто замер, таращась в тёмный круг передо мной. Доигрался, идиот - вот такая мысль прорвалась через этот шок и паралич. Я понимал, что этот кто-то вполне мог быть и... ну, как бы это сказать... а, ладно, скажу, как есть: я думал, что тот, кто дышит там, в темноте, не из нашего мира. После того, что я видел и что пережил, такая мысль уже не могла казаться странной.

- Несколько секунд, наверное, я простоял в тишине, как каменная статуя. Я понимал, что надо бежать отсюда, уносить ноги, пока ещё могу... Если есть какие-то существа, типа гномов, то есть наверняка и другие, страшные и злобные. И вполне вероятно, что там, в этой трубе, сейчас было какое-то чудовище. Я это понял по тому, как это нечто дышало: тяжёлое сопящее дыхание, это точно был не человек. Да и на собаку не похоже, я же собак всю жизнь вижу.

- Так вот, мне показалось, что я так стоял вечность, но на самом деле не больше пары секунд, а потом тишину нарушило ещё более громкое тяжёлое дыхание с хрипотцой. Вот тут-то с меня наконец спал паралич – новая порция адреналина ударила в голову, я бросился к лестнице, всё время оглядываясь, фонарик я держал перед собой, чтобы не упасть и

найти лестницу, а когда оглядывался – светил назад. Я боялся, что это нечто вылезет из трубы, я понимал, что не смогу, скорее всего, выдержать то, что увижу... не знаю, я сойду с ума или умру от разрыва сердца. Проверять мне не хотелось, – мрачно усмехнулся парень.

- Я лихорадочно полез наверх, прислушиваясь к каждому шороху. Если бы я услышал, что это хриплое дыхание приближается, я мог окончательно запаниковать и тогда бы не спасся. Но, на моё счастье, ничего, кроме стука моих кроссовок по металлическим перекладинам, не услышал.

- Я выбрался наверх, наверное, как какой-нибудь герой фильма – с выпученными глазами и перекошенным лицом. Вокруг был привычный мир, такой родной и любимый! Шумели машины, из ресторана слышалась музыка, приближался поезд... здесь всё то, что я пережил внизу, казалось нереальным, легко было утверждать, что мне всё это показалось, что у меня разыгралось воображение и сдали нервы. Я тоже думал, что через время и сам в это поверю, мозг убедит меня, что ничего такого там не было.

- Но пока не убедил. – С лёгкой улыбкой констатировал Денис. – Я точно помню каждую секунду на дне этого колодца, и я точно помню звук этого дыхания. Я даже не хочу думать о том, что там сидело и что могло издавать такие звуки. Уже потом, быстро шагая прочь от этого люка, я подумал, что я всё же везунчик, добрая карма, как сказал бы Стёпа, я смог убежать от этого существа, я даже его не видел, спасибо

высшим силам. А ещё я мог в спешке сорваться с лестницы, точно, как тот гном, который дал мне монету – вот бы меня засмеяли и запозорили мои же коллеги... если бы я выжил, конечно.

Денис задумался.

- Уже потом, дома, в безопасности, как я надеялся, я вдруг подумал о том, что тот гном тоже мог вот так же спастись от кого-то, живущего в той трубе... А зачем он вообще туда лез? Ну, я предположил, что там он и его сородичи могли хранить свои богатства. Такие вот волшебные купюры, например. А это существо с тяжёлым дыханием могло служить естественным охранником, то есть, оно там жило само по себе, а гномы этим пользовались, чтобы прятать там свои сокровища. Если так, тогда почему оно не напало на упавшего? Не знаю, может, оно не выходило при свете дня из своей трубы? Или люди, услышавшие стоны и позвавшие на помощь, спугнули его – я думаю, такие существа очень ценят свою секретность.

- Или второй вариант: это существо было их «сторожевым псом». Мало того, что они прятали свои драгоценности в таком труднодоступном месте, так ещё и подстраховались, поселив там эту тварь. И тогда этот мужичок просто на самом деле сорвался с лестницы, когда лез вверх, закончив свои дела в трубе. Поэтому он и не пострадал от этого существа – оно было его, ручное.

- Никаких подтверждений ни одной из этих теорий я не

получил, разумеется. – Пожал плечами парень. – Я десятой дорогой обходил то место, даже в тот ресторан больше не хотел ходить. Глупо, я знаю, но мне иногда казалось, что это существо может учуять меня и... возможно, прийти за мной ночью по следу.

Денис смущённо улыбнулся и добавил:

- Мне и самому как-то стыдно это всё говорить, но раз уж мы тут делимся сокровенным... Здоровенный МЧСник боится чудища, живущего в люке, вот умора! – Парень засмеялся и закрыл ладонью лицо.

- Но ведь теперь вы знаете, что существует то, что противоречит известным нам законам мироздания, так что просто ваш мозг сделал абсолютно правильный логичный вывод: если есть волшебные купюры, то вполне могут быть и чудовища, тем более, признаки этого чудовища вы тоже могли наблюдать. – Спокойно сказала леди Роза. Все повернулись к ней, глядя на неё с нескрываемым любопытством, она говорила редко и вообще держалась особняком.

- Наверное, - благодарно улыбнулся Денис.

А у меня в голове крутилась снова и снова его фраза: «прийти за мной по следу», парень даже не представлял, насколько он прав. Только по следу не физическому, а тому, который он уже оставлял повсюду, и по этому следу мог прийти не только тот монстр из трубы, но и гораздо более страшные существа. Внезапно мне стало так хорошо от того, что сейчас я был здесь, в Клубе – здесь нам совершенно точно ничего не

грозило, никакие монстры и никакие бедствия. Эти удивительные существа, тоже нашедшие нас по Следу, защищали нас от тех угроз, о которых мы даже догадываться не могли. И в то мгновение я был так им благодарен.

- Таким образом, вы просто поступили как разумный человек. – Заключила леди Роза.

- Спасибо. – Денис смутился, кивнул, потом пожал плечами, оглядев всех нас. – Ну вот и всё. Это конец моей истории. Больше я того гнома, как я его называю, не видел, и ничего необычного со мной не случилось. Но это было, и когда мне начинает казаться, что это был сон или... не знаю, галлюцинации... я достаю, нет, не тот кошелёк с бесполезной теперь мелочью, я достаю валюту. Да-да, ту, которую купил на волшебную тысячу. Я держу ее в руках, трогаю пальцами каждый сантиметр банкнот и понимаю, что это правда было. И я правда это упустил.

- Я, или случай, - подумав, добавил парень.

На несколько секунд в Клубе повисла тишина, нарушаемая лишь треском фиолетового пламени, а потом всех нас как током ударил ее голос.

- Благодарю вас, Денис. Это удивительная история. Сейчас вы можете обсудить услышанное, но призываю вас помнить о Правилах.

И она одарила нас ледяной улыбкой голодного удава.

- Легкие деньги, деньги с неба, - проговорил Николай, наш пожилой рокер, - они легко приходят и так же внезапно ухо-

дят, так говорила моя мать. За них не надо держаться, потому что тогда они не приносят добра – их надо легко тратить на всё, чего хочется. Мне никто не дарил бесконечную тысячу или что-то такое, но судьба баловала вот такими лёгкими деньгами. И я могу сказать, что моя матушка была права на все 100.

Он приподнялся в кресле и уселся поудобнее, за время истории все мы почти не шевелились, так что тела у всех немного затекли.

- Я это к тому, - пояснил он, глядя на парня, - что не надо сожалеть. Радуйся, что судьба или случай подкинули тебе лишние деньги, они тебя здорово выручили. И ты, так сказать, приподнял занавес, отделяющий сцену нашего мира-театра от закулисья. Все мы заглянули туда так или иначе, только ты ещё и обогатился не только опытом, но и материальными благами.

- Да я и не то чтобы жалею, - пожал плечами Денис, - просто... я мог бы сделать гораздо больше.

- Вы - хороший человек с добрым сердцем, - подала голос Диана, покраснела, когда все повернулись к ней, это было видно даже при свете странного пламени в камине, но продолжила, убрав прядь за ухо и теребя пальцы. – Таких людей очень мало. Я верю, что Вселенная не оставит ваши мечты без ответа. Она уже послала вам этого... гнома? Оставайтесь собой, и я верю, что она вознаградит вас.

- Спасибо, - Денис был явно польщён такими словами, -

спасибо за добрые слова.

Блондинка опустила глаза, улыбнулась и выглядела довольной.

- А может, вы встретите его снова. — Подал голос герой прошлой пятницы Артём, - если эти существа живут здесь, бок о бок снами, кто знает, возможно, ваши пути снова пересекутся. И возможно, на этот раз он подарит вам что-то ещё.

Денис улыбнулся в ответ и пожал плечами, как бы говоря: кто знает, всё возможно. Теперь-то все мы точно знали, что в этом мире на самом деле возможно невозможное.

На этом обсуждение закончилось, как всегда оставив кучу мыслей и эмоций, но внутри. Каждый из гостей Клуба будет обдумывать и переосмысливать услышанную историю, я это знал так же точно, как и то, что проведу ночь в больнице, в нашей обшарпанной ординаторской именно за этим занятием.

После недолго паузы, убедившись, что никто больше не хочет высказаться, Мадам едва заметно кивнула и опустила голову, мы все знали, что за этим последует, а я даже знал, зачем они это делают. Громилы, стоящие вдоль стен, тоже синхронно опустили головы, и по залу прошла волна - энергия разрывала наши клетки, заполняла их какими-то слишком сильными для земных существ вибрациями. Я закрыл глаза и стиснул зубы, я уже знал, что надо вытерпеть лишь пару секунд, и это закончится... но эти секунды казались такими долгими.

- Благодарю вас за этот вечер, господа, - она подняла голову, на ней этот энергетический ураган никак не отразился, как всегда. – Этот вечер подошёл к концу. Буду рада видеть всех вас в следующую пятницу.

Гости глубоко дышали, кто-то часто моргал, я почувствовал уже знакомое ощущение, как будто, уходя, эта энергетическая волна забрала что-то с собой, что-то неуловимое, но важное. И я знал, что – След. На каждом из нас он стал меньше, а рассказчик избавился от него почти полностью.

В зале зажёгся свет, волшебство почти закончилось, и мне стало как-то грустно. Впервые мне не хотелось покидать это удивительное и безопасное место. За пределами этих стен меня ждал пропитанный тайнами и угрозами мир, где помимо стандартного (и весьма внушительного) набора несчастий вроде грабителя, автомобильной аварии, отравления или неизлечимой болезни, со мной могло случиться ещё бог знает что пострашнее. И как я мог защититься, когда даже не знал, от чего?? Вот, например, ещё пару часов назад я и подумать не мог, что в обычном коллекторе живёт какой-то монстр.

Гости потянулись к выходу, кто-то из громил распахнул двери, уходя, я бросил осторожный взгляд на Мадам. Она стояла возле своего дивана, близнецы всё так же стояли за спиной, ее ангелы-хранители. Мягкий тёплый свет бра подсвечивал ее золотое платье, казалось, она излучает свет, как настоящее светило, а не планета, отражающая его свет. От

этой красоты можно умереть, подумал я, если долго смотреть на неё, остановится сердце или взорвётся... и это будет не самая плохая смерть.

Я поравнялся с Азалиахом, поднял глаза и посмотрел на него, быстро, не задерживая взгляд. Он смотрел на меня с лёгкой улыбкой и каким-то пугающим пониманием в черных горящих глазах.

В холле нам раздали верхнюю одежду, громила-индус в ярком бирюзовом наряде по мотивам индийских одежд сообщил, что все, кто приехал не на своём транспорте, будут доставлены обратно таким же способом, но нам надо немного подождать. Двери зала мягко закрылись за нами, я с некоторой завистью смотрел на Женю, рокера Николая и даже политика – они спешили к выходу, они были сами себе хозяева. А вот я, дамы, Артём и герой сегодняшнего вечера остались в опустевшем холле, неловко оглядываясь и переминаясь.

- Обычно вы уезжаете сами, - заметил Артём.

- Да, - кивнул я, - просто сегодня я дежурю, а машину на дежурство не беру.

- А кем вы работаете? – Заинтересовался Денис.

- Я врач. – Ответил я и поднял пакет с пижамой, который мне вернули вместе с курткой. Я переоделся в машине перед тем, как выйти, похоже, придётся делать это опять. Но этот вечер явно стоил намного больше таких мелких неудобств. – Прибыл сюда прямо с рабочего места.

Все четверо одарили меня уважительными взглядами, не

буду врать, это приятно. Ради таких вот взглядов и благодарных пациентов ты и мучаешься в анатомке и бессонными ночами заучиваешь расположение всех сосудов и название всех косточек на латыни.

- Сегодня мы могли бы услышать вашу историю, - улыбнулся Денис, - когда шариков осталось всего 2, я начал нервничать, признаюсь.

- Ещё услышите, - кивнул я, ощущая какое-то внутреннее сопротивление. Я отмахнулся, ведь в данный момент это чувство не имело никакого значения. – С каждым вечером шансов на это всё больше.

- Наверное, следующей буду я, - опуская глаза, тихо говорила блондинка, все тут же повернулись к ней. – У меня такое чувство.

- Кто бы ни был следующим, - глубокомысленно заявил ваш покорный слуга, - это будет отличная история. По-другому здесь не бывает.

- Прошу за мной, господа, - дверь открылась, и с порога на нас глянул Рафаэль, просто неприлично огромный в ослепительном белом свете уличного фонаря над входом. – Я провожу вас к вашим машинам.

Он заботливо держал дверь, пока мы по одному выходили в этот слепящий свет, первой вышла леди Роза, я выходил последним, мне хотелось увидеть, куда пойдут остальные, и какие машины их ждут. Рафаэль возглавил наш маленький отряд и, как обычно, повёл нас по дорожке вдоль дома к сто-

янке, только вот гостей на ней уже не было, все разъехались. Свет за нами погас, и снова мы оказались наедине с восхитительной весенней ночью. Я вдыхал этот удивительный запах реки, молодой листвы и чистого воздуха без примесей выхлопных газов, над нами так же, как и каждый вечер, сияли звезды... звезды нашего мира? Теперь я знал, что иногда эти существа могут соскользнуть куда-то за пределы нашего измерения, захватывая нас с собой – сам испытал это по дороге сюда.

- На стоянке вас уже ждут водители, они доставят вас обратно. – Сообщил наш проводник, мы подошли к границе стоянки, дорожка здесь заканчивалась, как и волшебство ночи – прожектор, освещавший ворота и передний двор, давал достаточно света, чтобы мы могли разглядеть ряды черных машин на бетонном прямоугольнике и друг друга. – Доброй ночи, господа, и до встречи в следующую пятницу.

Мы нестройным хором поблагодарили его, и огромная фигура китайца удалилась по направлению к воротам. В свете прожектора его силуэт казался пугающим и зловещим.

- Леди, прошу за мной. – Услышал я приятный голос, я обернулся, рядом с нами стояли 5 громил, один из них с лицом супермена из какого-нибудь фильма протягивал руку Диане, обворожительно улыбаясь.

- Всем доброй ночи, - попрощалась блондинка, ее слова повторили мы все, потому что каждого из нас ждал знакомый нам водитель. Мой громила, похожий на Брэда Питта, стоял

с загадочной и какой-то задиристой улыбкой, я кивнул ему, он кивнул в ответ и предложил мне жестом следовать за ним.

Наша машина стояла в самом дальнем углу стоянки, такой же неопределённый чёрный седан, увозящий блондинку, уже выехал по направлению к воротам, Артём тоже сел в свою машину, Денис и леди Роза подходили к своим. Все машины были одинаковыми, насколько я мог видеть в таком свете. Громила услужливо открыл мне дверь, я сел в салон, там уже звучала та сама приятная инструментальная музыка. Интересно, подумал я, обратно мы поедем по обычным дорогам или опять...

- Вы можете переодеться сейчас, - сказал громила, заглядывая в салон через водительскую дверь, - как раз дадим время остальным уехать, чтобы не толпиться перед воротами. - Думаю, ваша легенда вам больше не понадобится.

И он заботливо погасил свет в салоне, ослепительно улынувшись напоследок. Я переоделся, он явно знал, что я никогда не встречу на обратном пути в свою ординаторскую. Удивился ли я? Ха! Человек привыкает ко всему, и к чудесам - тоже.

Обратно мы ехали по знакомому мне ночному городу, никаких бесконечных белых стен и рядов тополей. Дороги не были пустыми, в больших городах жизнь не останавливается с приходом ночи, но замедляется, так что пробок не было, просто обычный поток машин, и то на центральных улицах, а в Коробках мы были полными хозяевами ночи. Я был по-

гружен в свои мысли, так бывало всегда после услышанной истории, слишком много информации, слишком много впечатлений... одна Мадам и эта атмосфера Клуба чего стоили! Водитель тоже молчал, его лицо было абсолютно безмятежным, каждый из нас получил пищу для размышлений, я-то уж точно.

- Доброй ночи, господин Семён, - мы остановились ровно на том же месте, где он меня подобрал, только теперь вокруг царила глубокая ночь, больница светилась множеством окон, как корабль в тёмном океане, с холма открывался чудесный вид на улицы нашего района. – Возможно, ещё увидимся.

- Буду рад, - с улыбкой кивнул я, ничуть не лукавя, - беседовать с вами для меня крайне удивительно и интересно.

Я имел в виду не конкретно его, а их вид, так сказать. Уверен, он понял.

- Как и для нас, - кивнул он, и в глазах опять зажёгся тот озорной огонёк. Всё же он не такой, как остальные, подумал я, выходя из машины, его эмоциональная шкала явно «от другой модели».

Громила усмехнулся, увидев или прочитав мои мысли, но ничего не сказал, махнул мне рукой на прощание и почти бесшумно укатил в ночь. Почему-то я не сомневался, что, если бы я решил поехать за ним, я бы не нашёл эту неведомую чёрную машину.

Моё ночное приключение закончилось, теперь мне оставалось только незамеченным вернуться на рабочее место. Я

был абсолютно спокоен, я не сомневался, что их волшебство будет действовать строго до того момента, как я переступлю порог ординаторской. Я уже видел их в деле, а это развеивало все сомнения.

У нас на холме всегда дул ветер, и его порыв, свежий, ночной, пахнувший цветущими деревьями, подул мне прямо в лицо. Я хорошо помню этот момент, такие мгновения запоминаются на всю жизнь - когда ты вдруг ощущаешь беспричинное счастье, ощущаешь красоту мира и своё законное место в нем. Мир у моих ног (да-да, с холма мне всё виделось именно так) спал под звёздным небом, и в это же время совсем другой мир жил своей таинственной жизнью: совершались сомнительные сделки в дорогих ресторанах и самых грязных притонах; люди занимались любовью и покупали любовь на одну ночь; молодые повесы прожигали жизнь в клубах и гоняли по ночным дорогам на дорогих авто, которые им покупали родители; кто-то рисковал жизнью во имя справедливости, кто-то – во имя зла, а кто-то за них молился. Прямо сейчас кто-то сталкивался с тем самым необъяснимым, которое сломает их привычную картину мира и скоро приведёт в такой же Клуб, или в наш Клуб, но уже после нас. Я ощущал это дыхание Вселенной, огромное пространство, бесконечность, наполненную самой разной жизнью, ночью это волшебное чувство особенно яркое и сильное, может, потому, что суэта и навязчивость дня не отвлекают... нас ведь так легко отвлечь ярким и пустым от большого и

значимого.

Я вдыхал этот ветер, обдувающий мне лицо, и улыбался прямо в звёздное небо, я знал, что надо мной тысячи звёзд, хоть и не мог их видеть из-за фонарей на стоянке и в больничном дворе. Теперь я точно знал также, что на свете есть очень много того, что я тоже просто не могу видеть.

Пора было возвращаться, их обещание прикрыть меня явно не распространялось на мои философствования весенней ночи. Я без всякого беспокойства бросил взгляд на будку охранника, мне было любопытно, что с ним на этот раз: опять «нашёл контент, который давно искал»? Сейчас он явно смотрел самый интересный контент и самый уникальный – охранник спал, уронив голову на грудь. Я усмехнулся и прошёл мимо него, направляясь к тому же боковому входу, через который вышел. Я больше не боялся и не переживал, что меня кто-то увидит, даже если и так, я вполне мог сказать, что выходил подышать весенним ночным воздухом. На несколько жутких секунд я забыл код от боковой двери, распереживался, что придётся идти через главный вход или искать другую лазейку, оба варианта неизбежно вынуждали объясняться с кем-то из персонала, а этого мне сейчас хотелось меньше всего. Мне вообще не хотелось никого видеть и ни с кем говорить, после такого волшебного вечера так невыносимо было возвращаться в скучную реальность. Я поднёс руку к панели с цифрами, надеясь на мышечную память (хотя откуда ей взяться, я крайне редко пользовался боковыми

входами), сделал глубокий вдох, и вдруг всё вернулось, как будто файл в моей голове разблокировался. По короткому коридору я прошёл тихо, как призрак, на первом этаже мне оставалось скользнуть на лестницу, и, считай, я спасён, ха-ха. Не знаю, действовала ли ещё их магия или мне просто повезло, потому что по ночам больница тоже замедлялась и засыпала (если не было ЧП, конечно), но я никого не встретил ни по пути на свой этаж, ни даже в коридоре нашего отделения. Здание, залитое этим ужасным сине-белым светом, было пустым и почти тихим: кто-то покашливал из-за закрытых дверей палат, где-то гудел лифт, где-то пищали приборы, чем выше я поднимался, тем тише становилось вокруг, даже в приёмном отделении было на удивление спокойно и немногочленно.

Я метнулся в дверь ординаторской, как вор, проникший в богатый дом среди ночи, свет не горел, я не включал его перед уходом, за окном чудесный вид города с высоты холма завораживал, я и решил, что остаток ночи, если ничего не помешает, проведу так. Но сначала я проверил телефон – ничего, ни звонков, ни сообщений. Рина спала, как я думал, а коллеги меня не теряли и не разыскивали, как и обещал Азалиах. Я бросил пакет с моей одеждой в шкаф, в темноте, разбавляемой светом городских огней и наших больничных фонарей, налил в чайник воду и включил его – есть мне пока не хотелось, а вот сказочный вид из окна требовал дополнения в виде горячего чая. До конца моего дежурства остава-

лось чуть больше 5 часов, я мог бы поспать, понимал, что надо поспать – меня ждала Рина, приехавшая всего на пару дней, приехавшая ради меня, вообще-то. Только вот спать мне совершенно не хотелось. Какое-то приятное возбуждение разливалось теплом в груди, одна красота весенней ночи чего стоила, а я ещё и побывал в Клубе, я заехал в какой-то параллельный мир на неведомой мне машине, управляемой сверхъестественным существом, я услышал невероятные истории и вернулся, прикрытый магией этих удивительных существ ...

- Ну и ночька! – Прошептал я, стоя у окна, этот невероятный ночной ветер врвался в ординаторскую, выдувая застарелый запах сигаретного дыма и старой мебели и заполняя комнату едва уловимым ароматом цветов. – Ха! Ну и ночька!

Чайник забурлили и отключился, я налили себе чай так же, в темноте, наслаждаясь даже тем, что могу практически на ощупь найти всё, что мне нужно – один из плюсов многолетней работы в одном месте. Поставил дымящуюся чашку на подоконник, ветер тут же начал расхищать тепло моего чая, и это зрелище на несколько секунд меня заворожило. Я снова качнул головой и усмехнулся, а потом достал сигарету и закурил, задумчиво глядя на сверкающий огнями город. Я курил и ждал, пока придёт новый день или пока придёт сон, курил и ждал, как и множество раз до этого.

Глава 16

- Смотри, а вон то - точно как лев! – Рина улыбалась и шу-

рилась на ярком весеннем солнце, над нами проплавали толстенные белоснежные облака, принимая самые удивительные формы. Вот уж простор для психоаналитиков, подумал я и не сдержал улыбку.

- По-моему, никакой не лев, а собака, - задумчиво возразил я. – Ну, или оцелот.

- Оцелот?? – Она оторвалась от созерцания неба и с недоумением посмотрела на меня. – Ты хоть знаешь, как выглядит оцелот?

- Нет, - невозмутимо ответил я с ангельской улыбочкой, - но зато ты наконец посмотрела на меня.

- Какой же ты плут и мошенник! – Засмеялась она, совершенно искренне и безобидно, я-то, простофиля, и подумывать не мог, как виртуозно она умеет притворяться. Воистину все женщины – богини актёрского мастерства. – Совершенно бессовестный тип.

- Ну, красоты мне бог не дал, так что этим и беру, - подмигнул я, и нагло ухмыльнулся.

Мы сидели в том самом кусочке красивой жизни, о которой грезят люди, собирая чемоданы для переезда в большие города. Район Серебряный Парк не зря получил своё название – здесь было много красивых мест, и все они имели довольно пафосные названия вроде Лунная Аллея или Изумрудная Долина. Парк Цветочная Симфония (да, именно так он назывался) был одним из 5 шикарных парковых зон этого богатого района, огромная территория, утопающая в зелени,

причём здесь были не только извилистые аллеи и очень редкие растения, но и дорогие рестораны, конференц-залы и даже 2 небольшие отеля с заоблачными ценами... хотя, цены тут были заоблачными на всё. Собственно, весь район больше напоминал один огромный роскошный парк, не зря же его так называли, жильё здесь стоило немыслимых денег, даже аренда была по карману только «классу господ», и, чтобы прихвастнуть, обычные обыватели говорили: «Я вот отмечал день рождения в Серебряном Парке» или «у меня сын/дочь столько зарабатывает, что собирается переехать в Серебряный Парк». Иногда мы, простые люди, тоже приезжали сюда, гуляли в этих восхитительных парках, сидели в кафешках (в них ещё можно было поесть и попить чай, не продавая почку, ха-ха) и наблюдали жизнь совсем других представителей человечества из параллельного мира, не имеющего отношения к волшебству и магии – параллельного мира богатых и беззаботных.

Конец апреля, деревья покрылись молодыми листьями, воздух был таким тёплым и свежим, без пыли и жары, птицы пели в зазеленевших кронах парковых деревьев, многие из которых были огромными, как в сказках. Мы с Риной позавтракали в кафе Диамант, я ведь обещал компенсировать ей потерянный вечер пятницы, так что мы встретились утром и отправились сюда. Полтора часа на поезде – и мы уже в другом мире, мире красоты и исполняющихся желаний. Я лишь успел забежать домой, чтобы принять душ и смыть с себя

больничную ауру, к счастью, мне удалось поспать, так что я чувствовал себя, в общем-то, прекрасно.

- Такого, значит, ты обо мне мнения, - нахмурилась она с той самой проклятой ледяной улыбочкой, - я, значит, женщина, которую можно легко завоевать обманом? А я-то думала, что ценю ум, доброту, богатый внутренний мир... м?

И она с невинным видом уставилась на меня, но в глазах сверкнул лёд, так хорошо мне знакомый.

- Вот уж правду говорят: женщину и дьявол не переспорит, - в комичном ужасе покачал головой я, - смотри лучше на облака.

- Попытка уйти от ответа засчитана, - она наставила на меня палец, выстрелила и сдула воображаемый дым.

Мы сели на улице, над площадкой со столиками был абсолютно прозрачный навес, я не знаю, было ли это стекло или какой-то другой материал, но выглядело точно как чистейшее стекло. И кто-то каждый день не ленился мыть этот навес, потому что на нём не было ни пылинки, небо над нами виделось так чётко и ярко, как будто никакой преграды между нами не было. Глубокие плетённые кресла были завалены подушками, и на каждом был пушистый плед, мне достался темно-зелёный, а Рина куталась в голубой. Вокруг кафе росли большие деревья неведомой мне породы, они закрывали стеклянный навес, но сейчас листва была ещё не полного размера, поэтому небо было видно так хорошо.

- Видишь то облако? – Я указал пальцем на белое и как

будто зефирное облачко, медленно плывущее с востока на запад.

- Ну?

- Похоже на красотку с невыносимым характером, которая свела с ума вруна и мошенника, и которую этот бессовестный тип сейчас затащит в кусты и съест на десерт. Смотри – вот прямо точно видно!

- А психиатры что говорят? – Она покосилась на меня с деланным испугом и вытаращила глаза, но улыбка была кокетливой и довольной.

- Ты всерьёз считаешь, что плут и мошенник даст тебе честный ответ? – Усмехнулся я и привлёк ее к себе, она легко поддалась, приоткрыв рот для поцелуя.

Какое-то время мы сидели молча, прижавшись друг к другу и смотрели на небо, день набирал яркость, в воздухе буквально пахло безмятежностью. Я не знаю, о чём думала Рина, но мои мысли вернулись в прошлую ночь. В этом богатом районе мысли о деньгах и без того напрашивались сами собой, и история Дениса была как раз, что называется, в тему. Парень мечтал жить, именно жить, а не существовать, едва сводя концы с концами, как все мы. В молодости особенно ярко видишь всё многообразие мира, всю его красоту, все удовольствия, мир видится шкатулкой сокровищ... и кто-то постоянно бьёт тебя по рукам и не даёт взять всё то, что создал не он, а сам Создатель. Горные вершины, океаны, красивейшие пляжи, плоды, поспевающие каждый год,

вещества, из которых мы, люди, делаем лекарства, предметы удобства и красоты, технологии и дома – всё это не принадлежит политикам и тем, кто имеет наглость заявлять обратное. Мир не создан ими, и не им решать, кому что достанется. Молодые это знают, потому что ещё не успели забыть Истину, не успели ещё привыкнуть к цепям и согнутой в поклоне спине. Как так сложилось, что мир калечит людей? Ты рождаешь красивым, здоровым и полным желания жить, и каждый день мир наносит тебе увечья, пока не превратит в уродливую форму жизни, не смеющую поднять голову, забывшую, для чего дана жизнь, забывшую, кем она родилась. Это искалеченное существо не умеет мечтать, любить и наслаждаться, зато умеет бояться, ненавидеть и страдать. И самое страшное, оно прекрасно умеет приводить всё вокруг в себе подобное состояние.

Я согласен с тем, что деньги – это не есть счастье, нет, деньги – это свобода, а уж как ты распорядишься своей жизнью, имея свободу – зависит от тебя. Да, становясь взрослым, это понимаешь особенно остро, как и то, что кто-то всеми силами пытается отнять у людей свободу, подменяя ее другой ценностью – физической жизнью. Жизни людей нужны, чтобы обеспечивать свободу тем, кто у этой массы свободу отбирает.

Денис спасал людей, рисковал собой ради жизни незнакомых ему особей и даже не мог жить отдельно, иметь свой дом, как и положено взрослому человеку. Он не мечтал пора-

ботить соседние страны или ограбить кого-нибудь, или стать властелином мира, или выиграть в лотерею, он работал на благо общества и просто мечтал иметь свой дом, самая базовая потребность любого существа – иметь своё безопасное убежище. И мир, в котором он жил, не позволял ему этого. Только вмешательство сверхъестественного дало ему хоть какой-то просвет, какую-то надежду. Но гномы с волшебными купюрами не могли являться всем миллиардам желающих обрести достойную жизнь, да и не должны, наверное, они ведь существа из другого уровня мироздания. А в нашем мире мы сами должны были бы навести порядок... только вот пока никак не получалось – это зло, поработившее мир когда-то, прекрасно воспроизводило само себя, поколения искалеченных калечили новые поколения по своему образу и подобию, и так без конца.

Да, в молодости все верили, что изменят мир, и что они-то уж не поддадутся и не позволят себя искалечить и согнуть... Но, тратя силы на ежедневные битвы с этим неискоренимым злом, мы сами не замечаем, как покрываемся увечьями, как сгибается наша спина, а огонь в глазах гаснет. Но мы отбиваемся, переживая очередную подлость, или обиду, или крах мечтаний и надежд, справляемся и живём дальше, с каждым таким увечьем становясь всё уродливее и даже не замечаем этого. Мы отбиваемся от предателей, предавая сами, мы обижаем, потому что нам тоже было больно, мы становимся равнодушными, потому что на наши раны всем так же бы-

ло плевать. Эта трансформация в уродливую форму жизни со злобой в душе не происходит одномоментно, это долгий и незаметный процесс, и когда в конце жизни ты оглядываешься на свой путь, то вдруг понимаешь, что у тебя и не было шанса ничего изменить, что вся твоя жизнь прошла в этих битвах со злом, которые тебя точно так же изувечили.

Да, знаю, Азалиах говорил, что нет никакого зла... но это в их мире, на этаж выше, так сказать, его, может, и нет, а здесь, в мире людей, оно живёт и процветает.

Я бы тоже хотел просыпаться в одном из таких красивых домов, которые мы с Риной видели по пути в парк, просыпаться под пение птиц и шум ветра в листве и видеть раскидистые кроны и цветы, а не серую глыбу соседней многоэтажки и слушать ругань за стеной, детский плач или вой автомобильной сигнализации. Я бы хотел спать по ночам, а не брать дополнительные дежурства, чтобы не чувствовать себя нищим, хотел бы поехать с Риной в Италию, чтобы она увидела наконец все эти бесценные картины и фрески... но мы были здесь, сидели, как чужаки, в соседнем богатом районе, я – после дежурства, а она – выкроившая пару дней для приезда домой.

- О чём ты думаешь? – Спросила она, я так погрузился в эти не самые приятные размышления, что не заметил ее пристальный изучающий взгляд.

- О деньгах, - честно ответил я, - здесь невозможно не думать о них. О деньгах и свободе.

Она пристально посмотрела на меня странным изучающим взглядом, а потом спросила:

- И что для тебя важней?

Я усмехнулся, это был предсказуемый вопрос.

- Говорят же, и правильно, что тот, кто меняет свободу на деньги, в итоге остаётся и без свободы, и без денег. Но это теория. А легко ли отказаться от денег, когда тебе нечего есть? Будет ли тогда свобода дороже, когда ты умираешь от голода или холода? Не знаю. И проверять не хочу.

- Так об этом ты думаешь?

- Вообще-то, нет.

Она вопросительно подняла бровь, в глазах загорелось любопытство.

- Здесь так красиво, так хорошо – не хочу думать о плохом. – Пояснил я, - плохих мыслей мне итак хватает за пределами этого волшебного утра. Я думал о том, каково это: иметь столько денег, что можно делать и иметь всё, что хочешь? Жить там, где действительно хочется, в доме своей мечты, путешествовать столько, сколько душе угодно и так, как нравится, покупать все красивые вещи, в которые влюбишься.... Заниматься только тем, что действительно по душе и что приносит радость. Каково это, ты не задумывалась? Деньги – это ключ к свободе, ключ к тому, чтобы использовать эту жизнь и этот мир на полную, на весь потенциал.

Она помолчала, а потом холодная улыбка искривила ее губы.

- Все об этом думают. Романтики и дураки не только думают, но и верят. Я не тебя имею в виду. – Тут же пояснила она, примирительно выставя ладони вперёд. – Я тоже думала и пришла к выводу, что такого не будет никогда, потому что мир тогда погрузится в хаос, а хаос – это смерть. Уж извини за прямоту, но люди *не* равны, и это факт, с которым не поспоришь. Одни изобретают лекарства от страшных болезней и бьются за сохранение природы, другие гадят там же, где едят и продают своих детей на органы за бутылку водки и лишние пару монет. А теперь представь, что всем им даны равные возможности...

Она улыбнулась какой-то хищной улыбкой, я молчал, не в силах отвести от неё взгляд.

- Дикари и свиньи хлынут туда, где чисто и красиво, у себя ведь они уже всё загадили и уничтожили. Они будут так же бездумно истреблять, брать, опустошать всё, до чего дотянутся. Не будет больше красивых заповедников и парков, богатые города и районы превратятся в такие же густонаселённые грязные трущобы без единого деревца – нужно будет расчищать место для всех этих орд неограниченных в возможностях людей. А самое страшное – начнётся голод и крах производства, потому что работать никто не будет, а зачем, если итак всё есть? И не говори мне чушь, что кто-то мечтает стоять по 8 часов за станком или разгребать навоз. Я не вчера родилась, я знаю людей: так вот, 99 процентов вообще не хотят ничего делать, только жрать и кайфовать. Так что,

нет уж, извини, но я первая голосую против всеобщего равенства.

Я задумался. Ее слова окатили меня, как ледяной душ, но я не мог не признать ее правоту и ум. Я тоже читал про все эти эксперименты с коммунами, все они заканчивались крахом именно из-за человеческой природы – получая свободу и гарантированное благополучие, каждый считал, что работать должны другие, а он может пользоваться чужим трудом, получая блага общины и ничего не делая сам. Самый известный пример «Новая Гармония» Роберта Оуэна, я недавно читал об этом в сети, пройдя по какой-то ссылке на одном из форумов.

Но всё же я думал не об этом.

- Это понятно, - кивнул я, - я тоже не хотел бы жить в таком мире, где какие-нибудь пираты из Африки хлынут в наши города. Я про другое – чтобы ты делала, если бы родилась в том сословии, которое не считает деньги, которое богато многие поколения? Ну, или если бы ты вдруг стала одной из племени очень богатых? Как бы ты жила, если бы не надо было думать о деньгах?

Она задумалась с лёгкой улыбкой на лице. Ветер нежно гладил ее блестящие волосы, утренний свет делал ее похожей на богиню, такой свежей, такой прекрасной и чистой, как будто она не жила в этом грязном мире и не прокладывала себе путь через всю эту пропахшую отходами людей жизнь.

- Это один из вопросов, которые так любят в соцсетях и

на собеседованиях, - ухмыльнулась она через пару минут. – Я отвечала на него уже сотни раз, и в моем ответе не прибавилось ничего нового: я бы писала картины, как и сейчас, только писала больше того, что мне хотелось. Я бы путешествовала, повидала самые красивые уголки мира, задерживаясь на одном месте столько, сколько пожелает душа. Я бы оплатила лечение обречённым людям, которым каждый день собирают смсками деньги.

Она сделала паузу, выразительно посмотрев мне прямо в глаза.

- Но на это ушло бы лет 10-15, пускай. А потом я бы заскучала. Жизнь стала бы пресной, бесцельной и неинтересной. Это была бы тусклая жизнь повидавшего всё за слишком короткий срок. И ты не переубедишь меня, что жить, когда не к чему стремиться и нечего достигать – это яркая и интересная жизнь. Мы не рождены богами на Олимпе, мы рождены людьми – охотниками, собирателями, строителями. Мы смертны, потому что этот мир не так уж велик, его чудес как раз хватает на человеческую жизнь, а жить без интереса мы, люди, не умеем.

Я смотрел на неё с восхищением и каким-то холодом в сердце. Эта богиня нежности и красоты оказалась амазонкой, передо мной была воительница, мечтающая не о безмятежности и райских садах, а о погоне за целью, борьбе и победе.

- Мы мечтаем стать кем-то другим, - тихо проговорил я, -

не понимая, что никакая чужая роль нам не нужна.

- Да, – кивнула она, - мы никогда не будем богами, мы другие. Поэтому богатые люди, по моим наблюдениям, не имея необходимости бороться за жизнь, начинают бороться с жизнью.

- Нам необходимо всегда бежать за солнцем, - холодно улыбнулся я, - потому что энергии у нас больше, чем разума.

- Красиво, - подняла бровь Рина, - очень мудрые слова.

Да, но не мои, подумал я.

- Видишь, - улыбнулась она уже совсем другой улыбкой, знакомая мне женщина вернулась, - эта красота настроила нас на философский лад.

- Должен признаться, в философском понимании жизни ты меня сделала.

Она наморщила носик и закатила глаза, но выглядела крайне польщённой.

- Но позволь мне поставить вишенку на этот мыслительный торт, - улыбнулся я, при этом глядя на неё совершенно серьёзным взглядом.

- Давай. – Она налила чай, уже почти остывший и откинулась на спинку кресла, внимательно глядя на меня.

- Этот разговор является самым верным признаком того, что мы всегда будем туристами в таких «зонах для богатых».

- Да? – Удивлённо подняла брови она, - и почему?

- А это уже мои наблюдения: люди, имеющие мораль, развитую сферу чувств, люди, склонные к размышлениям и по-

искал ответов внутри себя и вовне, никогда не достигают вершин – они не способны пробиться к большим деньгам и успеху. Именно по причине высокой чувствительности и морали. А вот люди, лишённые рефлексии, эмпатии, чувства прекрасного, могут переть по головам, могут убивать, предавать, отнимать. И теперь моя очередь сказать: не пытайся переубедить меня, что человек, спасающий жуков из лужи или подкармливающий бездомных котиков может победить в борьбе за ресурсы того, кто готов ради этих ресурсов содрать шкуру не только с котиков, но и с другого человека.

Она опустила глаза, грустно улыбнувшись.

- Ты прав. Мне нечего возразить. Те, кто может оценить красоту самых удивительных мест – никогда там не окажутся. А те, кто живёт на виллах в райских уголках – тем наплевать на красоту, они ее не замечают, они видят лишь банковские счета и интриги конкурентов.

Я невольно вспомнил нашего политика из Клуба – в точку.

- Ну что, туристка, - я допил свой чай, Рина тоже. – У нас впереди ещё целый день, давай воспользуемся им по полной.

Она улыбнулась, искренне, радостно и мечтательно.

- Пойдём, поглазеим на жизнь бездушных и успешных. Тут ещё минимум 2 парка, которые я хочу украсить нашим присутствием.

И она царственно раскинула руки, кривляясь и смеясь. Я тоже смеялся, легко и от души. Я и представить не мог, что она видела меня вчера, что она вот так виртуозно притво-

рялась. Я врал, она врала... оказалось, в эту игру с успехом можно играть вдвоём.

Глава 17

Я проснулся, как будто от толчка, так бывает, когда сон поверхностный и беспокойный. Я не хотел оставаться у Рины, но завтра она улетала обратно в Питер, и я хотел проводить ее, и это желание побыть с ней было больше желания провести ночь в привычной обстановке. И вот плата за лишние часы вдвоём - я плохо спал. Нет, номер этажа тут ни при чём, и в никакие тёмные силы квартиры на 13-ом этаже я не верю, знаю, что их нет. Просто бывает, что место не твоё, некоторые врачи у нас жаловались, что как бы ни устали, просто не могут спать в ординаторской, наверняка этому есть объяснение, возможно, не совсем обычное, но факт налицо.

Надо спросить об этом Азалиаха, подумал я и ухмыльнулся в темноте, вернее, темнота была не полной, горели мощные фонари на соседних новостройках, наполняя всю квартиру голубоватым светом. Рина была от этого в восторге, ночью можно было спокойно сходить за водой или в туалет, не зажигая свет. Она спала на своей половине широкого дивана, который мы наконец опробовали и нашли весьма удобным для... кхм.. ну, сами понимаете. Этот слабый голубоватый свет проникал сквозь не до конца сдвинутые занавески – ей нравилось именно так – и делал ее похожей на спящую принцессу. Я приподнялся на локте, вглядываясь в ее лицо,

оно было таким совершенным, как будто она тоже была ангелом или Мадам из другого Клуба. Я не хотел, чтобы она уезжала, в ту секунду я ощутил какую-то щемящую боль в сердце – мне вдруг стало страшно, что я никогда уже не найду никого подобного ей, никогда не встречу такую красивую и интересную женщину, готовую быть со мной. А даже если найду – это будет уже не она.

Неужели ты влюбился?? Коварный вопрос, ответить на него трудно даже самому себе. Когда ты молодой и только начинаешь жить, любое чувство кажется любовью, да, собственно, любое сильное положительное чувство и заменяет любовь. А вот с годами и опытом понимаешь, что настоящая любовь – это как крупичка золота в тоннах пустой породы: что-то блеснуло – нет, это кусочек слюды; снова ищешь... опять блеснуло – нет, и на этот раз не золото, а стекло, отразившее свет. И ты с тоской и удивлением вспоминаешь юность, когда всё, что блестит и сверкает – сокровище, то самое золото дураков.

Спать мне совершенно не хотелось, хотя насыщенный день и очень даже яркий вечер должны были бы меня утомить, но нет, я ощущал какую-то болезненную бодрость. Так бывает на дежурстве, когда ты отпахал весь сумасшедший день, а ночью пациентов всё везут и везут, и ты понимаешь, что устал, но адреналин делает своё дело, и это лихорадочное возбуждение, поддерживаемое резервными силами организма, ощущается как ток, заставляющий двигаться Франкен-

штейна. Ладно, у меня в запасе завтрашний одинокий вечер, и ещё множество вечеров, когда ее не будет рядом, успею выспаться, с грустью подумал я.

Я полежал несколько минут, сон не только не пришёл, но и улетучился окончательно. Что ж, подумал я, воспользуюсь популярной рекомендацией – покину кровать, если спать не хочется, попью воды, может, покурю, в общем, перезагрузюсь, как сейчас принято говорить. Я осторожно встал, стараясь не потревожить спящую Рину, бросил на неё ещё один долгий взгляд, она спала так безмятежно, как будто этот голубоватый свет защищал ее от всех бед и несчастий мира за пределами ее квартиры. Кстати, я тоже оценил это постоянное освещение, когда тихо покинул спальню и вышел сначала в коридор – там было темно, почти ничего не видно – а потом в залитую этим странным светом кухню. Здесь было вообще светло из-за стеклянной стены, пока в соседнюю квартиру никто не въехал, Рина не вешала ни жалюзи, ни занавески, так что свет фонарей лился не только через окна, но и через дверь балкона и высокие стекла по бокам от неё. Из-за того, что дома стояли так близко, прожектора на крышах и фонари на фасадах, освещающие двор, казались установленными прямо у Риной в кухне. Всё это было так непривычно, посреди ночи итак ощущаешь себя чужаком в спящем мире, а тут ещё чужая квартира, в которой я ночевал первый (и, возможно, последний, но я не хотел об этом думать) раз...

На столе лежали мои сигареты, я открыл одно из окон, и

в кухню тут же ворвался прохладный весенний ветер, обдувая моё голое тело, пока это было приятно. Я бывал у Рины нечасто, и курил все эти раз 5 на балконе, но сейчас я был в одних трусах, на улице было ещё далеко не лето, да я и дома не позволял себе выходить на балкон в таком виде, тем более, тут... А возвращаться в спальню мне не хотелось. Поморщившись, я цокнул и отбросил пачку обратно на стол, думая о том, что даже одна ночь в чужом месте может принести немало неудобств. С возрастом комфорт поднимается всё выше в твоём личном хит-параде жизненных ценностей, смещая таких лидеров молодости как романтика и авантюризм.

Я бросил задумчивый взгляд на дверь балкона, размышляя, стоит ли попробовать открыть ее и выпускать дым туда, и вспомнил, как в прошлый раз стоял на этой кухне, только залитой вечерним солнцем, а на балконе стоял мой потусторонний гость. Всё этой уйдёт из моей жизни, вдруг понял я и в этом странном свете почувствовал такое отчаяние, такой протест. Жизнь – итак череда бесконечных потерь, завершающаяся самой большой потерей – потерей самой жизни, а мне предстояло потерять не только женщину, которая была мне очень дорога (если и не любима), но и уникальные знания, и впечатления, которые редко выпадают простым смертным. Два самых ценных бриллианта в моей обыкновенной и ничем не примечательной жизни: Рина и Клуб, я не смогу сохранить ни один из них. Вопрос в том, что я

потеряю первым?

Если переезд в Питер пока ещё был под вопросом, то на счёт Клуба мне уже всё сообщили, всё решено, как только я расскажу свою историю – След начнёт тускнеть, я начну забывать то, что случилось со мной тем февральским вечером, а потом, когда все истории будут рассказаны, я начну забывать и сам Клуб. И забуду, так сказал тот, кто стоял на этом балконе в пижонской кожаной куртке и с неизменной покровительственной улыбочкой на идеальном лице.

Да и Рина уедет, посреди ночи врать себе получается хуже всего. Наверное, она предложит мне поехать с ней..., наверное, я откажусь. И не потому, что здесь меня держит работа, или друзья, или дом - врачом я смогу работать и в Питере, близких друзей у меня нет, как и своего дома. На самом деле, Рина – единственное, что было у меня по-настоящему ценного в этом городе. Ценного, но не любимого.

Я хмыкнул, подходя к стеклянной стене, за ней пустая квартира в соседнем доме просвечивалась прожекторами, жутковатое зрелище, как дом призраков. Я сам зафиксировал, что думаю о самой прекрасной женщине в этом городе, как о самом ценном приобретении, а не о самом любимом человеке. А любит ли она меня? Если честно, я не хотел бы знать правдивый ответ на этот вопрос. Если нет – мне это будет неприятно, такой уж я гадкий тип, *мне* не любить можно, а *меня* не любить – нет. А если ответ положительный, тем хуже, меньше всего мне хотелось разбивать ей сердце, а

это неизбежно произойдёт, если один из партнёров любит, а второй – наслаждается ценным приобретением.

А может, это моя защитная реакция на ее неизбежный переезд, может, моя чёртова мужская гордость внушает мне эти мысли, чтобы было не так обидно, когда эта роскошная женщина оставит меня ради мечты и новых горизонтов. Я не исключал.

Но, стоя посреди ночи в чужой кухне в странном голубоватом свете, я вдруг ярко представил себе переезд в Питер. Другая квартира, тоже совершенно чужая, другие улицы, которых я ещё не знаю, поиск работы, новый коллектив со своими заморочками, совсем другой климат, совсем другой вид из окна. И ради чего? Ради того, чтобы одна составляющая моей жизни осталась неизменной – Рина. Ради того, чтобы видеть ее лицо каждый день, я готов на всё это?

- Нет. – Прошептал я в пустой кухне, в этой ночной тишине. – Нет, не готов.

Все эти неудобства и стрессы я уже пережил много лет назад, тогда я был моложе, тогда эти неудобства были ступеньками к мечте, я был окрылён и делал это ради себя. И сейчас, имея обустроенную жизнь там, где мне и хотелось, я не готов был менять ее, потому что крыльев за спиной больше не было, как и мечты.

Вот ты и ответил на вопрос: любишь ли ты ее?

Ладно, сказал я себе, может, это и не такая любовь, как пишут в женских романах и показывают в красивых филь-

мах — в жизни вообще мало что похоже на кино и на выдуманные истории, поэтому на них так много и зарабатывают. Никто тут, в этих каменных джунглях, не остаётся чистым и честным, как герои книг и фильмов, никто не жертвует собой ради правды, справедливости, дружбы или любви. В реальном мире так не принято, здесь люди приспосабливаются, ищут выгоду, врут, используют друг друга, и хорошим человеком считается тот, кто делает всё это не слишком явно и не слишком часто.

Я не хотел ее терять и не хотел менять свою устаканившуюся жизнь. Что-то из этого мне придётся потерять, и если я выберу честно, это не сделает меня героем, но сделает не совсем отвратительным человеком.

Я всё же приоткрыл дверь балкона, вернулся за сигаретам и закурил. Психологи говорят, что человек всегда делает только то, что хочет, просто бывает сложно понять: чего ты на самом деле хочешь больше?

Глава 18

Я не могу сказать, когда она проснулась и почему, этого я не знаю, мне известны лишь факты, да и то не все, скорее всего. Однако я знаю, что в тот момент, когда я курил и размышлял в ее кухне, выпуская дым в приоткрытую дверь балкона, Рина открыла глаза и не обнаружила меня рядом. Предположу, что она не сразу решила сделать то, что сделала, хотя бы потому, что была сонной. Нет, первые минуты она наверняка прислушивалась, думая, что я пошёл в туалет

или попить воды – мои вещи лежали на кресле возле дивана, так что вариант, что я покинул ложе, как случайный любовник, отпадал. Возможно, она услышала, как я открывал дверь балкона, возможно, встала и посмотрела, и тогда, видя, что в постель я пока не собираюсь, решила. Думаю, это было спонтанным поступком, я почему-то уверен, что эта идея была и для неё неожиданной, она ведь не могла знать, что я проснусь и уйду курить из-за плохого сна, как и не могла знать, что сама проснётся в это время, пока меня не будет. Женщины – это глубокие омуты, как бы ты ни вглядывался, ты никогда не увидишь, что там в глубине... а там иногда обитают монстры.

Мысли о том, что она увидела в пятницу возле больницы никуда не делись, они двигались в глубине, как тёмные течения, определяя ее поступки. На тумбочке возле дивана с моей стороны лежал телефон, никакие пароли я никогда не ставлю, так что это было не только возможно, но и легко – она взяла его, перекатившись на мою половину, и, закрыв свет экрана своим телом, начала поиски. Уверен, она и сама не знала, что ищет, просто ей нужны были хоть какие-то зацепки. И она нашла одну: в календаре прошлая пятница была отмечена надписью: «КЛУБ!!??» и смайликами магического шара и звёздного неба. Я сделал эту пометку, когда нервничал и раздумывал, как совместить ее приезд, дежурство и поход в Клуб, сделал и забыл удалить. Да, собственно, я ведь и представить не мог, что кто-то будет копаться в мо-

ем телефоне, так что об удалении или сохранении надписи не думал вообще.

КЛУБ!!?? Я прямо вижу, как она смотрит на экран блестящими от азарта глазами, прекрасная и незнакомая мне охотница, почуявшая след. Она понимает, что нашла что-то крупное, то, что искала, но что это? Одно она может утверждать уже сейчас: то, что она видела – не случайность и не неправильно понятые факты, я на самом деле покидал больницу во время дежурства и ездил в какой-то Клуб, о котором ей ничего не говорил.

Трещина между нами не стала шире – она ушла в глубь. Когда я вернулся в постель, Рина сладко спала, отвернувшись к окну. То есть, я думал, что спала. А наутро она была нежной и немного грустной из-за отъезда. Поцеловала меня на стоянке аэропорта и крепко обняла. Ничего необычного. Вот уж воистину: ложь – игра, в которую можно играть не только вдвоём, на самом деле, количество участников в ней не ограничено.

Глава 19

Вторник, 25 апреля, тёплый циклон, принесённый ветром в выходные, тем самым, который охлаждал моё тело у Рины на кухне, набирал мощность – в 6 утра, когда я посмотрел на градусник за коном, было уже +18. Я присвистнул и пошёл собирать обеденные контейнеры, я твёрдо решил уже тогда, ранним утром, что приложу все усилия, чтобы пообедать на воздухе. Хоть 10 минут в нашем больничном парке казались

мне чуть ли не лекарством от всех печалей. Рина улетела в Питер, а я остался со своими грустными мыслями о нашем будущем и о моих чувствах к ней. Когда мы стояли на светофоре по дороге в аэропорт, она вдруг сказала так просто и буднично: «Тебе надо приехать ко мне в Питер (не просто в Питер, а «ко мне в Питер»), посмотришь, как я устроилась, погуляем по городу. По-моему, будет здорово». Я же не вчера родился, господи! Она уже строила планы, решение в ее голове почти созрело и оформилось. Не буду врать, с одной стороны мне это польстило – собираясь в новую жизнь, она хотела взять меня, а не оставить, как старую вещь в старой квартире. Но гораздо больше меня это испугало и придавило – я ведь не был вещью.

Я улыбнулся (да, все мы, оказывается, умеем виртуозно лицемерить) и так же беззаботно бросил: «Почему нет? Романтическое путешествие весной – ммм, это мечта!». А она продолжила наступление: «И квартира пока бесплатная, грех не воспользоваться». *Пока* бесплатная. Короче, всё было понятно... кроме того, как поступить, ха-ха.

Я не мог не думать об этом, это ведь была моя жизнь, и чем больше я думал, тем больше понимал, что наш небольшой любовный кораблик течение жизни подхватило и несёт на скалы. Да что там, даже Титаник затонул, а наша посуда была абсолютным воплощением духа современности – компактной, комфортной и совершенно непрочной.

Но в то утро вторника тяжёлые мысли рассеялись, как

только я выглянул в окно, как будто солнечный свет уничтожил какие-то тёмные чары. Небо было таким пронзительно-синим с небольшими пухлыми облачками, и этот весенний свет, заряжающий жизнью и оптимизмом... весна вышла на пик своей красоты, и в такое утро просто невозможно было думать о чём-то плохом или о ком-то плохо. И правда, зачем ломать себе голову и отравлять жизнь? Всё так или иначе решится, и это будет в любом случае лучшим решением для меня... для нас. А пока меня ждал тёплый апрельский день, пятница в Клубе, на этот раз без стрессов, потому что я точно не дежурил, а Рина точно не собиралась приезжать – в выходные она собиралась на открытие выставки кого-то из художников издательства, для которого работала. И я не мог не улыбаться при мысли о том, что могу съесть свой нехитрый обед не в прокуренной ординаторской, а в нашем парке на лавочке.

Мне даже удалось урвать себе ещё одно удовольствие: я успел выкурить сигарету в том самом туалете, где не так давно мы беседовали с Азалиахом... но в тот день даже мысли о нём потеряли яркость на фоне дня, я курил и любовался видом из окна, ловил на лице тёплый ветер и радовался, что эти минуты принадлежат мне одному. Потом всё как обычно: приём пациентов, короткие разговоры с коллегами, часов в 12 я даже попытался сесть за написание историй болезни вместе с Илюхой, но мы, как школьники, вместо уроков занимались болтовнёй, и разогретый солнцем и городом ветер

влетал в открытое окно и вместо нас листал истории болезни, забытые на заваленном столе. Примерно в час я достал из холодильника свои контейнеры с пюре и жареными ножками и уже собирался погреть их в микроволновке и отправиться в наш парк, но тут случился первый облом – поступила женщина с острым панкреатитом. Илюха заржал и пожелал мне приятного аппетита.

- Это, чтобы ты не оказался на ее месте, - подмигнул он мне, когда я с недовольным лицом покидал ординаторскую.

- Главное, чтобы ты оставался на своём, - я наставил на него палец с ухмылкой, - даже не думай приближаться к холодильнику.

Он комично закатил глаза, изображая саму невинность, и пожал плечами, на этом мы расстались. Когда я, спустя 40 минут, вернулся, его не было, а моя еда, к счастью, меня дождалась. Я опять поместил всё это в микроволновку, скажу честно, пока таймер вёл обратный отсчёт, я едва не подпрыгивал от нетерпения – так мне хотелось поскорее выйти в этот солнечный день и провести хоть 20 минут вне больницы. Я боялся, что сейчас опять что-нибудь произойдёт, и моя маленькая мечта так и не сбудется. Я так спешил, что едва не забыл взять вилку, в нашем ординаторском раю был целый склад одноразовых вилок и ложек, мы даже шутили, что, если сложить все деньги, потраченные на эти пластиковые приборы, можно было бы купить нормальный диван или поменять холодильник. Но это мы так, ворчали, кофе-машина,

подаренная администрацией, уже внушала нам чувство избранности и роскошной жизни, ха-ха.

Поставив контейнеры один на другой и водрузив сверху вилку, я спешно покинул ординаторскую и направился к лестнице – так было меньше шансов кого-нибудь встретить. И что вы думаете – дверь, ограничивающая наши терапевтические владения, открылась, и в коридоре появился сам Зодиак, шагающий прямо мне навстречу.

- Семён, вы ограбили столовую? – Невозмутимо спросил он, поднимая кустистую бровь.

- Нет, свою кухню, - улыбнулся я, чертыхаясь про себя. – Сейчас как раз пытаюсь скрыться с награбленным, как видите.

- А куда, если не секрет, вы идёте? – И он в упор уставился на меня.

- Хочу пообедать на воздухе, - честно сказал я, - телефон со мной. – И я похлопал себя по карману пижамы. – Пока всё спокойно, я поем.

Он скривил недовольное лицо, но возражать не стал.

- Ладно, красиво жить не запретишь.

- А почему вообще это надо запрещать? – Пожал плечами я и устремился к заветной лестнице, пока кто-нибудь ещё не возник на моем пути.

Я благополучно добрался до первого этажа и решил выйти через вход экстренной помощи, туда привозили пациентов на скорой, так до парка было ближе всего, я понимал,

что время ограничено, поэтому собирался занять первую же свободную лавочку.

- Ты что, грабанул кого-то? – Раздался за спиной знакомый голос. Юра. Я с раздражением закатил глаза. – Хотя мне всегда было интересно: а что на нашей работе можно украсть?

- Ха! Тут 2 варианта: либо у дураков мысли сходятся, либо великие умы мыслят одинаково – Зодиак минуту назад спросил меня тоже самое.

И я повернулся к Юре с ехидной улыбочкой.

- Не, ну, тут очевидно второе, - уверенно заявил он. Мы посмеялись. – Ты куда?

- Хочу поесть на воздухе, - повторил я, - погода такая классная, хочу хоть ненадолго вырваться из этого царства хлорки и стонов. А ты?

Он вздохнул, с завистью окинув взглядом мои контейнеры.

- А я ищу место потише, пока перерыв - посмотрю, как дочка выступает на утреннике.

Я сразу повеселел – он мне не помешает. Я ничего не имею против общения, но иногда хочется просто побыть наедине с миром.

- Ясно...

Телефонный звонок перебил меня, к счастью, звонил не мой телефон. Юра нажал зелёную кнопку и, прижав телефон к плечу, быстро проговорил:

- Это жена по видеосвязи, она на утреннике. Так что я надолго, давай! – И он махнул мне рукой, спешно выходя на улицу.

- Привеет! – Донеслось до меня, Юра как будто стал другим человеком, и мне от этого стало смешно. – Как там моя принцесса? Готова всех покорить? Папа смотрит, я не забыл!

Я улыбнулся, покачал головой и пошёл своей дорогой. Листья уже заметно подросли, и в нашем парке царила кружевная тень, ещё не такая густая, как бывает летом, но сейчас и жары такой не было, так что это было в самый раз. Я окинул взглядом первые лавочки, и тут меня ждал неприятный факт: все они были заняты. Я и не рассчитывал на лёгкую добычу, ха-ха, только не в такой день, но всё же не думал, что людей будет так много. На ближайших к зданию скорой лавочках сидели водители и пара врачей, Маришки среди них не было, ещё чуть подальше я увидел стайку молоденьких медсестёр, не наших, значит, из гинекологии, а остальные лавочки и даже аллеи были заполнены больными и их посетителями.

- Твою ж мать..., - тихонько выругался я, раздражение, смешанное с разочарованием, поднялось во мне, как горячее цунами.

Но я слишком хотел этого, чтобы вот так просто отступить, сжав челюсти и стараясь избавиться от злости, я шагнул на первую аллею, ища, если и не полностью свободную лавочку (это уже очевидно стало невозможным), то хотя бы

место на ней. К фонтану я даже не думал идти – там люди собирались чаще всего, но у меня была некоторая надежда на лавочки воле калитки, что располагалась слева от наших главных ворот, там рядом с забором был большой блок с газовыми установками и электрическими трансформаторами, всё это издавало довольно громкое гудение, заглушающее даже шум города. Бедные не выбирают, так говорила моя бабушка, и моя мама частенько повторяла эту фразу, так что я вздохнул и быстрым шагом пошёл через парк, надеясь и одновременно убеждая себя не сильно психовать, если и там не окажется местечка. Кто-то из пациентов улыбался мне, я отвечал тем же, стараясь изо всех сил, чтобы моя улыбка не напоминала оскал, уже за фонтаном я встретил одного из наших электриков, он тоже обедал в компании каких-то старушек в толстых разноцветных халатах – пациенток больницы. Увидев меня, он помахал мне свободной рукой (в другой был просто огромный бутерброд из половины батона с горой ветчины) и с полным ртом попытался крикнуть что-то вроде: «Тоже ищите местечко?», я испугался, что он поперхнётся, вот ещё не хватало для полного счастья оказывать ему помощь!

- Не я один такой умный, оказывается, - я махнул ему рукой, призывая не разговаривать, - наверное, придётся всё-таки уходить ни с чем.

- Там свободно, - он спешно прожевал и указал рукой в сторону трансформаторов, я так и думал. – Там 2 лавочки

без никого. Шумно, наверное..., - и он красноречиво скосил глаза на старушек, невозмутимо восседающих практически впритык к нему.

Я улыбнулся, показал ему большой палец и поспешил туда, снова думая про себя, что пословицы и поговорки возникают не на пустом месте – бедные не выбирают.

Ближе к трансформаторам растительность становилась гуще, видимо, чтобы хоть как-то уменьшить шум – помимо деревьев (лип, тополей, орехов) вдоль дорожек высадили кусты сирени и какие-то неизвестные мне, цветущие яркими жёлтыми цветами, если бы не гудение, здесь было бы самое лучшее место, лавочки скрывались за зелёными заборами, как за ширмами. Я остановился, здесь уже было очень даже шумно, а до первой лавочки было ещё метров 15, но она была абсолютно свободна, и рефлекс взял своё – я устремился к ней, думая про себя, что я всё равно ненадолго, у меня просто не будет времени устать от этого шума, зато моя мечта исполнится, пусть и не совсем так, как я себе представлял. Аллея, по которой я пришёл, проходила как раз мимо установок и делала плавный поворот к ещё одной калитке и воротам для въезда, наша территория – это почти квадрат, и я сейчас подходил к одному из его углов. Лавочек здесь было мало по понятным причинам, но они были, одна – прямо передо мной, другая – немного за поворотом, я видел ее сквозь молодую листву неведомых мне кустов, ещё неделя, и ничего увидеть сквозь них будет уже невозможно. По уровню шума

и там, и там было одинаково, так что я сел на ближайшую, за моей спиной кусты сирени скрывали ограждения, за которыми были установки, я поднял голову, надо мной в ярко-синее небо устремились ветки раскидистой липы, ветер шумел в кронах, и хоть я почти не слышал его, зато вид был прекрасный. Всё же мне повезло, подумал я, улыбаясь в это весеннее небо как на картинке, в большом городе привыкаешь к шуму, он везде, а вот красота и уединение – большая редкость. Перед началом трапезы я проверил телефон – пока никто меня не хватился – и наконец приступил к обеду. Пюре уже остыло, куриные ножки – почти, но это было восхитительно! Ветер обдувал меня, такой тёплый, солнце прорывалось сквозь молодую листву и играло на плитке, которой была вымощена аллея. Телефон лежал рядом, из-за шума я боялся пропустить звонок, и я пожалел об одном: что из-за гула нет смысла включать музыку, это была бы вишенка на моем сладком обеденном торте.

Сейчас бы чаю, подумал я, блаженно улыбаясь, телефон молчал, и я решил, что посижу ещё немного, всё равно никто меня не искал, а значит, явно во мне не нуждался. Солнечные лучи попадали на моё лицо, когда ветер раздвигал листву, это был так приятно! Я задрал голову к небу, жмурясь, как сытый кот, в такие моменты мыслей в голове нет, телу комфортно, и жизнь кажется безмятежной и, в общем-то, приятной штукой. Трансформаторы мерно гудели, шум не напрягал почему-то, а даже как-то усыплял. Я ощутил, что

дремота наваливается на меня, а шум куда-то ускользает. Мне так хотелось отдаться этому лёгкому потоку, уносящему в страну сновидений, подальше от проблем и страданий этого мира, но я был на работе, поэтому заставил себя открыть глаза...

На соседней лавочке кто-то появился – это первое, что я увидел. Кто-то в темной одежде сидел, облокотившись на спинку лавочки боком ко мне, и сквозь листву я увидел длинные волосы до плеч. Да, я, разумеется, не услышал бы ничьё приближение, тем более, что этот тип точно пришёл с другой стороны – мимо меня он не проходил, за это я мог ругаться, но всё же тот факт, что он вот так внезапно появился, пока я релаксировал, меня как-то напрягал. Я встряхнулся, невольно наблюдая за чужаком, он сидел как-то неподвижно, как будто статуя, наверное, тоже искал место, чтобы подумать, предположил я, вот и нашёл уединённое место, а теперь погрузился в свои мысли. И всё-таки что-то в его фигуре было не так, что-то меня нервировало. Мужчина сидел совершенно неподвижно, никаких микродвижений, он не чесал нос и не смотрел по сторонам, и волосы тёмные, почти черные, как и костюм...

И вдруг я осознал, что было не так. Господи, его длинные волосы никак не реагировали на ветер! Кроны деревьев раскачивались, мои короткие волосы шевелились и создавали смешную тень, а его причёска вообще никак не страдала от ветра, как будто он сидел в стеклянном колпаке - ровно под-

стриженные волосы до плеч лежали абсолютно неподвижно.

Тёмный костюм, волосы до плеч, которых не касается ветер... внезапно мне стало нечем дышать, ужас от догадки парализовал меня, я вдруг понял, что за гость сидит на расстоянии всего нескольких метров от меня! В глазах потемнело. *Не смотри! Только не смотри на него! Если он повернётся...*

И одновременно с этим внутренний голос не верил, отказывался принять то, что видит. Он за мной? От этой мысли я едва не лишился чувств, буквально ощутил, как мир начал куда-то ускользать, но усилием воли вернул себя в реальность – страх, нет, животный ужас заставлял меня следить за тем, кто мог оборвать мою жизнь. Это как тот сон, подумал я на задворках сознания, вот он, прямо передо мной, Ангел Смерти, и если он сейчас повернётся... я знал, что просто не смогу отвести глаза.

Шкет тоже видел его, и моя пациентка, и мать Бакари, и все они мертвы. Неужели же...??

Я издал какой-то тихий то ли стон, то ли писк, не сводя глаз с тёмной фигуры на лавочке, он всё так же сидел, совершенно неподвижный, и смотрел куда-то вдаль или в пустоту. Он правда существует! Я подумал это с каким-то идиотским восторгом, хотя этот восторг был пеной, под которой на меня шла огромная волна из ужаса и отчаяния. Почему я его вижу?! Почему он здесь?! Хотя, наверное, я должен был радоваться, что открыл глаза и увидел его не на *моей* лавочке... Кусты, пришла мысль, и я облизал губы, как хорошо, что его

лавочка скрыта кустами, хоть какая-то иллюзия защиты — я не уверен, что смог бы вот так тихо смотреть на него и не заорать или не упасть в обморок, если бы между нами не было никакой преграды. Ничего не предвещало его появления, я не слышал ни шума, ни изменения в работе приборов, не ощутил никакой вибрации, когда я закрывал глаза, нежась на солнце, его не было, а потом открыл — и вот он, сидит совсем рядом.

И что делать? А вдруг телефон зазвонит, и он повернётся на звук? И потом, я не мог сидеть здесь весь день и не хотел, если честно, теперь я мечтал вернуться в больницу, оказаться среди людей, обычных живых людей, в минуту сильного страха и смертельной опасности я хотел оказаться среди своих сородичей, чувствуя в них защиту. Глупо и примитивно, но разве мы не глупые и примитивные твари, возомнившие себя лучшим, что есть на этой планете?

И тут случилось то, чего я опасался: мне кто-то позвонил. Телефон завибрировал, сначала шёл вибросигнал, потом начиналась мелодия. Это вывело меня из ступора, и ещё страх, что он услышит звонок -- я резко дёрнулся и взял телефон, нажимая кнопку отключения звука. Звонил незнакомый номер, так что я обрадовался, что могу не отвечать. Но всё равно мне надо было уходить, надо было покинуть эту место, уйти подальше от этого существа. Сжавшись в комок, я поднял глаза, боясь увидеть и понимая, что не могу не смотреть....

На лавочке никого не было. Ветер качал кусты, солнце

простреливало листву золотыми стрелами, я был в этой части сквера совершенно один. Как если бы всё это мне при-
снилось.

Глава 20

Ужин стоял передо мной совершенно нетронутый, я сидел над тарелкой макарон уже минут сорок, наверное, может, и больше. Я попробовал заставить себя есть, но быстро отказался от этой мысли – я не чувствовал вкуса еды, как будто ел пластик, и, к тому же, даже отправив в рот порцию макарон, я забывал их жевать.

Вот что, значит, чувствует смертник, знающий, что его жизнь скоро закончится, не когда-то, а вот уже совсем скоро. Согласитесь, такие мысли не способствуют хорошему аппетиту. Не знать – вот, пожалуй, самое большое счастье, как оказалось. Не знать, что друзья говорят гадости за твоей спиной, не знать, что через год начнётся большая война, не знать, что прямо сейчас в пыли, которую ты вдыхаешь, роятся сотни опаснейших микробов и вирусов, не знать, что в такой-то день такого-то месяца ты умрёшь. Я и сам всегда тянулся к знаниям и считал эту тягу гордостью нашего вида, но после той встречи в нашем сквере я вдруг подумал, что готов променять все удивительные знания на жизнь, простую, скучную, невыдающуюся жизнь.

Да-да, все мы умрём, тела не вечны, а души – да, бла-бла, я всё это знаю, и всё же мы так устроены, что держимся за жизнь и боимся ее потерять, по причине как раз незнания:

а что там, дальше? Подло, вдруг подумал я с неожиданной злостью, те знания, которые бы нам облегчили жизнь и пригодились, например, знания о том, что было до прихода в это тело и что будет после, эти знания от нас скрыты, зато совершенно бесполезные знания нам впихивают на каждом шагу: всё конечно, бойся жизни, потому что все мы умрём.

Да, все умрут... но, неужели, и я?? Уверен, так каждый думает, и наверняка отмахивается от таких мыслей или утешает себя чем-то вроде: «ой, до этого ещё слишком далеко, зачем об этом беспокоиться?» и «ну, тогда я стану старым, буду как овощ, и мне будет всё равно». А сейчас, когда по негласному закону жизни тебе ещё положено какое-то немалое количество времени, сейчас осознание своей смертности вызывает ужас и отторжение.

И, конечно, внутри меня тоже шла классическая борьба надежды с реальностью: весь остаток дня я пытался найти хоть какие-то аргументы в пользу того, что сидящий на лавочке мне приснился, показалось, или это, в конце концов, был просто какой-то мужик, тоже решивший насладиться чудесным днём. И мне даже почти удавалось поверить, что это было видением, моё разыгравшееся воображение от всех эти историй, Клуба и его потусторонних обитателей сыграло со мной злую шутку. Я ведь не видел его чётко, он был за кустами, а я довольно долго сидел с закрытыми глазами, может, это вообще был не он! Он же мне не представился: «Здравствуйте, я Ангел Смерти», даже если он и появился

внезапно, и исчез (его необъяснимое исчезновение я никак не мог отрицать, как бы мне этого ни хотелось), может, это был какой-то «коллега» Азалиаха, мир ведь, как оказалось, кишит всякими потусторонними существами! На мне был След, и, может, я как-то притянул это существо, или смог его увидеть благодаря Следу? У меня ведь были только догадки, никаких железных доказательств.... Кроме чувств. И хоть люди высмеивают чувства и стыдятся их, а всё-таки именно они правят миром, потому что правят нами, людьми. А чувства тихо, но непреклонно говорили о том, о чём я не хотел слышать. И все мои попытки разбивались о совершенно чётко увиденную картинку: его волосы, неподвижно висящие до плеч на сильном ветру. Что с этим делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.